

С. СЕКИРИНСКИЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СУРОЖА

С. СЕКИРИНСКИЙ,
кандидат исторических наук

Очерки
истории
Сурожя
IX-XV веков

КРЫМИЗДАТ
Симферополь
1955

„...Крым для исторической науки—золотое дно“.

(М. Горький.)

ВВЕДЕНИЕ

В нескольких километрах к юго-западу от современного поселка Судак, на склонах и вершине высокого утеса, круто ниспадающего в море, высятся сравнительно хорошо сохранившиеся остатки мощных крепостных стен и башен. Это развалины средневековой крепости, защищавшей город, известный по русским летописям под именем Сурожа, он же Сугдея у византийцев, Солдайя у западноевропейских авторов и Судак-Суадаг-Сурдак у восточных географов.

История Крыма богата важными историческими событиями, значение которых выходит далеко за пределы только местной истории. В числе интереснейших и сравнительно мало разработанных вопросов истории Крыма видное место занимает история средневековых городов.

Одним из крупнейших городов средневекового Крыма был Сурож. Некоторые данные о Суроже-Сугдее содержатся в общих трудах по истории Крыма, принадлежащих писателям конца XVIII и первой половины XIX века (А. Нарушевич¹, С. Сестренцевич-Богуш², П. Левашев³ и др.)^{*}.

Первый краткий исторический очерк Сурожа и описание развалин крепости содержатся в книге академика П. И. Кеппена „Крымский сборник“ (1837)⁴. Ряд документов по истории города найден Ф. К. Бруном и приведен в его статье „Материалы для истории Сугдеи“ (1880)⁵. Обстоятельное исследование истории Сурожа принадлежит перу известного русского византиноведа академика В. Г. Васильевского. История средневекового Сурожа привлекла внимание В. Г. Васильевского не столько сама по себе, сколько в связи с содержащимся в „Житии Стефана Сурожского“ рассказом о походе русской рати во главе с новгородским

^{*} Все ссылки на литературу даны в конце книги.

князем Бравлином в далекий Крым в конце VIII или в начале IX века. Дело в том, что сам факт этого похода служит убедительным доказательством существования Русского государства задолго до пресловутого „призвания варягов“ (862 г.).

Сторонники норманской теории, утверждавшие, что Русское государство создали, иноземцы-варяги, пытались опровергнуть достоверность рассказа о походе русских в Сурож или во всяком случае отнести его на конец IX века. В. Г. Васильевский, доказав, что содержащийся в „Житии Стефана Сурожского“ рассказ о походе русских на Сурож соответствует исторической действительности, нанес серьезный удар по космополитическим измышлениям норманистов.

В связи с исследованием „Жития Стефана Сурожского“ родился и исторический очерк В. Г. Васильевского „Исторические сведения о Суроже“. Работа В. Г. Васильевского—это лучшее, что создано русской буржуазной историографией о Суроже. Но и В. Г. Васильевский, как большинство других исследователей, ошибочно считал догенуэзский Сурож-Сугдею византийским городом.

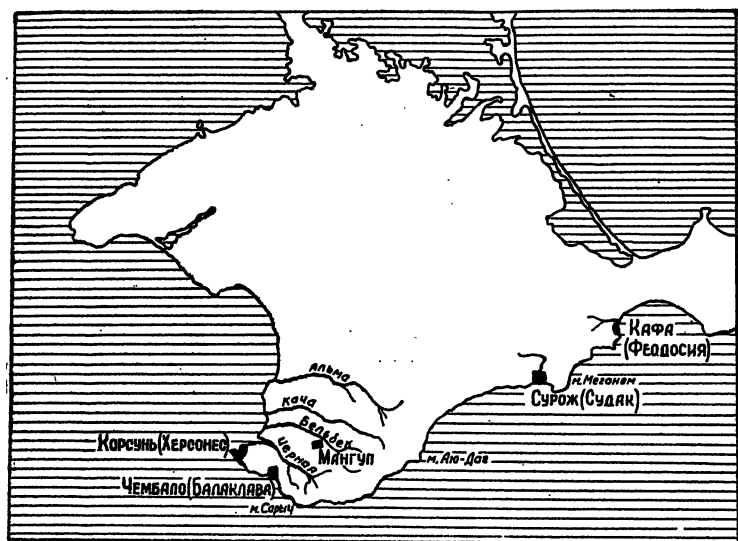
В иностранной литературе специальных работ по истории Сурожа нет. Некоторое освещение тех или иных вопросов, имеющих отношение к истории города, дано в работах Дюбуа де Монпере⁶, Примоде⁷, Канале⁸, Гейда⁹, Братиану¹⁰ и других историков, писавших об итальянской торговле и итальянских колониях в Черноморье. Буржуазные историки, как правило, пытались свести всю историю средневековых городов Крыма к истории иноземных (византийских и генуэзских) колоний, игнорируя роль местного населения в образовании и развитии городских центров полуострова и их связь с Русью.

Итальянский буржуазный историк середины XIX в. Канале, давая периодизацию истории Крыма, ухитрился, например, разделить всю историю полуострова на три эпохи: 1) до основания генуэзских колоний, 2) эпоха генуэзских колоний, 3) после гибели генуэзских колоний в Крыму. Характерно, что работа Канале вышла в свет во время Крымской войны 1853—1856 гг., в которой, как известно, участвовало итальянское королевство Сардиния, куда в этот период входила и Генуя.

Нечего и говорить о том, что социальные отношения в Суроже, для изучения которых источники XV века дают определенные материалы, остались вне поля зрения буржуазных историков.

Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, создали ряд ценных трудов по различным периодам истории Крыма и, в частности, по его средневековой истории. Следует назвать здесь большую статью

Е. С. Зевакина и Н. Н. Пенчко „Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV веке“¹¹, которая является первой попыткой марксистского анализа сложных социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., кандидатские диссертации: М. К. Старокадомской „Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII—первой половины XV в.“¹², И. А. Гольдшмидт „Кафа—генуэзская колония в Крыму в конце XIII—первой половине XV в.“¹³, а также монографию А. Л. Яковсона „Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)“¹⁴. Однако главное внимание в большинстве

Карта средневекового Крыма (XIII—XV вв.).

исследований средневековья уделялось истории Кафы или Херсонеса. Во всех этих работах история Сурожа хотя и затрагивалась, но специально не исследовалась.

Задача данной книги и состоит в том, чтобы хотя бы частично восполнить этот пробел.

Источники по истории Сурожа довольно разнообразны, хотя в большинстве своем очень неполны. Их можно подразделить на письменные и вещественные.

Сведения о Суроже и сурожанах разбросаны в ряде списков русских летописей и в произведениях древней русской литературы („Слово о полку Игореве“, „Задонщина“, южнорусские былины). Много ценных сведений по истории города дают византийские источники. На первом месте здесь стоит своеобразная и единственная в своем роде „хроника“

Сурожа—заметки, сделанные на полях греческой рукописной книги религиозного содержания—синаксаря. Синаксарь был обнаружен в середине XIX века в монастырской библиотеке на острове Халка в Мраморном море и опубликован в 1863 г. в пятом томе „Записок Одесского общества истории и древностей“¹⁵. В средние века синаксарь хранился в одном из монастырей Сурожа-Сугдеи, и владельцы синаксаря время от времени заносили на его поля заметки об интересных с их точки зрения событиях.

Общее количество заметок, сделанных на синаксаре,—194. Самая ранняя заметка относится к 1186 году, самая поздняя—к 1419 году. Следовательно, события, нашедшие свое отражение в синаксаре, охватывают почти два с половиной века. Заметки касаются событий самого различного значения. Здесь есть очень важные записи о нападениях на Сурож татар, о количестве населения в городе в середине XIII века и т. д. Есть и много заметок о смерти никому не известных монахов и светских лиц.

К византийским источникам относятся акты Константинопольского патриархата XIV в., в которых не раз упоминается о Сугдейской епархии и о деятельности сугдейских архиепископов и митрополитов¹⁶.

На грани между русскими и византийскими источниками стоит упомянутое выше „Житие Стефана Сурожского“¹⁷. Полный текст „Жития“ был впервые опубликован акад. Васильевским. В. Г. Васильевский рассматривал „Житие“ как компиляцию, составленную русским книжником позднейшего периода на основе греческих источников, и считал, что самый текст „Жития“ имеет весьма малую историческую ценность. Однако, пренебрежительно относясь к самому тексту „Жития“, В. Г. Васильевский считал, что рассказ о походе на Сурож русского князя Бравлина, содержащийся в особом разделе „Жития“, заслуживает полного доверия.

О Суроже сообщают арабские писатели XIII—XV вв. Ибн-ал-Асир, Ибн-абд-аз-Захыр, Ал-Муфаддаль, Ибн-Батута, Элайни¹⁸, персидский автор XIII в. Ибн-ал-Биби и другие. Из них особо надо выделить сочинение Ибн-ал-Биби „Сельджук-Наме“¹⁹, в котором подробно описывается поход турок-сельджуков на Сурож в начале XIII в. и имеются интересные сведения о роли русских в жизни Сурожа.

Описания Сурожа содержатся в произведениях западных путешественников, побывавших в городе в различные периоды его истории. Среди этих описаний наибольший интерес представляет сочинение французского посла к хану Батыю Вильгельма Рубрука²⁰, который проезжал через Сурож в середине XIII в. и оставил сравнительно подробное сообщение о городе.

Важным источником по истории Сурожа в XIV—XV вв.

являются уставы генуэзских колоний в Черном море, составленные в Генуе в 1316²¹ и 1449 гг.²² Следует отметить, что устав 1449 г. был впервые опубликован в 1863 г. в России и только спустя 14 лет — в 1879 г. — издан в Италии. Большое количество документов, имеющих отношение к Сурожу XV века, содержится в архиве так называемого банка св. Георгия в Генуе, которому в 1453—1475 гг. принадлежали генуэзские колонии в Крыму. В архиве банка имеются письма и донесения, полученные от консулов (управителей) Кафы, Солдайи и других генуэзских владений в Черном море; приказы о назначении в черноморские колонии Генуи консулов, комендантов крепостей и других должностных лиц, подробные инструкции для консулов и т. д. Архив банка был издан в Италии во второй половине XIX века²³.

К письменным источникам относятся также нотариальные акты венецианцев и генуэзцев, составлявшиеся в Солдае в XIII в.²⁴ Наконец, к письменным источникам следует причислить и эпиграфические материалы — надписи, высеченные на каменных плитах в стенах башен средневековой крепости в Судаке. В стенах крепостных башен есть восемь плит с надписями, и одна надпись сделана на стене храма. Четыре плиты с надписями были в свое время найдены в районе крепости. Надписи составлены на латинском языке. Степень сохранности их различна. Начертание некоторых букв настолько неясно, что вызывает споры среди историков. Судакские надписи изучались и издавались многими исследователями²⁵. Наиболее полное издание генуэзских надписей в Крыму принадлежит Е. Ч. Скржинской²⁶.

Среди вещественных памятников Сурожа первое место принадлежит остаткам средневековой крепости (описание их см. в приложении 1).

Кроме этой крепости и примыкающего к ней комплекса строений, в Судакском районе есть ряд других археологических памятников различных эпох. К ним относятся стоянка новокаменного века, открытая в 1926 г. в 3 км от с. Щебетовка (б. Отузы), таврское убежище на горе Караул-Оба, открытое в 1948 г. Судакским отрядом Тавро-скифской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

В 1952 г. близ с. Морского, Судакского района, начались исследования гончарных печей, относящихся к VIII—IX вв.²⁷

В окрестностях Судака обнаружено также большое число развалин средневековых укреплений, христианских храмов и монастырей. Остатки средневековых монастырей встречаются между Судаксом и совхозом „Новый Свет“, на юго-западном склоне горы Ай-Георгий, у подножья горы Перчем, в окрестностях с. Щебетовки, близ берега Судакского залива, у подножья горы Сокол и т. д. Вблизи Судака найдено несколько

средневековых могильников. Под горою Сокол в 1936 г. экспедицией Института антропологии Московского государственного университета было открыто средневековое поселение. В районе с. Щебетовки, на правом берегу реки Отузки, еще в первой половине XIX в. были обнаружены остатки средневекового укрепления²⁸.

Таковы важнейшие источники по истории Сурожа.

Глава I

СУРОЖ И РУСЬ

Археологические памятники, обильно представленные в Судаке, говорят о том, что район современного Судака был населен с древнейших времен. Следы древнего жилья и могил встречаются в окрестностях Судака повсеместно. Препровождение человека здесь прослеживается со времен новокаменного века¹.

До начала средневековья здесь жили тавры, как об этом свидетельствует открытое археологами убежище поздних тавров на горе Караул-Оба².

В древнегреческом „Перипле“ (описании пути вдоль берега) Арриана, составленном в первой половине II в. н. э. (Арриан совершил плавание вдоль берегов Черного моря в 134 г. н. э.), есть указания о покинутом порте скифо-тавров, расположенном между Феодосией и Лампадой (ныне Большой Маяк близ Алушты). Арриан пишет: „Отсюда (т. е. от Феодосии) 200 стадий до покинутого порта скифо-тавров...“³. Подобное указание встречается и в „Перипле“ безымянного автора V века. Только здесь гавань скифо-тавров имеет уже название — Афинейон. „От Феодосии,— говорится в „Перипле“,— до пустынной гавани скифо-тавров 200 стадий. Здесь покойная стоянка для кораблей“⁴.

Основываясь на этих данных, некоторые авторы (А. Фабр, Н. Лапин) высказывали мнение о существовании Судака еще в античную эпоху. Однако расчет расстояния от Феодосии до порта скифо-тавров заставляет нас отказаться от этого предположения. Известно, что мера длины у древних греков—стадия—равнялась примерно 240 шагам, но так как шаг у различных людей может иметь различную величину, то стадию определяют как меру длины, равную 150—189 метрам⁵. Если взять минимальную величину стадии (150 м), то в этом случае расстояние от Феодосии до порта скифо-

тавров составит 30 км. Если же взять максимальную величину стадии, то и тогда это расстояние составит только 37,8 км. А от Феодосии до Судака по шоссейной дороге, которая идет в основном вдоль берега моря, 56,5 км. К тому же большинство расстояний, приводимых Аррианом (даже если принять минимальные размеры стадии), значительно больше расстояний по современным дорогам, которые, как правило, идут вдоль побережья. Следовательно, в обоих случаях покинутая гавань скифо-тавров не совпадает с Судакком и оказывается лежащей значительно восточнее Судака. Упоминаемый Аррианом порт следует, повидимому, связать с городищем в районе современного с. Планерского (б. Коктебель).

Сами жители Сурожа относили основание города к началу III века н. э. В одной из заметок на полях синаксаря, датированной 1296 г., говорится: „Построена крепость Сугдея в 5720 году. (Всех же лет) от построения Сугдеи до сегодняшнего дня, т. е. до 6804 года, 1084“⁶. Летоисчисление в Византии и на Руси велось в средние века от „сотворения мира“, и 5720 год этого летоисчисления соответствует 212 году нашей эры.

Эта дата повторяется в записях, сделанных спустя 16 и 115 лет. Заметка под 1312 г. гласит: „Построена крепость Сугдея в 5720 году. Итак, протекло от построения Сугдеи до настоящего времени 1100 лет“⁷. И, наконец, в третьей заметке, в 1411 г. мы читаем: „Итак, прошло до сегодняшнего дня, т. е. до 6919 года — 1199 лет“⁸.

Какими материалами располагал автор заметки под 1296 г., приводя дату постройки Сугдейской крепости? Возможно, что в его распоряжении были какие-то письменные источники, ныне безвозвратно утерянные, а может быть, он руководствовался только устным, часто далеко не достоверным преданием. Других материалов, которые бы подтверждали эту дату, до нас, к сожалению, не дошло.

Ф. К. Брун высказал мнение, что среди первых обитателей Сугдеи были аланы. Само название „Сугдея“ происходит из аланского языка⁹. Аланами в средние века назывались племена сарматского происхождения, жившие во II—IX вв. на территории Северного Кавказа и в области между Нижним Днепром и Южным Уралом. В первые века нашей эры аланы проникли в Крым. Пребывание алан в Крыму прослеживается до XV в. включительно¹⁰.

Мнение Бруна было поддержано В. Г. Васильевским, который дополнил аргументацию Бруна новыми данными. В. Г. Васильевский показал, что у современных осетин, которые считаются потомками алан, существуют слова „сугдед“ и „сугдаг“, а также заброшенное поселение „Суадаг“¹¹. Таким образом, основываясь на имеющихся в нашем распоряжении данных, мы можем предполагать, что в первые

века нашей эры среди населения Сугдеи были аланы, давшие городу его название.

О жизни Сурожа до VII в. нам, к сожалению, пока ничего неизвестно. В источниках этого периода не упоминается даже о существовании города. Только в сочинении анонимного географа VII в. в числе других городов северного побережья Черного моря назван город Сугдабон и указано его примерное местонахождение¹². Судя по этим данным, Сугдабон и Сурож — это один и тот же город.

Более или менее подробные сведения о Суроже мы находим лишь в „Житии Стефана Сурожского“. Из „Жития“ выясняется, что в конце VIII—начале IX в. Сурож был значительным городом Крыма. Глава сурожской церкви имел сан архиепископа¹³, а резиденциями архиепископов, как правило, избирались более или менее крупные города.

Сурож был хорошо укрепленным городом. Описывая осаду города новгородским князем Бравлином, „Житие“ указывает, что русские десять дней бились у стен города и только на десятый день им удалось, взломав железные ворота, войти в Сурож: „С мною силою прииде к Соурожу, за 10 дньий бишася зле межоу себе, и по 10 дньий вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата и вниде в град...“¹⁴ „Житие“ свидетельствует, что Сурож был богатым городом. Гроб умершего архиепископа Стефана был щедро украшен золотом и драгоценными камнями: „а на гробе царское одеало, и жемчуг, и злато, и камень драгый, и кандила злата и съсоудов златых много“¹⁵.

Поход Бравлина был предпринят крупными силами и распространился на большую часть побережья Крыма: „...прииде рать велика роусскаа из Новаграда князь Бравлин силен зело, плени от Корсоуни и до Корча“¹⁶.

Русская рать овладела, кроме Сурожа, Корсунем, Корчевом (Керчью) и другими пунктами. Это видно из того места „Жития“, где говорится о повелении Бравлина своим дружинникам вернуть назад священные сосуды, взятые в Корсунь, Керчи и других местах: „...рече князь боляром сии възвратите все елико пограбихом священныя съсоуды церковныя в Корсоуни и в Корче, и везде и принесите семо все“¹⁷.

Русские воины взяли много пленных. В „Житии“ сообщается, что Бравлин по просьбе сурожан велел вернуть всех пленных, захваченных его войсками во время похода: „...Попове же рекоша князю: обещаися богу елико от Корсуни до Корча, что еси взял пленники моужи и жены и дети, повели възвратити вся. Тогда князь повеле всем своим вся отпустиша, кождо в свояси“¹⁸.

Такой крупный поход русских, каким был поход Бравлина, не мог быть случайным явлением в жизни Крыма эпохи раннего средневековья. Это событие надо рассматривать в

связи с вопросом о роли славянства в истории средневекового Крыма.

Вопрос о славянах в Крыму за последнее время вызвал оживленную дискуссию среди советских историков и был одной из центральных проблем, обсуждавшихся на объединенной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР, состоявшейся в Симферополе в мае 1952 г. Советская историческая наука отвергла, как в корне ошибочные и антинаучные, марристские построения некоторых крымских и некрымских историков, утверждавших, что славяне в Крыму появились в результате „превращения“ скифов в славян.

Однако, отвергая эти упрощенческие, вульгаризаторские концепции, советские историки не только не отрицают, но, наоборот, убедительно доказывают, что славяне играли большую роль в Крыму уже в эпоху раннего средневековья и что история Крыма неразрывно связана с историей Восточной Европы.

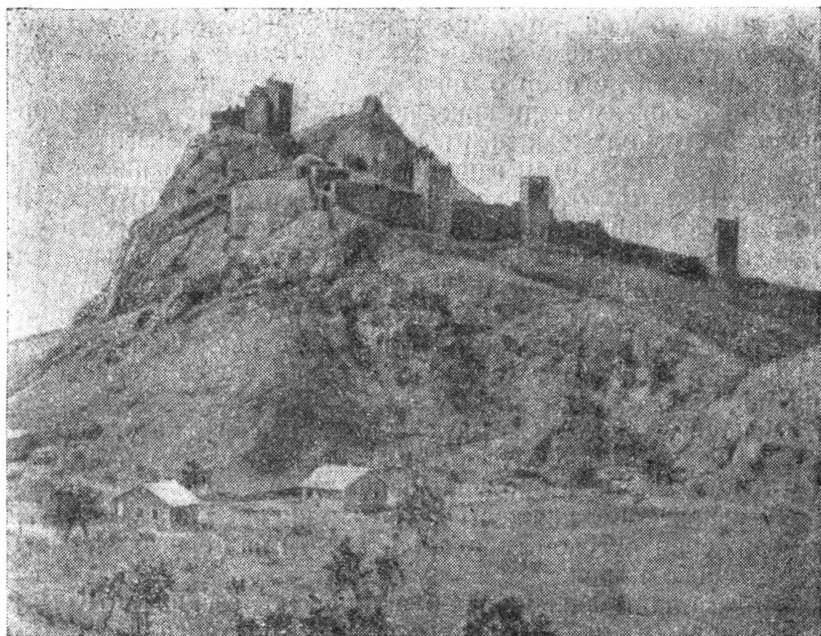
В настоящее время можно считать общепризнанным мнение о том, что славяне пришли в Крым с Русской равнины, непосредственным продолжением которой является Крымский полуостров. Одни исследователи относят появление славян-антов на побережьях Черного и Азовского морей к первым векам нашей эры¹⁹. Другие считают, что заселение славянами Крыма и Тамани можно датировать только с VI—V вв.²⁰ По мнению некоторых исследователей, славяне пришли в Крым главным образом по водному пути от Днепра по Черному морю на восток — к устьям Дона и Кубани — вдоль всего побережья Крыма²¹. Другие придают известное значение и сухопутному пути, связывающему степной Крым с южнорусскими степями.

Можно полагать, что появление славян в Крыму связано с т. н. „великим переселением народов“, т. е. с тем мощным движением племен и народностей в IV—VII вв., которое опрокинуло в конце концов рабовладельческие государства древности²².

О раннем пребывании славян в Крыму свидетельствует ряд археологических памятников, датируемых серединой первого тысячелетия н. э. Здесь можно назвать Ай-Тодорский могильник IV века, где весь обряд захоронения полностью совпадает со славянским обрядом погребения²³. К славянским захоронениям относятся и некоторые погребения Чернореченского и Инкерманского могильников²⁴.

Как известно, славяне принимали активное участие в „великом переселении народов“ и сыграли решающую роль в ликвидации рабовладельческого строя в Византийской империи. Поход Бравлина надо рассматривать как один из важных эпизодов в борьбе Древнерусского государства с Визан-

тией за Крым, где Византия имела в этот период свои владения (Херсонес). Сам факт появления в Крыму в конце VIII или в начале IX в. рати из далекого Новгорода ничего удивительного не представляет, ибо в это время славяне уже знали путь из Балтийского моря в Черное. Он шел по Неве в Ладожское озеро и отсюда по Волхову, озеру Ильмень и впадающей в это озеро реке Ловати, которая отделена небольшим пространством суши („волоком“) от верховьев Днепра, и далее вниз по Днепру в Черное море²⁵.

Общий вид судакской крепости с северо-востока.

На вторую четверть IX в. приходится поход Руси на малоазиатское побережье Черного моря — от Пропонтиды (Мраморное море с проливами) до Синопа, о котором нам сообщает „Житие“ Георгия Амастридского²⁶. В 860 г. состоялся новый поход Руси на Византию. Русские осадили Константинополь. Византийский император вынужден был пойти на заключение с ними „договора мира и любви“²⁷.

В конце IX в. происходит объединение двух центров восточнославянских земель — Киева и Новгорода. Киев становится центром Древнерусского государства, „матерью городов русских“. Объединение русских земель вокруг Киева приводит к усилению активности Древнерусского государ-

ства на внешнеполитической арене. Русь выходит на северное побережье Черного моря.

В начале X в. русское войско во главе с князем Олегом совершает поход на Царьград (Константинополь).

В 911 г. между Русью и Византией был заключен договор, свидетельствующий, что Византия была побеждена и вынуждена принять все требования Руси²⁸.

Повидимому, в ответ на нарушение греками условий договора русские предпринимают поход на Византию в 941 г. Он был неудачен для русских²⁹. Однако через три года русское войско снова выступило в поход на Византию. На этот раз дело до боя не дошло. Византийское правительство предложило русскому князю Игорю выкуп, и в том же году был заключен договор о мире³⁰.

Игорь обязался не присваивать себе власть над „Корсунской страной“ (так называются в договоре византийские владения в Крыму) и защищать ее своими военными силами³¹. Понятно, что такое обязательство могло быть реальным только при наличии опорных пунктов русских где-то недалеко от Херсонеса. Судя по всему, к этому времени русские прочно утвердились в восточной части Крыма и на Таманском полуострове³². В этой связи заслуживает внимания то обстоятельство, что Игорь после неудачного похода на Византию в 941 г. вернулся в Киев через Керченский пролив³³.

Успешный поход Святослава против ясов и касогов (аланов и черкесов) в 966 г. укрепил положение Руси на Тамани и в Крыму³⁴. Во второй половине X в. здесь образуется Тмутараканское княжество. Это — яркое доказательство утверждения русской государственности на берегах Черного и Азовского морей.

Показателем большой роли Руси и русских в Крыму в конце X в. являются обстоятельства похода киевского князя Владимира на Корсунь в 989 г. Этот поход подробно проанализирован академиком Б. Д. Грековым в его работе „Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь“³⁵.

Б. Д. Греков убедительно показал, что без сочувствия и даже содействия местного населения Крыма Владимиру очень трудно было бы взять Корсунь. Летопись указывает, что среди самого населения Корсуни были сторонники русского войска. Они-то и сообщили Владимиру, как можно отрезать Корсунь от источников водоснабжения, и таким образом облегчили взятие русскими города.

В этот период русские люди составляли часть населения Херсонеса. Об этом свидетельствует „Житие“ Константина (Кирилла) Философа, который еще в IX в. встретил в Херсонесе человека, знающего русскую речь³⁶. Об этом же гово-

рит археологический материал (русские кресты), относящийся, правда, к концу XII — началу XIII в.³⁷

К сожалению, документальных и вещественных данных, говорящих о связях Сурожа с Русью в X—XII вв., пока у нас нет. Но такие факты, как упоминание Сурожа в гениальном произведении древнерусской литературы — „Слове о полку Игореве“, где Сурож поставлен рядом с Тмутараканью и Корсунем³⁸, празднование в Суроже дня памяти русских святых Бориса и Глеба (Давида и Романа)³⁹, не известных в Византии, и, наконец, близость Сурожа к поселку Планерское (б. Коктебель), где археологами открыты памятники славянской культуры⁴⁰, — все это позволяет заключить о наличии связей между Сурожем и Русью в X—XII вв.

Тесные экономические и политические связи Крыма с Русью способствовали экономическому развитию полуострова, подъему его производительных сил⁴¹. Однако вторжения в Крым кочевников (хазар, половцев, татар) прерывали эти естественные и плодотворные связи и приводили к большому разрушению производительных сил полуострова, к торможению исторического развития Крыма⁴².

Хазары захватили значительную часть Крыма в VII в. Из „Жития Стефана Сурожского“ видно, что в конце VIII — начале IX в. в Суроже сидел хазарский наместник (тархан, или тудун)⁴³. Следовательно, Сурож в этот период находился в известной зависимости от хазарского каганата — примитивного государственного образования VII—X вв., которое простиралось от берегов Каспийского моря и Нижнего Поволжья до Азовского моря и Крымского полуострова. Полу- дикие орды хазар сыграли в высшей степени отрицательную роль в развитии местных оседлых земледельческих племен Восточной Европы и, в частности, в развитии оседлых племен Крыма. Местное население Крыма ненавидело хазарских захватчиков, поднимало против них восстания (например, в 787 г.).

Только разгром хазарского каганата Киевской Русью обеспечил освобождение Крыма из-под власти хазар. Но в том же X в. в Крыму появляются новые завоеватели — печенеги.

Материалы, полученные при археологических исследованиях последних лет, говорят о том, что в начале X в. жизнь в ряде поселений на Керченском полуострове и на Южном берегу Крыма оборвалась. Исследователи связывают это запустение с нашествием печенегов⁴⁴.

В письменных источниках X—XI вв. о Суроже встречаются лишь отдельные упоминания, из которых можно извлечь немного. В этот период Сурож несколько раз называется в константинопольских церковных актах. В 997 г. определение константинопольского синода подписал в числе

других церковнослужителей архиепископ Константин Сугдейский. В 1026 г. участвовал в синоде и подписался под его определением архиепископ Сугдеи Арсений. В 1087 г. на церковном соборе присутствовал сугдейский архиепископ, имя которого осталось неизвестным⁴⁵.

Из этих немногих указаний о сугдейских церковниках можно только заключить, что в X—XI вв. Сугдея продолжала существовать и являлась центром архиепископства, которое входило в состав Константинопольской патриархии.

Связи Сурожа-Сугдеи с Византией не ограничивались церковными рамками. К 1059 г. относится следующая надпись, найденная в конце прошлого века в Херсонесе: „Сооружены железные ворота претория, возобновлены и прочие (ворота) города при Исаакии Комнине, великом царе и самодержце Римском, и Екатерине, благочестивейшей Августе, Львом Алиатом, патриkiem и стратиге Херсона и Сугдеи“⁴⁶. Вполне возможно, однако, что в XI в. Сугдея уже не входила в состав византийских владений в Крыму и вышеприведенная надпись свидетельствует лишь о притязаниях Византии на побережье Крыма, а вовсе не является доказательством реальной власти Византии над Сугдеей.

В XI в. в южнорусские степи вторглись кочевые племена тюркского происхождения — половцы, или кыпчаки, они же команы. Половцы, захватив Крым, подчинили себе и Сурож. Арабский писатель Ибн-ал-Асир называет Судак городом кыпчаков⁴⁷. Арабский историк Элайни считает Судак „наибольшим из городов кыпчацких“⁴⁸. Посол французского короля к Батюю Вильгельм Рубрук, перечисляя крымские города, пишет: „На этой равнине до прихода татар обычно жили команы (половцы. — С.С.) и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань“⁴⁹.

В этот период Сурож играл большую роль в черноморской торговле. „...Город кыпчаков, — пишет Ибн-ал-Асир, — из которого они получают свои товары... (лежит) на берегу Хазарского моря, и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры и другие предметы, находящиеся в стране их“⁵⁰.

„Корабли с одеждами“, повидимому, приходили к крымским берегам из Малой Азии и из Италии. „Буртасские меха“ — это меха с берегов Волги. Бобры могли доставляться русскими купцами из северных краев.

Много интересных подробностей об экономическом и политическом положении Сурожа в начале XIII в. дает рассказ персидского автора Ибн-ал-Биби о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских. Турки-сельджуки захватили в XI в. большую часть Малой Азии и основали здесь свое государство — Иконийский султанат. Рассказ Ибн-ал-Биби

относится к 1221—1222 г.⁵¹ Ибн-ал-Биби вполне определенно указывает на торговое значение Судака и подчеркивает экономические мотивы похода турок на Судак.

„Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, — повествует Ибн-ал-Биби, — к (его) суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кыпчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли“⁵².

Далее Ибн-ал-Биби сообщает, что с такими же жалобами к султану обратилось еще несколько мусульманских купцов из Малой Азии. „Султан, услышав просьбу о помощи, разгневался, велел вознаградить купцов, приказал снарядить войско, поставить во главе его Амир Хусан-ад-дина Гупана, который был главным эмиром и полководцем государства, и послал его в сторону Сугдака“⁵³.

Все это свидетельствует о том, что турки-сельджуки торговали через Крым с половцами и русскими и что Судак-Сурож был одним из важных перевалочных пунктов на путях из Малой Азии в половецкие степи, Русь, Булгар и дальше⁵⁴.

Торговое значение Судака выясняется и из условий капитуляции города перед сельджуками. После поражения судакского войска к военачальнику сельджуков было отправлено посольство, которое заявило, что „все, что он прикажет, исполним: уплатим харадж и бадж и путешественников, проходящих через нашу страну, удовлетворим, имущество купцов, погибших в нашей стране, вернем, и все, что у нас есть, в распоряжение его предоставим“⁵⁵. Подобные обещания могли быть сделаны только представителями крупного торгового города, через который шли важные торговые пути. О значительном развитии города говорят и размеры денежных подарков, врученных послом Судака Хусан-ад-дину. Они оценивались в 50 тысяч динаров⁵⁶.

Ибн-ал-Биби рассказывает, что город защищало войско, состоявшее из тысячи хорошо обученных военному делу юношей⁵⁷. Такой гарнизон мог иметь в средние века только город, имевший много жителей и располагавший большими средствами.

Судя по рассказу Ибн-ал-Биби, и в XIII веке Судак, несмотря на зависимость от половцев и большой ущерб, нанесенный половцами русско-крымским связям, продолжал привлекать внимание Русского государства. Ибн-ал-Биби говорит, что когда турки появились у берегов Судака, то на помощь Судаку пришло войско, составленное из русских и кыпчаков⁵⁸.

Рассказ Ибн-ал-Биби свидетельствует о том, что русские имели в XIII в. определенные экономические и политические интересы в Сурожѣ. Иначе трудно объяснить, почему кыпчакский хан обратился за помощью (для Судака) к русскому князю, а русский князь так быстро откликнулся на этот призыв и выставил против турок свое войско.

Таким образом, несмотря на нарушения кочевниками связей Руси с Крымом, эти связи сохранялись до нашествия татар и, как мы увидим дальше, после нашествия татар на Крым.

Глава II

БОРЬБА СУРОЖА С ТАТАРАМИ

В начале XIII в. в Центральной Азии образовалось раннефеодальное монгольское государство, которое с самого начала своего существования вступило на путь внешнеполитической экспансии, захвата и порабощения других народов. В первые десятилетия XIII в. татаро-монголы завоевали Среднюю Азию и вторглись в Закавказье и Восточную Европу.

Татаро-монгольские завоевания сопровождались разрушением городов и сожжением сел, массовыми убийствами и уводом в рабство жителей захваченных стран. Маркс, говоря о причинах разорения татарами городов и сел на Руси, указывает, что „...монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием“¹.

На Северном Кавказе татаро-монголы разбили половцев и, преследуя их, ворвались в Крым. В январе 1223 г. они заняли Сурож. „В тот же день пришли впервые татары“², говорится в заметке, сделанной на полях синаксаря 27 января 1223 г.

Более подробно о нападении татар на Сурож сообщает арабский писатель Ибн-ал-Асир. „Придя к Судаку,—пишет Ибн-ал-Асир,—татары овладели им, а жители разбрелись, некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море“³.

Нашествие татаро-монголов нанесло тяжелейший удар хорошо налаженным торговым связям между Крымом и русскими землями, а также между южными и северными берегами Черного моря. „С тех пор как вторглись татары,—говорит Ибн-ал-Асир,—не получалось от них (кыпчаков) ни-

чего по части бургасских мехов, бобров и (всего) другого, что привозилось из этой страны"⁴.

Первое появление татар в Крыму носило характер кратковременного налета. Подорвав свои силы в битве с русскими на Калке и потерпев серьезное поражение от волжских болгар, татары вернулись через степи Казахстана в Монголию.

С уходом татар из Крыма и всего Северного Причерноморья были восстановлены временно нарушенные торговые связи между обоими берегами Черного моря и между Крымом и Русью. Ибн-ал-Асир отмечает: „Когда же они (татары) покинули (землю кыпчаков) и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было (прежде)"⁵.

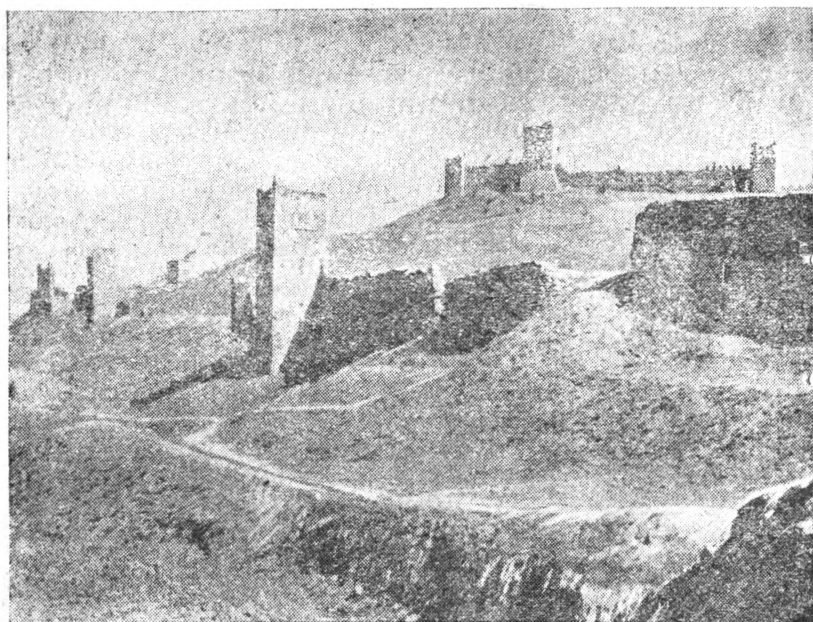
Но в 1236 г. начался новый поход татар на юго-восток Европы. В 1239 г. они вторично нахлынули в Крым. Это событие нашло свое отражение на полях синаксаря. В заметке от 26 декабря 1239 г. говорится: „В тот же день пришли татары"⁶. На этот раз татары надолго утвердились в Крыму, и Крымский полуостров стал улусом (провинцией) Золотой Орды.

В период своего утверждения в Крыму татары находились на низкой ступени материальной и духовной культуры и оставались почти на том же уровне развития и в последующие несколько веков. Даже в XVI в. основным занятием крымских татар было полукочевое скотоводство. „Жизнь татар... первобытная, пастушеская,—говорит писатель XVI в. Михаил Литвин,—... Они не имеют ни изгородей, ни домов, только передвижные палатки из прутьев и камыша... Землю, даже самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама приносит, т. е. травой, которая служит кормом для скота"⁷.

Другой автор XVI в., Мартин Броневский, сообщает: „Большая часть татар не обрабатывает полей и не сеет хлеба, но питается кониной, верблюжатиной, быками и баранами"⁸. Само скотоводство носило у татар чрезвычайно примитивный характер. „Скот и лошади даже зимой пасутся... под открытым небом; если они, переутомленные работой, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются... травой, добытой из-под снега ударами копыт"⁹,—пишет тот же Михаил Литвин.

Крайне низкий уровень развития производительных сил у татар обусловил исключительно большую роль войны в их жизни. „Выход из хозяйственных затруднений татары находили,—пишет автор обстоятельного труда „Борьба Московского государства с татарами в XVII веке" А. А. Новосельский,—не в развитии производительных сил... а в отыскании сторонних источников средств, какими сделались

для них беспрестанные войны с соседями и получение с них принудительных платежей. Эти статьи дохода с давних времен вошли в качестве органической части средств, поддерживавших существование крымского населения¹⁰. Война ради грабежа соседнего оседлого населения, ради захвата в плен жителей разоренных сел и городов с целью продажи

Судакская крепость. Вид с севера.

пленников в рабство являлась главным „промыслом“ крымских татар.

Из всех кочевых племен, вторгавшихся в Крым, наибольший ущерб развитию его экономики и культуры нанесли татары. Местное население Крыма ненавидело татарских захватчиков и вело с ними борьбу.

В 1249 г. татары вынуждены были оставить Сурож и его окрестности. Заметка на полях синаксаря от 27 апреля 1249 г. гласит: „В тот же день очищено от татар все... и сосчитал севаст (правитель) народ... и праздновал торжественно“¹¹. Судя по тону заметки, можно предполагать, что уход татар из города был вызван народным восстанием.

В последующее время зависимость Сурожа от татар ограничивалась уплатой дани. Рубрук, проезжавший через Сурож в 1253 г., пишет, что он не застал там городских начальников, так как они отправились зимой к Батю

с данью и к моменту прибытия Рубрука в город (май) еще не вернулись¹². О значительной степени самостоятельности Сурожа говорит существование так называемых солдайских аспров (мелкой серебряной монеты), упоминаемых в нотариальных актах Сурожа-Солдайи 1274 г.¹³ и нотариальных актах Кафы 1290 г.¹⁴

До середины XIII в. важнейшие торговые пути, связывавшие страны Западной Европы с Востоком, проходили через портовые города Сирии и Палестины, где еще с конца XI в. в результате крестовых походов утвердились западноевропейские рыцари и купцы, а также через гавани Египта. Сюда прибывали товары из стран Ближнего и Среднего Востока, из Индии, Китая, с Зондских островов. Во второй половине XIII в., в связи с потерей крестоносцами своих владений на восточном берегу Средиземного моря, торговые пути на Восток частично переместились к берегам Азовского и Черного морей.

В сочинении флорентийца Пеголотти, относящемся к первой половине XIV в., подробно описывается сухопутный путь от устья Дона до Китая. Этот путь шел из Таны (Азова) через Астрахань, Сарай на Волге и далее в Среднюю Азию и Китай. Пеголотти сообщает даже стоимость подобного путешествия, указывая, что на дорогу из Таны до Пекина надо издержать 300—350 флоринов (золотых монет)¹⁵.

Крым, находясь в узле путей Азово-Черноморья, играл важную роль в международной торговле. В крымских портах разгружались суда с товарами из Передней Азии, Египта, Византии, стран Западной Европы и караваны из Золотой Орды, Средней Азии, Дальнего Востока. В то же время Крым являлся связующим звеном в экономических и политических отношениях Византии и государств Балканского полуострова с Русью.

Главным портовым городом Крыма в XIII в. становится Сурож. Возвышению его способствовало то, что он был расположен значительно ближе, чем Херсонес, к Керченскому проливу, Азовскому морю и конечному пункту великого пути из Азии—к Тане.

Торговые связи Сурожа были очень обширны. Рубрук, описывая Сурож, говорит, что „...туда пристают все купцы, как едущие из Турции (Рубрук имеет здесь в виду Иконийский султанат) и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран, желающие переправиться в Турцию“¹⁶. Рубрук называет и важнейшие товары, которые шли транзитом через Сурож: „Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею, шелковые материи и душистые корни“.

Меха в Сурож доставлялись русскими купцами. Тот же Рубрук сообщает, что, когда он раздумывал, что б ему взять для перевозки своего имущества: телеги, запряженные двумя быками, или вьючных лошадей, то константинопольские купцы посоветовали ему взять телеги и купить крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха¹⁷. Русские меха доставлялись в Крым или по Днепру, а затем Черным морем, или так называемым „Залозным путем“, который тоже шел по Днепру, а затем степью, через Перекоп¹⁸.

В XIII веке купцы из Солдайи появляются в русских землях. Об этом свидетельствует известный путешественник XIII в. Марко Поло. Рассказывая о русских „здравницах“ (пиршествах), он замечает: „Случается, что во время этих здравниц, или попоек, пьющие берут деньги взаймы у иностранных купцов из Хазарии или Солдайи или других соседних стран и отдают в заклад своих детей“¹⁹. Из этого рассказа Поло видно, что солдайские купцы на Руси, кроме торговли, занимались ростовщическими операциями, беря в залог детей своих должников.

Пребывание сурожан в конце XIII в. в русских землях (во Владимире-Волынском) зафиксировано в русской летописи: Описывая погребение князя Владимира Васильевича Галицкого в 1288 г., летописец говорит: „И тако плакавшеся над ним все множество Володимирцев, Немцы и Сурожьде, и Новгородцы“²⁰.

Через Сурож проходил и другой торговый путь—через приазовские степи в столицу Золотой Орды—Сарай-Берке и далее на Восток. Одним из важнейших узловых пунктов, расположенных на этом пути, был город Солхат (Старый Крым), расположенный на расстоянии одного дневного перехода от Сурожа и тесно связанный с ним. Очень показательно, что Солхат отмечен на китайской карте начала XIV в.²¹

Арабский писатель XIII в. Ибн-абд-аз-Захыр сообщает, что в Солхате живут „...люди разных племен, как-то: кыпчаки, русские и аланы“²². Если в Солхате постоянно жили русские, то, несомненно, они были и в составе постоянного населения Сурожа.

Наконец, через Сурож шел морской путь—в Константинополь, Средиземное море, Венецию, Геную.

Напомним читателю, что в Суроже Рубрук застал купцов из Константинополя, прибывших раньше него. Возникает вопрос: кто были константинопольские купцы, с которыми Рубрук встретился в Солдае-Суроже? Известно, что с 1204 по 1261 г. Константинополь находился в руках участников четвертого крестового похода. Значительная часть города принадлежала венецианцам, сыгравшим огромную роль

в организации этого крестового похода. Греческое население города было так разорено и стеснено завоевателями, что вряд ли греки могли принимать активное участие в заморской торговле. Поэтому можно думать, что константинопольские купцы, торговавшие в 1253 г. в Солдаёе, были скорее всего венецианцы.

О пребывании венецианцев в Суроже в XIII в. есть ряд документальных свидетельств. Раньше было принято считать, что венецианцы появились впервые в Суроже в середине XIII в. Однако недавно опубликованные материалы говорят о том, что венецианцы вели торговлю в Суроже уже вскоре после захвата Константинополя крестоносцами. В торговой сделке, заключенной в Константинополе между венецианскими купцами Пьетро Феррагута и Захария Стагнорио еще в 1206 г., конечным пунктом операции названа Солдаёя²³. О торговле венецианцев в Солдаёе говорит Марко Поло: „В то время когда Балдуин был императором в Константинополе, т. е. в 1260 г., два брата, господин Никколо Поло, отец господина Марко, и господин Маффео Поло, находились тоже там; пришли они туда с товарами из Венеции. Посоветовались они между собою да и решили итти в Великое море (Черное море) за наживой да за прибылью. Накупили они всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдаёю“²⁴.

Из сочинения знаменитого путешественника видно, что Солдаёя была хорошо знакома венецианцам и, надо полагать, часто посещаемая ими. Марко Поло не счел нужным сказать о Солдаёе хотя бы несколько слов, зная, по всей вероятности, что этот город хорошо известен в Италии. Он обычно старался описывать только неизвестные европейцам города и страны, пропуская описание общеизвестных местностей. Так, например, говоря о Черном море, Марко Поло указывает: „Начали мы о Великом море (Черном море), да и раздумали писать о нем: много людей хорошо знает это, поэтому-то оставим его и расскажем о западных татарах и о государях, что там правят“²⁵.

Венецианцы не только проезжали через Солдаёю-Сурож. Некоторые из них оседали в городе на более или менее постоянное жительство. Из духовного завещания Маффео Поло явствует, что дядя Марко Поло имел в Солдаёе свой дом²⁶.

Непримиримым врагом и конкурентом Венеции была другая купеческая республика Италии—Генуя. Генуэзцы понесли большой урон от четвертого крестового похода: венецианцы добились изгнания генуэзских купцов из захваченных крестоносцами владений Византии. Поэтому Генуя сблизилась с Никейской империей в Малой Азии, ставшей центром сопротивления византийцев крестоносцам.

В марте 1261 г. между никейским императором Михаилом Палеологом и генуэзцами был заключен договор, по которому генуэзцы получили право свободной торговли во всех владениях Михаила Палеолога и в случае возвращения Константинополя под власть византийцев—исключительное право плавания и торговли в Черном море²⁷. В июле 1261 г. войска Никейской империи овладели Константинополем.

Взятие Константинополя византийцами явилось тяжелым ударом по Венеции. Венецианский квартал в столице Византии был сожжен, и территория его передана генуэзцам. Они получили фактически монопольное право торговли в Черном море²⁸.

Пребывание генуэзцев в Суроже-Солдае документально засвидетельствовано в середине 70-х годов XIII в. Об этом говорят три нотариальных акта, составленных генуэзскими купцами в Солдае в августе 1274 г.²⁹ О наличии у генуэзцев связей с Солдаей в эти годы свидетельствуют и составленные в июле 1274 г. на южном побережье Черного моря, в городе Ватице, два нотариальных акта, в которых должники дали обязательство уплатить взятые займы деньги после своего приезда в Солдаю³⁰.

Но генуэзцам не удалось окончательно вытеснить венецианцев из черноморской торговли. В 1265 г. Венеция заключила с Византией мир, и венецианцы снова получили доступ в Черное море³¹. Повидимому, их торговые интересы в Суроже были очень значительны, потому что уже в 1287 г. в Солдае сидел венецианский консул³².

Между генуэзцами и венецианцами завязалась ожесточенная борьба за Черноморье. Преобладание в этой борьбе в конце концов оказалось на стороне первых. К концу XIII в. генуэзцы прочно обосновались в городе Кафе (ныне Феодосия), расположенной примерно в полсотне километров на восток от Сурожа.

Трудно точно установить время основания генуэзских колоний в Крыму. В архивах Италии не сохранилось ни одного документа, указывающего, каким образом и когда генуэзцы получили Кафу. Первое известие о генуэзской Кафе относится к 1289 г. К этому времени принадлежат дошедшие до нас нотариальные акты Кафы, датируемые 1289—1290 гг.³³ В 1290 г. был принят первый устав Кафы, от которого до нас дошли только заголовки.

Несомненно, что генуэзцы не могли получить Кафу без содействия со стороны татар. Возможность продавать захваченных во время войны пленников и обменивать продукты скотоводства на заморские товары, а также большие выгоды, которые можно было извлечь из сбора таможенных пошлин с иностранных товаров, — таковы, повидимому,

мотивы, побудившие татарских правителей Крыма разрешить генуэзцам основать свою колонию.

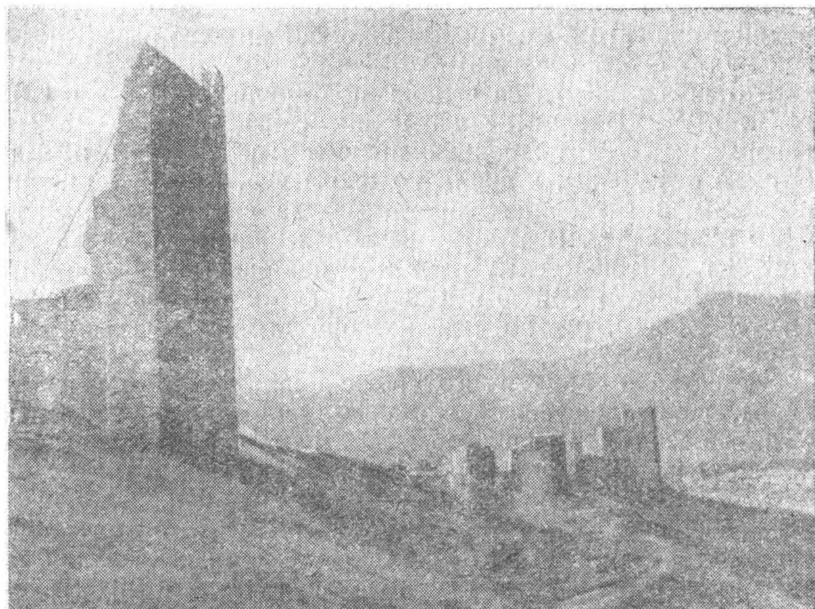
Буржуазные историки уверяют, что до появления генуэзцев территория вокруг бухты Кафы была необитаема. Советские исследователи на основании изучения общего положения Крыма в ту эпоху и нотариальных актов Кафы конца XIII в. опровергли это утверждение⁸⁴. Город существовал задолго до появления здесь генуэзцев, но вследствие Батыева нашествия он потерял значительную часть своего населения. В полуопустевшем городе татары уступили генуэзцам часть земли для поселения.

Кафа стала центром генуэзских владений на Черноморском побережье. По отношению к другим портам Крыма генуэзцы проводили политику удушения своих соперников. В уставе генуэзских колоний на Черном море, принятом в 1316 г., содержатся специальные статьи, непосредственно направленные против конкурента Кафы—Солдайи-Сурожа. В уставе подчеркивается, что „не должны генуэзцы или те, которые считаются или называются генуэзцами или пользуются, либо привыкли пользоваться благами генуэзцев, ни покупать, ни продавать, ни приобретать, ни отчуждать, ни передавать кому-либо, ни лично, ни через третье лицо каких-либо товаров в Солдаие под страхом указанного выше штрафа“⁸⁵. „Никто из генуэзцев...—говорится далее в уставе,—не смеет выгружать или приказывать выгружать или позволять выгружать с судов, над которыми они начальствуют или на которых они находятся, на какую-либо часть побережья от Солдайи до Кафы каких-либо вещей или товаров под страхом штрафа в 100 золотых перперов (византийская золотая монета.—С. С.) с каждого (нарушителя) за каждый раз“⁸⁶.

Генуэзцам далеко не сразу удалось подорвать торговлю Сурожа. Судя по арабским источникам, Сурож-Судак в первой половине XIV в. был городом, хорошо известным далеко за пределами Крыма. Арабские писатели называют Сурож наряду с такими значительными торговыми центрами Восточной Европы и Средней Азии, как Булгар, Сарай, Азов, Хорезм⁸⁷. Восточные писатели конца XIII в. именуют Черное море Судакским морем⁸⁸. О большом значении Сурожа в конце XIII века говорит и тот факт, что в 1282 году глава сурожской епархии имел сан митрополита⁸⁹.

Из заметок на полях синаксаря мы знаем, что в середине XIII в. численность населения города достигала 8300 человек. В. Г. Васильевский считал, что под этой цифрой нужно разуметь численность только взрослого мужского населения⁴⁰. А в средние века города с населением в 10—15 тысяч считались уже большими. Стало быть, Сурож в XIII в. был крупным, густо населенным городом.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать некоторые выводы и об этническом составе населения Сурожа в середине XIII столетия. Синаксарь свидетельствует, что наряду с греками в Суроже проживали в числе других народностей и татары, причем некоторые из них приняли христианство. В заметке, стоящей под 1275 г., сообщается о смерти „рабы божьей Параскевы, татарки“⁴¹. В заметке под 1276 г. говорится о смерти Иоанна христи-

Судакская крепость. Западные башни.

анина, татарина⁴². Кроме этих прямых указаний на татар-христиан, умерших в Суроже во второй половине XIII в., в синаксаре упоминается много других лиц с тюрко-татарскими именами. Среди населения Сурожа синаксарь называет и армян⁴³.

Арабский писатель Ибн Саид, умерший в 1274 г., писал: „Население Судака представляет смесь всех народов и всех вер, но христианство есть господствующая религия“⁴⁴.

Хотя торговля с приморскими городами Крыма приносила татарам большие выгоды, взаимоотношения между портовыми городами Крыма и татарами отнюдь не всегда отличались мирным характером. Богатства приморских городов привлекали жадные взоры кочевников.

В 1298 г. синаксарь зафиксировал нападение татар на Сурож: „В тот же день пришло (Ногаево) войско“⁴⁵.

Более подробно об этом нападении рассказывают арабские писатели. Ал-Муфаддаль пишет: „Ногай... пришел в Судак с большим войском и приказал жителям Судака, чтобы все, которые были за него, вышли за город со своими людьми и со своим имуществом. Вышли все приверженцы его, а их было более $\frac{1}{8}$ (населения). Потом он приказал войскам (своим) окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим, истязал его и отбирал все его имущество, а затем убивал его, так что (наконец) умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (город) и уничтожил его дотла (собственно: оставил его разоренным, как будто его и не было)“⁴⁶.

Татарские набеги на Сурож повторялись в 20-х и 30-х годах XIV в. В заметке на полях синаксаря под 1322 г. говорится: „В тот же день пришел Толактемир... и взял Сугдею без войны, и сняли колокола все, и сломали иконы и кресты, и затворили ворота, и была скорбь, каковой не было никогда“⁴⁷. В заметке на полях синаксаря, сделанной в 1323 г., сообщается: „В тот же день закрыли безбожные агаряне божественную и священную икону Спаса нашего Иисуса Христа, (что) в царских воротах богоспаемого города Сугдеи“⁴⁸.

Известия о событиях в Суроже дошли даже до папского двора, находившегося в то время в Авиньоне, на юге Франции. В 1323 г. папа Иоанн XXII отправил к татарскому хану Узбеку послание, в котором говорилось: „Так как мы не можем не огорчиться несчастьем христиан, бедствиями и притеснениями, то с болью услышали мы, что христиане, еще недавно бывшие в городе Солдае, изгнаны сарацинами из города, что церковные колокола сняты и сами церкви осквернены“⁴⁹. Папа просил хана разрешить христианам вернуться в город.

Столь „трогательная“ забота папы об интересах христианского населения Сурожа была вызвана отнюдь не человеколюбием, а проектами подчинения папскому престолу православного населения Византийской империи и других стран. Крым и его приморские города являлись одним из путей экспансии римско-католической церкви на Север и Восток. Отсюда такой интерес папства к крымским делам.

В 1327 и 1338 гг. татары, как это явствует из заметок, сделанных на полях синаксаря, снова нападали на Сурож и подвергали его разорению⁵⁰. Систематические нападения татар на Сурож говорят о том, что местное население упорно сопротивлялось попыткам татар ликвидировать автономию города и установить здесь ничем не ограниченную власть татарского наместника.

Очень важно отметить, что борьба Сурожа с татарами запечатлена в русском народном эпосе, в былинах о богаты-

рях-сурожцах. Содержание этих произведений сводится к тому, что молодой богатырь-сурожец выезжает в поле и встречается с татарской ратью, которую он побивает. Исторической основой былин о сурожских богатырях послужила упорная борьба Сурожа с татарами⁵¹. Отражение этой борьбы в русском народном эпосе является одним из веских доказательств тесных связей Сурожа с Русью.

Татарские набеги привели к резкому сокращению численности населения города и значительно подорвали его экономику. Известный арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Сурож в 30-х годах XIV в., сообщает: „Это один из городов кыпчакской степи, на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и самых лучших гаваней. Вокруг него сады и воды... Большая часть домов его деревянные. Город этот (прежде) был велик, но большая часть его была разрушена...“⁵²

Погромы Сурожа татарами были только на руку сопернице Сурожа — генуэзской Кафе. Разорение города татарами облегчило осуществление захватнических планов генуэзцев в отношении Сурожа. Однако, несмотря на громадный урон, нанесенный Сурожу татарами, Сурож в XIV в. сохраняет известное значение в международной торговле и, в частности, во внешнеторговых связях Руси. Татарское нашествие, нарушив связи Руси с Крымом, не могло их полностью повредить.

В русской летописи под 1356 г. сообщается, что из Орды в Москву пришел татарский посол Ирынчей и с ним гости — сурожане⁵³. Исследователь южнорусской торговли В. Е. Сыроечковский отмечает, что это — первое свидетельство о торговых связях Москвы с Сурожем⁵⁴.

Со второй половины XIV в. в русских летописях все чаще и чаще упоминаются купцы-сурожане. Многочисленные упоминания о них разбросаны в разных списках русских летописей. В рассказах об осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г. неоднократно говорится о сурожанах и имя сурожан ставится рядом с суконниками и прочими купцами⁵⁵.

В. Е. Сыроечковский, специально исследовавший значение термина „сурожанин“, пришел к выводу, что сурожанами в Москве называли особую, привилегированную категорию купцов. По его мнению, сурожане в XIV—XV вв. образовывали верхушку московского купечества. Это говорит о большом значении Сурожа в московской торговле. Вполне возможно, что термин „сурожане“ отражал уже несколько устаревшее представление о роли Сурожа и распространялся на всех купцов, торговавших с Крымом. В XV веке под сурожанами, повидимому, подразумевались купцы, главным образом торговавшие в Кафе.

Но связи Москвы с Сурожем не ограничивались только

поездками в Сурож московских купцов и сурожских купцов в Москву. „Бархатная книга“ сообщает, что в Москву при великом князе Дмитрие Ивановиче Донском прибыл „князь Стефан Васильевич из своей вотчины из Судака, да из Манкупа, да из Кафы. От его сына Григория Ховры пошел род Ховриных и Головиных, а от них Грязные“⁵⁶.

Кто был по своему происхождению Стефан Васильевич, мы не знаем. И. Медведева в книге „Русская Таврида“ высказала предположение о том, что среди русских купцов, постоянно проживавших в Суроже, были и купцы-землевладельцы, имевшие свои вотчины в Крыму⁵⁷. К сожалению, в нашем распоряжении пока нет документов, которые бы подтвердили существование подобных вотчин. Вполне возможно, однако, что из среды русского населения, которое в течение ряда веков жило в Крыму, могли выделиться землевладельцы-феодалы.

Любопытно, что в 1380 г., отправляясь в поход на татар, Дмитрий Донской взял с собою десять сурожан для того, чтобы они могли, если что случится, рассказать обо всем в дальних землях. Летописец сохранил нам имена этих сурожан: Василий Капица, Сидор Елферьев, Константин Блок, Кузьма Коверя, Симеон Онтонов, Михайло Саларев, Тимофей Вesaков, Дмитрий Черной, Дементей Саларев, Иван Ших⁵⁸.

Остается нерешенным вопрос, были эти купцы жители Сурожа или московские гости, торговавшие с Сурожем. Во всяком случае большая часть имен сурожан, упоминаемых в летописи, принадлежит русским людям, и по истечении столетия некоторые из этих фамилий снова встречаются в русских летописях (Вesaков, Саларев, Ших).

Глава III

СУРОЖ ПОД ВЛАСТЬЮ ГЕНУЭЗЦЕВ

Генуэзцы овладели Сурожем в июле 1365 г. Это событие нашло свое отражение на полях рукописной греческой книги, которая до Великой Отечественной войны хранилась в Керченском археологическом музее. Надпись, сделанная неизвестной рукой на одной из страниц книги, гласит: „Заняли крепость Сугдею кафинцы 6873 (1365 г.)“¹.

Писатель XVI в. Мартин Броневский, делая попытку объяснить причины перехода Солдайи под власть генуэзцев, пишет: „Гордые, несогласные (между собою) и мятежные греки, побежденные генуэзцами, лишились этого города... Они (греки.— С. С.) утверждают, что греки дошли наконец до такой вражды междоусобной, что семейства, наиболее страдавшие от этих смут, не хотели даже присутствовать и участвовать в публичных богослужениях“².

Таким образом, в представлении греческого населения Судака в конце XVI в. главным обстоятельством, облегчившим генуэзцам захват города, были внутренние раздоры среди местного населения, иными словами говоря,—ожесточенная классовая борьба между различными социальными группами Сурожа.

Вместе с Солдайей генуэзцы захватили большой сельский округ, в состав которого входило 18 деревень. В административном отношении вся эта территория составила Солдайское консульство, подчиненное Кафе. До нас дошли названия этих деревень в латинской транскрипции. Вот они: Coxii, или Cosio, Sancti Johannis, Tarataxii, Louolli-Volli, Sille-Tasili, Sdaffio, Canecha, Carpati, Scuto, Bezalega, Buzult, Cara, Diauollo, Carlo, Sancti Erigni, Saragaihi, Paradixii, Cheder³.

Известный исследователь истории Крыма А. Л. Бертье-Делагард сделал попытку выяснить местонахождение этих

деревень и на основании этого определить границы Солдайского консульства в генуэзский период.

12 деревень Бертье-Делагард связывал с 12 современными ему деревнями восточного побережья Крыма: *Cosio* — с деревней Козы (ныне Лагерное); *Tarataxii* — с деревней Таракташ (ныне Дачное); *Louolli-Volli* — с деревней Ворон (название то же); *Sille-Tasli* — с деревней Шелен (ныне Громовка); *Carpati* — с деревней Арпат (ныне Зеленогорье); *Scuto* — с Ускутом (ныне Приветное); *Bezalega* — с Беш-эвэли (ныне не существует); *Buzult* — с Эл-Бузлы (ныне Переваловка); *Caга* — с Каргалыком (ныне Зеленая); *Sancti Erigni* — с Сартана (ныне Алексеевка); *Cheder* — с Чардаклы (ныне не существует); *Carlo* — с Юкары-Тайган (ныне Белогорск).

Пять деревень, которых к началу XIX в. уже не было, Бертье-Делагард относил к определенным географическим пунктам: *Sancti Johannis* — к долине Ай-Ван, находящейся вблизи деревни Таракташ; *Sdaffo* — к долине Ставлухор, расположенной в нескольких километрах от деревни Ускут; *Canecha* — к долине Канака, находящейся западнее Ускута; *Saragaihi* — к верхней части Ай-Савской долины, которая называлась Кара-Агач; *Paradixii* — к церкви Параскевы, находившейся близ деревни Ортолан (ныне Земляничное). Таким образом, только одна деревня (*Diauollo*) осталась у Бертье-Делагарда не связанной ни с каким определенным географическим пунктом⁴.

Как видим, далеко не все деревни Солдайского консульства находились на морском побережье. Часть деревень была расположена на северном склоне гор, в сравнительном отдалении от моря. Это лишний раз показывает, как лжива сфабрикованная буржуазными западноевропейскими историками легенда о том, что генуэзцы якобы не стремились в Причерноморье ни к завоеваниям, ни к крупным территориальным приобретениям, а имели своей целью лишь получение факторий на берегу моря для торговли с местным населением⁵.

В 1381 г. генуэзцы по договору с татарами, заключенному после разгрома русскими татарских полчищ Мамай на Куликовом поле, закрепили за собой 18 деревень Солдайского консульства и, кроме того, приобрели еще капитанство „Готию“⁶, как нередко в средневековых источниках назывался Южный берег Крыма⁷. На основании этого наименования Южного берега Крыма и некоторых других крайне недостоверных фактов многие буржуазные историки пытались доказать, что германские племена готов в течение многих веков, сохраняя свой язык и культуру, якобы господствовали на значительной территории Крыма и имели здесь свое государство.

В действительности небольшая часть готов, пришедшая в Крым в первые века нашей эры, постепенно растворилась среди местного населения, не оставив никаких следов своего пребывания. Термин „Готия“ сохранился лишь как географический и церковно-топографический термин, обозначающий определенную часть Крыма. Следует подчеркнуть, что археологи и историки не обнаружили в Крыму ни одной готской надписи, рукописи и т. п.

В число поселений капитанства „Готия“ входили такие пункты, как Fori, Lupico, Muzacori, Orianda, Jallita, Sicitia, Gorzouium, Pertenite, Lusta⁸. В этих названиях нетрудно узнать современные Форос, Алупку, Мисхор, Ореанду, Ялту, Никиту, Гурзуф, Парthenит (ныне Фрунзенское), Алушту.

Еще до захвата Сурожа генуэзцы в 1357 г. подчинили своей власти Чембало (Балаклаву). Таким образом, во второй половине XIV в. генуэзцы утвердились на крымском побережье от Чембало до Кафы. Впоследствии генуэзцы распространили свою власть вплоть до Керченского пролива.

Кроме владений в Крыму, генуэзцы располагали колониями на западном, южном и восточном берегу Черного моря. Маркс отмечал: „...генуэзцы, под покровительством греческих императоров, почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря“⁹.

Главным торговым и политическим центром генуэзцев на Черном море была Кафа. Через нее шла транзитная торговля товарами Востока (пряности, ароматические вещества, шелк и шелковые изделия) и товарами, которые доставлялись в Крым из русских земель (меха, воск).

Буржуазная историография приписывала итальянским купцам, проживающим в Кафе, необычайную разветвленность их торговых операций. По утверждению ряда буржуазных историков, генуэзских купцов можно было видеть на всех путях, соединявших Крым с Поволжьем, Средней Азией и Китаем.

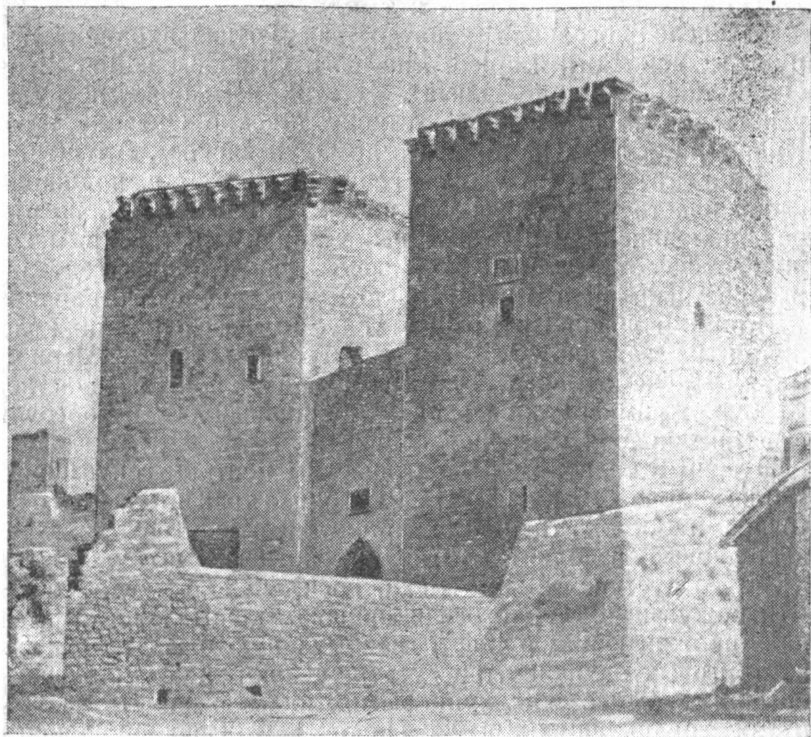
В действительности, как это убедительно показано советскими исследователями¹⁰, диапазон торговых связей самих генуэзцев был довольно ограничен. Генуэзские купцы, жившие в Кафе, обычно далеко не ездили и предпочитали пользоваться теми товарами, которые доставлялись в Кафу или Солхат другими купцами¹¹.

Наряду с транзитной торговлей большую роль в экономике генуэзских колоний играла торговля сырьем и продуктами самого Крыма. Основными предметами генуэзского вывоза были рыба, икра, соль, невыделанные шкуры, хлеб из Прикубанья.

Генуэзская торговля с Крымом носила, как правило, эксплуататорский характер. Генуэзцы стремились устанавливать в городах Крыма максимально низкие цены на мест-

ные продукты и сырье и сбывать привозимые ими товары втридорога.

Важной статьей генуэзского вывоза из Крыма были рабы. Известно, что в средние века рабский труд широко применялся в домашнем хозяйстве феодалов и купцов и частично в ремесле и сельском хозяйстве. Поставщиками рабов для

Ворота и оградная стена судакской крепости.

генуэзских купцов-хищников были крымские татары. Развивая работорговлю и превращая Кафу в крупнейший невольничий рынок на Черном море, генуэзцы стимулировали разбойнические походы татар на украинские, русские, польские земли и на Кавказ и таким образом содействовали опустошению этих областей кочевниками.

Маркс указывает, что „...торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов... непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний...“¹².

Среди рабов, которых генуэзцы вывозили из Кафы, мы встречаем русских, лезгин, черкесов, абхазцев. Часть рабов оставалась в черноморских колониях Генуи, большая же часть отправлялась в Египет и в Италию¹³.

Буржуазные историки, анализируя экономику Кафы и других генуэзских городов Причерноморья, все свое внимание уделяли только торговле и рассматривали Кафу лишь как центр посреднической торговли.

Советские исследователи доказали ошибочность этого подхода буржуазной историографии. Уже с конца XIII в. Кафа была значительным ремесленным центром. Здесь работали кузнецы, конопатчики, плотники, обслуживавшие потребности развивавшегося судостроения, скорняки, выделывавшие меха на экспорт, а также гончары, мясники, булочники, сапожники, изготавливавшие продукты и товары для горожан и окрестного населения.

Генуэзцы жестоко эксплуатировали ремесленное население Кафы. Они захватили в свои руки сбыт изделий кафинского ремесла, установили высокие налоги на ремесленные мастерские¹⁴.

Этнический состав населения генуэзских колоний отличался большой пестротой. Здесь проживали русские, армяне, греки и люди других народностей. Устав 1316 г. упоминает о существовании в Кафе русских церквей¹⁵. Если в Кафе были русские церкви, то, следовательно, русские люди составляли значительную часть постоянного населения города.

О пребывании русских в Суроже в XV в., к сожалению, никаких прямых сведений пока нет. Но надо помнить, что под людьми „греческого закона“ официальные генуэзские документы подразумевали не только греков, а и людей греческой, т. е. православной веры, в числе которых могли быть русские.

В сурожских документах XV в. встречаются женские прозвища: Полиха, Василиха¹⁶, звучащие по-русски. Не исключено, что эти женщины по своему происхождению были русскими.

Генуэзцы были лишь тонкой прослойкой среди многоплеменного населения крымских городов. В 1475 г. в Кафе на 70 тысяч жителей насчитывалось только около тысячи генуэзцев¹⁷. Еще меньше генуэзцев было в Суроже¹⁸. Будучи ничтожным меньшинством, генуэзские граждане (*cives januenses*) составляли высший слой населения колоний и пользовались особыми привилегиями. Они освобождались от уплаты многих налогов и сборов. Только генуэзцы могли занимать высшие административные должности в Кафе, Солдае и других городах.

Все местное население в генуэзских колониях разделялось на две основные социальные группы: горожан (*birgen-*

ses), составлявших средние слои населения, и жителей (habitatores), составлявших низы населения¹⁹. „Горожане“ держали в своих руках значительную часть торговли и ремесла в генуэзских колониях. Среди „жителей“ мы встречаем, кроме разорившихся ремесленников и торговцев, наемных рабочих²⁰.

Местное население боролось против генуэзских захватчиков и не раз поднимало восстания. В 1433 г. вспыхнуло восстание в Чембало, которое приняло настолько серьезный характер, что для его подавления пришлось снаряжать специальную эскадру из Генуи в составе десяти больших кораблей и десяти галер, на борту которых находилось шеститысячное войско²¹.

Сделав Кафу центром всей черноморской торговли, генуэзцы подавили другие порты Крыма, в частности Сурож и Херсонес, в которых они видели опасных конкурентов Кафы. В XV в. наблюдается резкое снижение торговой роли Сурожа. Сопоставляя статьи устава генуэзских колоний на Черном море 1449 г., относящиеся к Солдае и Кафе, можно заключить, какова была роль торговли в экономике Солдаи в XV в. В уставе 1449 г. много и подробно говорится о регулировании торговли в Кафе, о снаряжении здесь кораблей, о мерах борьбы с перегрузкой торговых судов товарами и т. д., но почти ничего не говорится о регулировании торговли в Солдае. Русские и итальянские источники не раз отмечают пребывание московских купцов в Кафе в XV в. и ничего не сообщают о московских купцах в Суроже в этот же период времени.

В экономике Сурожа-Солдаи все большую роль приобретает сельское хозяйство; об этом свидетельствуют документы XV в. В одном из своих писем консул Солдаи, жалуясь на то, что жители деревни Карагай не хотят нести городских повинностей и уплачивать городские подати, указывает, что жители Карагая—это по существу солдайцы, что „...хотя они сеют и работают в Карагае и живут там часть года, они имеют дома в Солдае и проживают другую часть года в Солдае и происходят из Солдаи“²². В другом письме того же консула говорится: „Мы же не ищем ничего с тех людей, как с жителей Карагая. Мы ищем с них, как с жителей Солдаи, проживающих в ней с давних пор и пользующихся ее благами“²³. Наконец в протокольной записи показаний неких Космы и Константина, имевших свои дома в Карагае, указывается, „что два дома (в Карагае) заняты ими... что они живут в них, когда ходят туда работать, даже зимой, когда есть работа, но что сами они уже свыше сорока лет являются жителями Солдаи, имеют свои дома в Солдае, в Карагай же уходят и приходят, когда там работают“²⁴.

Карагайцы не составляли исключения. Тот же консул Солдайи в письме к консулу Кафы сообщает, что, „... помимо карагайцев, есть и такие люди, происходящие из Солдайи и имеющие в ней свои дома, которые живут и работают в Ортолаге, Сартане и других селениях и платят там десятину; в нашем же городе, когда они пребывают в нем, несут караульные повинности и платят подушную подать“²⁵.

Повидимому, значительная часть населения Солдайи в XV в. занималась сельским хозяйством. В уставе 1449 г. подчеркивается роль виноградарства и виноделия в хозяйственной деятельности солдайцев²⁶. Из устава видно, что в Солдае существовал особый налог на виноградники²⁷. Говоря о водоснабжении Солдайи, устав требует, чтобы лица, ведающие этим делом, обеспечивали водой владельцев виноградников²⁸.

Таким образом, в XV в. Сурож из крупного торгового города, важного порта постепенно превращается в административный центр сельскохозяйственного округа, и главным занятием многих его жителей становится сельское хозяйство.

В связи с этим весьма показательно усиление феодальных элементов в социальной жизни Солдайского консульства. Яркий свет на это проливает так называемое „Дело братьев Гуаско“ — переписка консула Солдайи с вышестоящими властями по поводу самоуправства генуэзских феодалов братьев Гуаско, которые в XV в. захватили значительные земельные владения в пределах Солдайского консульства и вступили в конфликт с солдайским консулом²⁹. (Перевод „Дела братьев Гуаско“ дан в приложении 2.)

Из переписки видно, что Гуаско прочно утвердились в деревнях Тасили и Скути, которые входили в число восемнадцати деревень Солдайского консульства³⁰. Эксплуатируя население деревень Скути и Тасили, Гуаско притесняли и тех жителей Солдайи, которые занимались в окрестностях города сельским хозяйством. „Отец их (Гуаско), — говорится в одном из писем солдайского консула, — ...захватил обширные участки земли вокруг Солдайи, так что жители Солдайи лишились возможности сеять хлеб, косить сено, заготавливать дрова. Солдайцы (могут это делать) не иначе как на захваченной ди Гуаско земле“³¹.

В своих владениях Гуаско применяли различные формы феодальной эксплуатации. „Солдайцы... сделались зависимыми от них (Гуаско), по их воле ходят к ним на работы“³², — читаем мы в одном из документов. Наряду с барщиной существовал и денежный оброк. „Ди Гуаско заставляют тех людей, — указывается в том же документе, — платить им сверх норм, установленных обычаями татар, нанося величайший вред и убыток жителям Солдайи“³³. Крестьяне деревень

Гуаско попадали и в долговую кабалу к хищным гемуэским феодалам. Так, например, в письме консула Солдайи указывается, что жители деревни Карагай являются должниками Гуаско³⁴.

Вместе с трудом феодально зависимых от них крестьян и отчасти горожан братья Гуаско использовали у себя в хозяйстве труд рабов. „...Они держат в том замке лишь рабов, которые днем уходят на работы“³⁵, — говорится в тех же документах.

И. В. Сталин в своем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ подчеркивает, что основой феодализма является феодальная собственность на землю³⁶. Увеличение земельных владений Гуаско сопровождалось усилением их политической власти над находящимся на их земле населением. Гуаско присвоили себе в деревнях Тасили и Скути право суда над местными жителями, хотя эти обе деревни входили в число восемнадцати деревень, подлежащих суду Солдайского консульства³⁷.

Они самовольно творили здесь суд и расправу, вынося судебные решения, которые начинались следующими словами: „Достопочтенный господин Андреоло Гуаско... владеющий совместно с братьями своими Теодоро и Деметрио селениями Тасили и Скути, заседаая в трибунале у врат церкви святой Анастасии в Скути...“³⁸ В знак обладания правом высшей юрисдикции, т. е. рассмотрения дел с вынесением смертных приговоров, „...они установили от имени своего... виселицы в деревне Скути и позорные столбы в Тасили“³⁹.

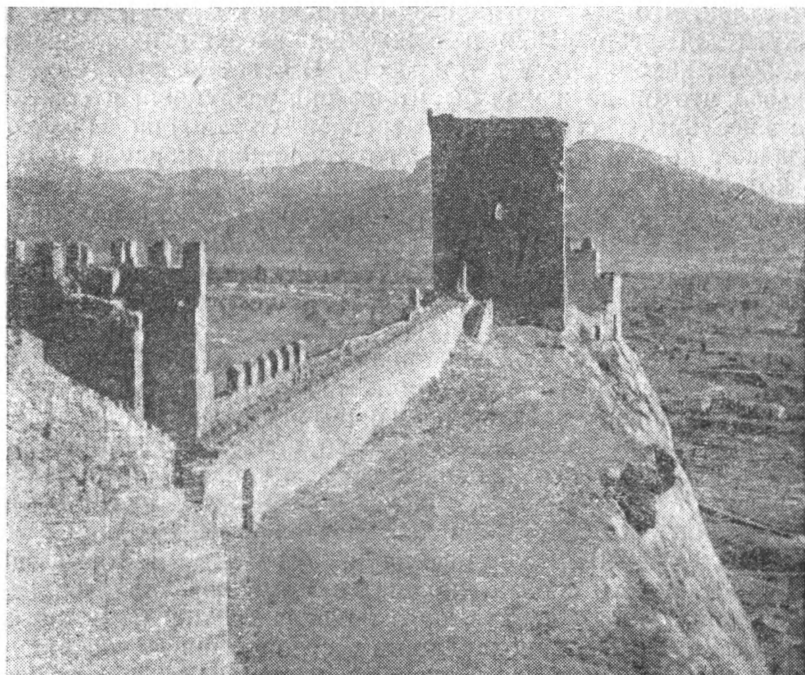
Братья Гуаско самовольно ввели на подвластной им территории четыре новых вида налогов, „...необычайных, приносящих величайший ущерб..., противоречащих уставу Кафы“⁴⁰. Кроме того, Андреоло Гуаско установил еще „особый сбор, который он повелел взимать (со всех) проходящих жителей Солдайи и иных людей, идущих в селения Карагай, Скути и другие места, которые считаются принадлежащими ему, Андреоло, и братьям его...“⁴¹ Последний сбор был, повидимому, торговой пошлиной, которую взимали Гуаско со всех, кто провозил или проносил товары через их земли.

Следовательно, Гуаско присвоили себе права, присущие только крупным феодальным сеньорам (право высшего суда, право устанавливать и собирать в свою пользу налоги и пошлины). Административная и судебная власть Гуаско была направлена прежде всего против зависимого от гемуэских феодалов местного населения.

„...наделенный землей крестьянин, — указывает В. И. Ленин, — должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как

под принуждением. Система хозяйства порождает здесь „внеэкономическое принуждение“, крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.“⁴²

Чувствуя себя фактически самостоятельными властелинами значительной части территории Солдайского консульства, Гуаско сделали попытку расширить свои владения за счет соседей⁴³. Эти поползновения и усиление власти братьев

Судакская крепость. Цитадель (консульский замок).

Гуаско привели к столкновению их с консулом Солдаи, который опасался, что постепенно другие деревни Солдайского консульства перейдут под власть Гуаско⁴⁴.

Консул Солдаи отдал приказ кавалерии (полицейскому чиновнику) и аргузиям (конным стражникам), в котором говорилось: „...Ступайте все до единого и направляйтесь в деревню Скути. Повалите, порубите, сожгите и бесследно уничтожьте виселицы и позорные столбы, которые велели поставить в том месте... братья Гуаско“⁴⁵. Консул предписывал своим подчиненным в случае сопротивления со стороны Гуаско: „Именем достопочтенного господина консула объявите ему о наложении на него штрафа в размере тысячи сонмов“ (сонм—двести аспров).

Однако братья Гуаско оказали отряду консула вооруженное сопротивление. В донесении говорится, что когда кавалерий и стражники „отправились в деревню Скути с решительным намерением выполнить все приказанное им достопочтенным господином консулом.., то на дороге этой они увидели Теодоро Гуаско, а с ним примерно сорок человек с оружием и длинными палками в руках...

Теодоро спросил кавалерия.., куда они идут. Они же ответили, что идут по приказу господина консула в деревню Скути для разрушения и сожжения виселиц и позорных столбов, находящихся в том месте. В ответ на это Теодоро сказал, что он не желал бы, чтобы они разрушили и сожгли те виселицы и столбы, что деревней Скути они (Гуаско) владеют по мандату светлейшего господина консула Кафы, с которым и будут говорить по этому делу, а не с консулом Солдайи, и если светлейший консул Кафы прикажет сломать и уничтожить виселицы и столбы, то они сами это сделают. По приказу же господина консула Солдайи, даже если бы он явился лично, они не позволят никому разрушать и жечь их“.

Когда пристав Солдайи попытался все же выполнить приказ консула, то „Теодоро... оказал ему вооруженное сопротивление, и кавалерий ни с чем вернулся в Солдайю“⁴⁷.

Возмущенный поведением Гуаско, консул Солдайи отправил Теодоро Гуаско предписание „...в течение трех дней, считая от сегодняшнего числа, предъявить, представить и объяснить в присутствии достопочтенного господина консула все грамоты, соглашения и договоры, которые он (Гуаско), по его словам, получил от высокой общины Генуэзской... или от светлейшего консула Кафы и по которым он освобождается от подсудности достопочтенному господину консулу Солдайи и от обязанности подчиняться его приказам...“⁴⁸ Консул Солдайи предупреждал Теодоро Гуаско, что если он не выполнит этого приказа, то „по истечении указанного срока он будет присужден к уплате штрафа в тысячу сонмов“⁴⁹.

Гуаско в свою очередь пожаловались на действия солдайского консула в Кафу⁵⁰, и в Кафе нашлись влиятельные пособники Гуаско. Консул Кафы сначала приказал своему подчиненному—консулу Солдайи повременить с этим делом, ссылаясь на свою занятость и скопление неотложных дел⁵¹, а затем вынес решение, в котором признал, что жители деревень Тасили и Скути неподсудны солдайскому консулу и что судебные права в названных выше деревнях принадлежат братьям Гуаско⁵².

В письме консула Кафы, направленном консулу Солдайи, говорилось: „...Приказываем Вам поэтому впредь не беспокоить ни тех братьев, ни их людей, а, наоборот, допустить

тех господ к свободному, без всякого притеснения пользованию владениями, как этого требует справедливость. А если с Вашей стороны будет сделано какое-либо покушение на права тех ди Гуаско, если Вы посчитаете что-либо из нашего постановления ничтожным, не имеющим силы, если Вы поступите вопреки ему, если Вы будете притеснять их, Вы дадите нам основание привлечь Вас к суду⁵³.

Консул Солдайи опротестовал действия кафинской администрации перед Генуей. В письме в Геную консул Солдайи обвинял своих непосредственных начальников в том, что они подкуплены Гуаско и поэтому не желают встать на защиту попранного закона⁵⁴. Он писал, что Гуаско имеют покровителей „в лице должностных лиц Кафы, прельщенных большими денежными одолжениями и другими дарами, которые ди Гуаско постоянно делают в Кафе и дают в такой мере, что вертят по-своему правосудием и должностными лицами... Во всей Кафе не находится никого, кто пожелал бы им (Гуаско) возражать“⁵⁵.

Чем закончился конфликт между главою солдайской администрации и влиятельными генуэзскими феодалами Гуаско, утвердившимися на восточном побережье Крыма, — неизвестно. Но это, собственно говоря, и не так уж важно. „Дело братьев Гуаско“ представляет для нас значительный интерес только потому, что в нем нашли свое отражение социальные отношения, сложившиеся в солдайской деревне в XV в.

„Дело братьев Гуаско“ свидетельствует о том, что генуэзцы отнюдь не ограничивались в Крыму торговой деятельностью, но захватывали обширные пространства земли с сельским населением и беспощадно эксплуатировали его. „Дело братьев Гуаско“ подтверждает, что генуэзцы не принесли в Крым новых, более высоких общественных отношений. Они сохранили и широко применяли уже сложившиеся здесь феодальные методы эксплуатации подвластного им населения. Генуэзцы в Крыму выступают не только в роли купцов, как это утверждают некоторые буржуазные историки (Братиану), но и в роли самых настоящих феодалов.

Гуаско не были единственными феодалами, действовавшими в Северном Причерноморье. Известно, что в XV в. в Крыму и в Тамани существовал ряд полусамостоятельных феодальных владений, номинально зависимых от Генуи, но пользовавшихся особыми правами и привилегиями (Гримальди, Гизольфи и др.).

Характеризуя политику Венеции в византийских владениях, К. Маркс писал: „...своим собственным нобилем они позволяют делать завоевания в Греческой империи и на островах и в качестве вассалов республики основывать в:

прибрежных городах феодальные владения⁵⁶. Эти слова Маркса, сказанные им по отношению к Венеции, в равной мере относятся и к Генуе.

Переходя к административному устройству Солдайи в XV в., надо отметить, что Солдайя в генуэзский период своей истории не имела специального административного статута. Об административном устройстве Солдайи мы знаем главным образом из устава генуэзских колоний на Черном море, принятого в 1449 г. В этом уставе специальный раздел отведен Солдаёе. Кроме того, ряд положений, имеющих прямое или косвенное отношение к устройству Солдайи, разбросан по всему уставу 1449 г. Многие детали управления Солдаёей можно выяснить из переписки генуэзских колониальных властей с метрополией.

Устав 1449 г. закрепил господствующее положение Кафы среди других черноморских владений Генуи. Консул Кафы именуется уставом главою и начальником Кафы и всего Черного моря⁵⁷.

Буржуазные историки утверждают, что управление генуэзскими колониями на Черном море было построено якобы на демократических принципах (выборность чиновников, краткосрочность их полномочий, коллегиальность управления и т. д.)⁵⁸. Документы и факты говорят об ином. Вся система генуэзского управления была основана на недоверии к собственной администрации, ограничении прав местного населения и стремлении извлечь из колоний побольше доходов.

Высшие администраторы и военачальники в генуэзских колониях, в руках которых находилась вся реальная власть, никем не избирались, а назначались генуэзским правительством. Остальные должностные лица, члены разнообразных комитетов и советов при консуле, „избирались“ при непосредственном участии консула очень узким кругом лиц, состоявших из тех же чиновников.

Таким образом, никаких выборов должностных лиц в колониях, собственно говоря, и не производилось. Просто одна группа чиновников назначала другую группу чиновников. Что же касается краткосрочности полномочий генуэзских администраторов, коллегиальности в управлении, строгой отчетности и денежной ответственности чиновников, то наличие этих принципов в уставе было вызвано отнюдь не демократическими побуждениями генуэзских властей, а недоверием их к собственным администраторам, которые, надо сказать, это недоверие вполне заслуживали.

Во главе Солдайи стоял консул, который назначался генуэзским правительством, но непосредственно подчинялся не Генуе, а Кафе. „...Консул Солдайи,—говорится в уставе,—обязан повиноваться приказаниям господина консула Кафы,

когда они дозволены законом и справедливы, под угрозой лишиться своей должности“⁵⁹.

Срок полномочий консула ограничивался одним годом. Кроме своих основных обязанностей главы генуэзской администрации, консул Солдайи исполнял еще должность коменданта крепости и управляющего финансами, за что получал дополнительную плату, равную его основному окладу⁶⁰.

Штат консульской канцелярии в Солдаёе был по сравнению со штатом консульского управления в Кафе немногочисленным. В состав канцелярии входили: письмоводитель, который, согласно уставу, не мог назначаться из граждан Солдайи⁶¹, переводчик, знающий латинский, греческий и татарский языки⁶², специальный письмоводитель для ведения дел на греческом языке⁶³, два рассыльных и два служителя⁶⁴. В непосредственном распоряжении консула „для службы и поручений“ состояло восемь аргузиев „хороших и надежных, с лошадьми, оружием и плащами“⁶⁵.

Полицейский надзор за населением Солдайи осуществлялся специальным полицейским чиновником — кавалерием. Устав указывает только на две обязанности солдайского кавалерия: 1) следить за тем, чтобы в ночное время никто из граждан не появлялся на улицах города и 2) отпирать и запира́ть базарные ворота⁶⁶. О других функциях кавалерия в Солдаёе можно только догадываться по тем статьям устава, которые говорят об обязанностях кавалерия Кафы. В задачи последнего входило, в частности, исполнение судебных приговоров. Устав определяет вознаграждение кавалерию за каждого повешенного, обезглавленного или наказанного смертью иным образом, а также за каждого высеченного лозами, клейменного, лишенного какой-либо части тела путем отрезания.

При консуле Солдайи состоял попечительный комитет, который назначался консулом совместно с прежним составом попечительного комитета из „...честных жителей Солдайи, одного латина, другого грека“. Комитет ведал хранением оружия и запасов продовольствия крепости. Члены попечительного комитета при вступлении в должность обязаны были сделать опись всего оружия и провианта, находящегося в крепости, а по окончании службы отчитаться перед своими преемниками. В задачи попечительного комитета входил надзор за городскими работами. Устав требовал, чтобы члены комитета присутствовали при всех строительных работах в Солдаёе⁶⁷.

Попечительный комитет должен был следить за состоянием безопасности города. Члены комитета обязаны были сообщить консулу обо всем, что они сочтут полезным для безопасности Солдайи. Членам попечительного комитета вменялось также в обязанность наблюдать за поведением

местных чиновников и доносить консулу о всех их дурных поступках. В ведении попечительного комитета находился надзор за раскладкой среди горожан сумм, идущих на содержание ночной стражи. Члены комитета наблюдали за взысканием штрафов, налагаемых консулом. Попечительный комитет пользовался правом контроля над финансовой деятельностью консула. В уставе указывалось, что „...если же каким-нибудь образом узнает комитет, что консул взыскал какой-нибудь из означенных штрафов в свою пользу, то он обязан довести об этом до сведения консула Кафы... для того, чтобы... его (консула Солдайи) наказали“⁶⁸. За уклонение от этой обязанности полагался штраф.

Попечительный комитет обязан был наблюдать и за тем, чтобы консул Солдайи в ночное время (когда угроза нападения на крепость возрастала) не оставлял территории Солдайи, а в случае, если бы консул нарушил это правило, то попечительный комитет обязан был немедленно донести об этом консулу Кафы⁶⁹. В компетенцию попечительного комитета входил и общий надзор за соблюдением табеля цен, установленного еще в 1385 г. и подтвержденного уставом 1449 г.⁷⁰

Попечительный комитет имел собственный бюджет. Доходы комитета составлялись из налога на виноградники и из половины штрафов, взыскиваемых с лиц, обнаруженных на улицах Солдайи после колокольного вечернего звона⁷¹. Собранные таким образом средства шли на ремонтные работы и другие издержки, необходимость которых могла быть признана консулом. О всех своих расходах комитет обязан был посылать ежегодный отчет в Кафу⁷².

Таким образом попечительный комитет был своего рода консультативно-контрольным органом при консуле. Назначение комитета состояло в том, чтобы облегчить генуэзским властям Солдайи, опираясь на верхушку местного населения, управление городом, а властям Кафы — надзор за деятельностью консула.

Помимо попечительного комитета, в Солдае был еще комитет по водоснабжению города. Первого марта каждого года консул Солдайи совместно с восемью „лучшими“ (наиболее зажиточными) жителями города назначили двух „честных человек“ — одного „латина“ и одного „грека“. Эти два лица составляли комитет, который обязан был „...всегда и при всяком удобном случае принимать меры для того, чтобы в Солдае был запас и изобилие воды“. Члены комитета должны были присутствовать при работах, производимых для этой цели. В функции комитета входило и распределение воды между владельцами виноградников. За уклонение от своих обязанностей вышеназванные должностные лица подвергались штрафу⁷³. Это обычная мера наказания, кото-

рую применяли генуэзцы ко всем нерадивым чиновникам. Жалованье членам комитета по водоснабжению уплачивалось из штрафных сумм, уплаченных нарушителями установленного комитетом порядка водоснабжения.

Следовательно, содержание данного комитета ничего не стоило генуэзцам. Эта черта очень характерна для финансовой политики генуэзцев. Алчные торгаши и наглые эксплуататоры, они перекладывали на население подвластных им местностей все расходы на мероприятия, вызванные его потребностями.

В Солдаёе была еще выборная должность — должность сотника, т. е. начальника гражданского ополчения города. Выборы сотника были единственным актом, который можно назвать более или менее похожим на действительные выборы. Сотник избирался на общем собрании всех горожан и жителей Солдаёи.

Делалось это таким образом: консул Солдаёи сейчас же после своего вступления в должность созывал собрание всех жителей Солдаёи. Собрание избирало „четырех хороших и честных людей, способных исправлять обязанности сотника“⁷⁴. Из этих четырех консул Кафы и состоящий при нем совет на основании письменного донесения консула Солдаёи и попечительного комитета назначали сотника⁷⁵.

Таким образом, демократический принцип избрания сотника общим собранием жителей Солдаёи парализовался правом высшей генуэзской администрации в Причерноморье выбрать из представленных ему кандидатов наиболее удобное для генуэзцев лицо. Разумеется, консул Солдаёи и попечительный комитет в отправляемом в Кафу донесении высказывали свое мнение о состоявшихся выборах и рекомендовали своему прямому начальству подходящего, с их точки зрения, кандидата.

Важнейшей задачей генуэзских властей было выкачивание налогов из местного населения. Население генуэзских колоний в Причерноморье давили и душили многочисленными налогами. Из устава 1449 г. и переписки консулов с Генуей видно, что в генуэзских колониях в Крыму существовали следующие прямые налоги: 1) поземельный⁷⁶, 2) подоходный⁷⁷, 3) подушная подать⁷⁸, 4) налог со строений⁷⁹ и т. д. В Солдаёе, помимо общих для всех генуэзских колоний налогов, жители платили налог с виноградников⁸⁰ и налог на содержание ночной стражи⁸¹.

Сбор налогов сопровождался жестокими репрессиями против недоимщиков. Устав указывает, что дома неплательщиков не должны быть разрушены сборщиком поземельной подати⁸². Отсюда можно заключить, что такого рода репрессии были не редким явлением.

Кроме прямых налогов, большое место в бюджете гену-

эзских колоний занимали косвенные, в частности налоги на съестные припасы, лес, траву, зелень, уголь и т. д.⁸³ Генуэзские власти ревниво следили за тем, чтобы ни один город или местечко не освобождалось от уплаты какого-либо налога или сбора. Устав указывал, что даже те лица, которые живут в чужом доме и покупают продовольствие вскладчину, т. е. наемные работники, не освобождаются от уплаты пошлины за съестные припасы⁸⁴.

Значительная часть налогов и сборов сдавалась генуэзскими властями на откуп. Само собой разумеется, что откупщики старались с лихвой возместить суммы, затраченные ими при получении права на взыскание соответствующих налогов.

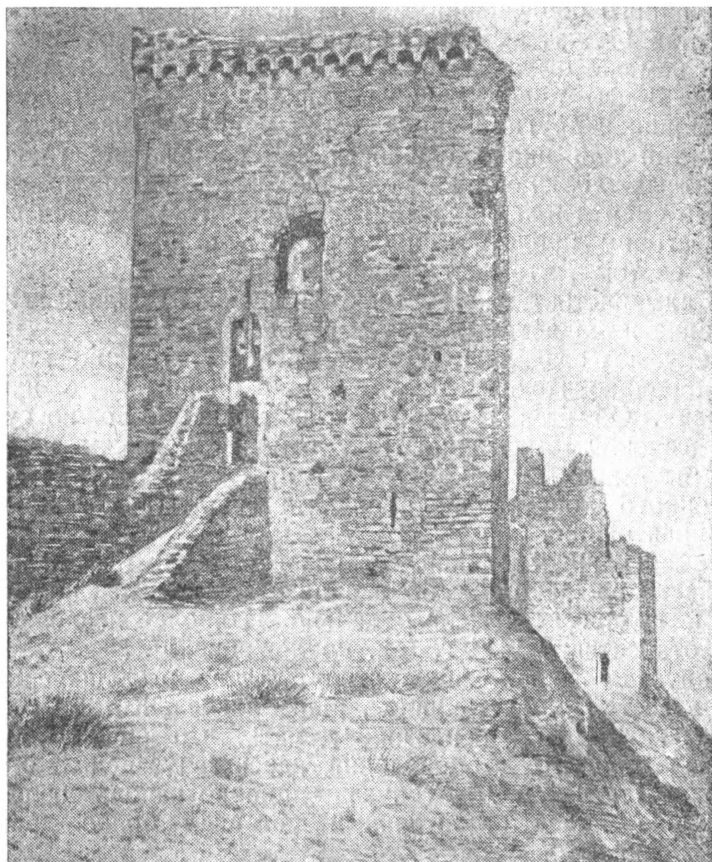
Важной статьей дохода Генуи в ее колониях были штрафы, которые взимались с населения за нарушение любого из многочисленных установлений, зафиксированных в уставе и других актах генуэзских властей.

Генуэзское правительство, зная повадки своих чиновников, стремилось организовать неусыпный контроль за их действиями. Чтобы предупредить со стороны консула финансовые злоупотребления, устав 1449 г. изымал из его рук уплату жалованья наемным солдатам солдайского гарнизона, запрещал консулу брать на откуп денежные сборы в Солдае, вступать в торговые сделки с лицами, состоящими на службе Генуэзской республики, зачислять в состав караульных своих людей или старых слуг, освобожденных от работы, и т. д.⁸⁵

Общее наблюдение за деятельностью всей генуэзской администрации возлагалось на так называемых генеральных контролеров, находившихся в Кафе. Последние обладали правом призывать к себе для объяснения консулов и других чиновников генуэзских колоний, налагать на них за те или иные злоупотребления соответствующие взыскания. По истечении срока полномочий консула Солдаи (как и консулов других городов) специальные чиновники производили расследование его деятельности. Затем консул должен был предстать с отчетом о своей деятельности перед специальной коллегией. Решения этой коллегии были окончательными и не подлежали апелляции⁸⁶.

Главным видом взысканий, которые налагались на генуэзских администраторов, были денежные штрафы. Устав 1449 г. грозит за всякое уклонение от установленных правил денежными взысканиями. Чтобы угроза штрафа была реальной, вновь назначаемое должностное лицо обязано было вносить в качестве залога в казну определенную денежную сумму. Так, например, консул Солдаи Карло Чикало, приступая к исполнению своих обязанностей в 1454 г., внес залог в 2000 флоринов⁸⁷.

Но ни регламентация деятельности всех должностных лиц до мельчайших подробностей, ни самые разнообразные формы контроля, ни постоянные угрозы штрафами, ни денежные залогов не могли предотвратить массовых злоупотреблений

Судакская крепость. Консульская башня.

со стороны генуэзских чиновников. Их порождала сама система управления. Источники XV в. рисуют нам отвратительную картину продажности, бесчестности и исключительного произвола генуэзских колониальных властей.

В одном из писем жителей Солдайи в Геную от 14 мая 1454 г. говорится: „...Мы... уже давно были управляемы без справедливости и подвергались тяжким притеснениям...“ Граждане Солдайи, обращаясь к центральным властям в Генуе, писали: „Настойчиво просим и умоляем... обратить внимание и озаботиться о присылке к нам для управления

этим городом таких генуэзских граждан, которые бы имели ненависть к корыстолюбию...⁸⁸

Злоупотреблениям генуэзской администрации содействовала практика продажи ряда должностей. Генуэзские чиновники, понятно, смотрели на свои должности, как на источник личного обогащения, как на своего рода „кормление“.

Устав 1449 г. на словах запрещал продажу должностей⁸⁹. Но в нем же была оговорка о том, что в случае надобности консул Кафы вместе с управляющими финансами, советом старейшин и другими чиновниками могут организовать продажу той или иной должности⁹⁰. В специальной главе „О вакантных должностях“ консулу Кафы предписывается в случае смерти или оставления должности каким-либо администратором продать с публичного торга эту должность, отдав ее тому, кто даст больше денег⁹¹.

В административном устройстве Сурожа-Солдайи важное значение имел военный статут города.

Генуэзцы создали в Солдае крепость, о мощи которой красноречиво говорят остатки, сохранившиеся до нашего времени. Об этапах строительства крепости можно судить по высеченным на крепостных башнях надписям, из которых мы узнаем, в каком году, в правление какого „достопочтенного консула и коменданта Солдайи“ построена та или иная башня.

Самая ранняя надпись датирована 1371 г. К сожалению, неизвестно, к какому сооружению она относится, ибо плита с этой надписью лежала отдельно. Наиболее поздняя надпись относится к 1414 г. (см. приложение 1).

Генуэзцы вели военное строительство в Солдае не на голом месте. Ряд источников, в том числе „Житие Стефана Сурожского“, дает основание думать, что крепость существовала задолго до появления здесь генуэзцев. Это подтверждается и тем, что генуэзцы широко использовали при постройке башен строительный материал более древних сооружений.

Вполне вероятно, что генуэзская крепость в Судаке строилась на базе старых крепостных сооружений. Возможно, что генуэзцы только перестраивали старую крепость и укрепляли ее новыми башнями в менее защищенных местах. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что у основания некоторых башен (башня Торсело, Круглая башня) видны остатки более древнего фундамента. И, наконец, все дошедшие до нас генуэзские надписи относятся только к нижнему ярусу крепости. Это наводит на мысль о том, что сооружения верхнего яруса могли быть воздвигнуты в догенуэзский период.

Постоянный гарнизон Солдайи был сравнительно малочисленным. В распоряжении консула (он же комендант кре-

пости) были всего двадцать наемных солдат, находившихся под начальством двух подкомендантов, небольшая музыкантская команда, состоявшая из одного флейтиста, двух трубачей и одного барабанщика, и два привратника у базарных ворот. Устав требовал, чтобы среди наемных солдат солдайского гарнизона не было местных жителей⁹³.

Кроме солдат, к несению караульной службы в крепости в ночное время привлекались и граждане Солдаи. Караульные из местного населения за свою службу получали небольшое вознаграждение. Командовал караульными сотник⁹⁴. К солдайскому гарнизону можно отнести и восемь аргузиев, которые, как было уже сказано выше, составляли личную охрану консула, но могли, конечно, в случае необходимости использоваться и как военная сила.

Из Устава 1449 г. видно, что гарнизон должен был находиться в постоянной боевой готовности. Консулу Солдаи, под страхом лишения должности, категорически запрещалось покидать на ночь город⁹⁴. Такой же запрет распространялся и на подкомендантов⁹⁵. Солдаты солдайского гарнизона могли отлучаться из крепости только в дневное время, да и то лишь по очереди. Устав запрещал консулу отпускать в Кафу более чем двух солдат. При этом никто из отпущенных не мог отсутствовать в Солдае более пяти дней „под угрозой штрафа в 10 аспров с каждого и за каждый день“⁹⁶. После захода солнца ворота крепости закрывались. Ночью они могли быть открыты только в исключительных случаях⁹⁷. Ночью по городу ходили патрули, которые задерживали всякого, кто появился далее чем за три дома от места своего жительства⁹⁸.

Надо заметить, что Устав 1449 г. проникнут исключительным недоверием к татарам. Устав запрещал жителям генуэзских колоний что-либо брать от татар, приглашать татарина в свой дом, вступать в беседу с татарскими должностными лицами, посланцами и т. д.⁹⁹

Чем можно объяснить все эти суровые правила? Несомненно, тем, что, несмотря на известное переплетение интересов генуэзцев и татар в Крыму, взаимоотношения между ними были отнюдь не дружественными, и генуэзским владениям угрожала постоянная опасность со стороны татар. Эти опасения были оправданы. Татары в течение XIII—XIV вв. не раз нападали на генуэзские владения (в 1298, 1308, 1344—1347, 1396—1397 гг.).

Однако конец существованию генуэзских колоний в Крыму положили не татары, а турки, вторгшиеся в Крым и подчинившие себе Крымское ханство.

Глава IV

СУРОЖ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЙ В КРЫМУ

В мае 1453 г. турки взяли штурмом столицу Византийской империи — Константинополь. Падение Константинополя нанесло черноморским колониям Генуи сильнейший удар: главная дорога, связывавшая их с метрополией, оказалась под контролем турок. Генуя, занятая другими делами, не могла оказать сколько-нибудь существенной помощи своим владениям на Черном море и поэтому передала их в полное распоряжение банка св. Георгия¹.

Банк св. Георгия был крупнейшим финансовым учреждением и главным кредитором Генуэзской республики. В обеспечение уплаты государственных долгов банку были предоставлены права на часть государственных доходов. В конце концов в руках его сосредоточилась большая часть доходов Генуэзской республики². Естественно, что банк был заинтересован в судьбе черноморских колоний.

Для банка св. Георгия сделка с правительством Генуи была очень выгодной. За небольшую сумму хозяева банка приобрели право бессрочного и бесконтрольного распоряжения всеми генуэзскими колониями в бассейне Черного моря. Если бы черноморские колонии сохранились в руках генуэзцев, то банк закрепил бы за собой „на вечные времена“ колоссальные доходы, которые давала генуэзцам посредническая торговля и эксплуатация ремесленников и сельского населения в их черноморских владениях. Если бы туркам удалось все же завоевать Кафу, Солдайю, Чембало и другие города, то банк потерял бы лишь небольшую сумму, уплаченную за колонии.

Ко времени передачи колоний банку св. Георгия в них сложилось угрожающее положение. Было очевидно, что главной целью турецкой агрессии являлся Крым. Со дня

на день надо было ожидать нападения татар. Между тем колонии в военном отношении были слабы. Регулярная связь с Генуей была прервана. Крепостные сооружения, Солдайи в частности, находились в явно неудовлетворительном состоянии.

Консул Карло Чикало в донесении вышестоящим властям так описывает состояние солдайской крепости в 1455 г.: „...Я решил обследовать состояние этого места и в первую очередь осмотреть две крепости, которые я нашел очень плохо укрепленными, что вы можете усмотреть из их описей, которые к сему прилагаю. После этого я осмотрел в одной из настенных башен запасы продовольствия, которые оказались частично израсходованными. Запасы же в новой, левой башне находятся в лучшем состоянии, хотя и нуждаются в некоторой очистке. Я осмотрел также башню, обратившуюся в развалины вместе с частью стены“³.

Далее Карло Чикало сообщает протекторам (управляющим) банка, что он информировал о состоянии солдайской крепости кафинских администраторов и просил их выслать в Солдайю „двадцать воинов из прибывших в колонии с нашими двумя кораблями, удовлетворив их жалованьем для несения ночных караулов, которые здесь обычны и необходимы“⁴. Из этого письма можно заключить, что в Солдае не было даже необходимого, предусмотренного Уставом минимума наемных солдат⁵. Не удивительно, что в такой тревожной обстановке наблюдалось настоящее бегство генуэзцев из колоний.

В июле 1454 г. у берегов Кафы появилась турецкая эскадра. Турки установили контакт с крымским ханом Хаджи-Гиреем и на первый раз удовлетворились ограблением некоторых пунктов на побережье Крыма и Кавказа⁶. Напуганные генуэзцы согласились уплачивать султану ежегодную дань в три тысячи дукатов. Интересно отметить, что банк св. Георгия отказался давать какие-либо средства для уплаты дани туркам, считая, что это бремя должно нести само население Кафы⁷.

Из сложившейся ситуации извлек для себя пользу другой хищник — крымский хан, который добился в это время права на получение дополнительной ежегодной дани от генуэзцев⁸.

Протекторы банка св. Георгия вынуждены были предпринять кое-какие меры для упорядочения обороны и управления своими владениями. Стремясь задержать бегство населения, администрация банка объявила широкую амнистию всем лицам, которые по той или иной причине ранее были изгнаны из генуэзских колоний. Протекторы банка должны были пойти на частичные уступки местному населению (так называемым „горожанам“). Ему было разрешено избирать

из своей среды „комитет четырех“, который получил право контроля за деятельностью генуэзских чиновников и имел возможность поддерживать непосредственную связь с центральными властями⁹. Банку пришлось отпустить и средства для укрепления обороны колоний.

Карло Чикало в одном из своих донесений упоминает о денежных суммах, посланных банком для нужд Солдайи. Он же сообщает о прибытии военного снаряжения и солдат¹⁰. В Солдаيه ожидался приезд какого-то „...достойнейшего Дамиано ди Лионе“, вместе с которым консул должен был наметить „способы и меры“ к исправлению всех недостатков в организации обороны Солдайи.

Первые мероприятия банка св. Георгия были одобрительно встречены генуэзцами, проживавшими в колониях, и теми слоями местного населения, которые либо были заинтересованы в сохранении генуэзской власти, либо предпочитали господство генуэзцев гораздо более жестокому турецкому владычеству. В этом отношении любопытно письмо представителей населения Солдайи к протекторам банка св. Георгия от 20 июня 1455 г.

„Высокопоставленные и вельможные господа, — писали представители Солдайи, — господь бог знает про то великое утешение, какое мы получили, когда услышали, что вы приняли правление над Кафой и здешним городом (т. е. Солдаией), а также прочими местами. общины Генуэзской, на этом море расположенными, ибо мы уже давно слышали, что вы правите со всей справедливостью и всегда предусматриваете все необходимое. Мы видели, как все было быстро и скрытно сделано во избавление от всех опасностей, угрожавших подвластным вам местам“.

„Что касается нас, — льстиво заявляют авторы письма, — то мы приносим благодарение, какое только можем... высокопоставленным вашим... Мы получили праведный суд и человеколюбивое правление... в чем мы убедились в первую очередь на примере нашего правителя, посланного вами, который осуществляет свое правление действительно для блага этого города, так что мы не знаем, чего бы лучшего мы могли пожелать“¹¹.

Были приняты меры для строительства новых и ремонта старых укреплений Кафы и Солдайи. Когда консул Кафы предписал консулу Солдайи прислать в его распоряжение шесть хороших каменщиков, то консул Солдайи не выполнил распоряжения своего начальника, ссылаясь на то, что строительные рабочие нужны в Солдаيه. „Если Вы, Ваша светлость, были бы здесь, — говорится в ответном письме солдайского консула, — Вы бы ясно поняли, какой опасности подвергается большая башня вследствие износа фундамента, и оставили бы здесь каменщиков до тех пор, пока не будет

восстановлен фундамент. Все мастера-каменщики нашего города заняты на этой работе, дабы скорее восстановить фундамент во избежание несчастья¹²... В настоящее время никаким образом нельзя послать Вам кого-либо из каменщиков, которых мы силой оторвали от сбора винограда. По окончании же этой работы каменщики будут посланы в таком числе, в каком Вы укажете¹³.

Эта переписка относится к 1474 г. Следовательно, вплоть до захвата турками генуэзских колоний здесь продолжалось строительство оборонительных сооружений. Но меры, которые принимал банк св. Георгия для укрепления обороноспособности колоний, нельзя назвать иначе, как паллиативными. Прежде всего поражает скупость протекторов банка, которые, невзирая на грозную опасность, нависшую над колониями, систематически сокращали расходы на содержание наемных солдат и на крепостное строительство и пытались экономить на запасах продовольствия и оружия. Можно только удивляться, что при таком состоянии своей обороны генуэзские колонии в Крыму продержались после захвата турками Константинополя более двадцати лет.

Одной из важнейших причин отсрочки нападения турок на генуэзские колонии на Черном море было то обстоятельство, что турки после падения Константинополя перенесли на время центр тяжести своей политики на запад, сосредоточив все усилия на борьбе с Венецией и Венгрией¹⁴. Давняя соперница Венеции—Генуя помогала туркам, снабжая их во время войны важными товарами, в том числе и оружием. Турецкий султан Мехмед II перестал чинить препятствия проходу генуэзских кораблей через проливы. Морские связи между Генуей и Крымом восстановились. Администрация колоний и протекторы банка св. Георгия отмечали некоторое улучшение экономического положения в колониях. Доходы банка увеличились.

Генуэзцы пытались использовать полученную передышку для установления более тесных отношений с причерноморскими государствами, которые могли бы стать союзниками Генуи на случай войны с Турцией. А эта война была неизбежна. Недаром каждый раз, когда возникали слухи о мире между Турцией и Венецией, среди генуэзских колонистов поднималась паника¹⁵.

Генуэзские власти в Крыму предприняли шаги для того, чтобы заручиться поддержкой своих соседей: крымского хана и князя местного феодального княжества Феодоро.

Образование княжества Феодоро относится к XIII в. Столицей государства Феодоро была крепость Мангуп, расположенная в горах юго-западного Крыма. В XV в. княжество Феодоро стало играть заметную роль в политической жизни Крыма. Оно добилось выхода к морю и располагало хорошо

укрепленным морским портом Каламитой, находившимся на месте нынешнего Инкермана. Территория княжества расширилась. В 1433 г., воспользовавшись народным восстанием против генуэзцев, князь Феодоро Алексей на время захватил Чембало¹⁶. В руки государства Феодоро перешла и часть Южного берега Крыма.

В переписке консула Солдайи Христофоро ди Негро по поводу бесчинств уже известных нам феодалов Гуаско есть одно очень любопытное место. В конце 1474 г. консул Солдайи писал: „Они (Гуаско) недавно осмелились приказать сжечь несколько овчарен владельца Лусты (т. е. Алушты. — С. С.), чем причинили тому большой вред и унизили господ из Готии, о чем они слезно жаловались Кафе, а также господину Оберто Скварциафико и официалам казначейства при недавнем проезде их из Чембало (Балаклава), требуя удовлетворения и надлежащих мер для пресечения на будущее время подобных бесчинств, указывая, что в противном случае они сами позаботятся о защите своей от убытков и поругания чести. Это дает повод опасаться возникновения неурядиц, что может вовлечь нас в войну с господами из Готии“¹⁷.

Последние слова заслуживают особого внимания. Если нападение генуэзских феодалов на земли владельца Лусты могло вызвать войну с „господами из Готии“, то можно полагать, что Луста, по крайней мере в третьей четверти XV в., не входила в состав генуэзских владений, как это было принято думать ранее, и что власть государства Феодоро в эти годы распространялась до границ Солдайского консульства.

В 1471 г. генуэзцам удалось заключить союз с владельцем княжества Феодоро. Понятно поэтому, что нападение генуэзских феодалов братьев Гуаско на имение владельцев Лусты, входившей в состав территории Феодоро, вызвало законную тревогу у консула Солдайи: в тогдашней обстановке всякий конфликт с государством Феодоро был крайне нежелателен для генуэзцев.

Генуэзцы ловко использовали борьбу татарского хана Менгли-Гирея со своими братьями за ханский престол, помогали ему в этой борьбе и в конце концов захватили в плен братьев хана, получив, таким образом, очень важное средство постоянного давления на Менгли-Гирея. Пленники сначала содержались в Кафе, а затем были переведены в Солдайю¹⁸. Насколько важное значение придавали генуэзцы пленению братьев крымского хана, свидетельствует постановление совета банка св. Георгия от 16 февраля 1473 г. о том, чтобы коменданты Солдайи вносили денежный залог, по крайней мере на 1000 флоринов превышающий обычный залог, „... и так до тех пор, пока в указанной крепости будет

находиться господин Нур-Давлет и другие отпрыски татарской царской крови²⁰.

Одновременно с попытками сближения со своими ближайшими соседями в Крыму генуэзцы искали союзников и за пределами Крыма, в частности в Польше. Однако Польша, занятая в то время борьбой с Тевтонским орденом, а затем делами в Чехии и Венгрии, не имела ни сил, ни средств для оказания какой-либо помощи генуэзским колониям в Крыму²¹.

Большой интерес к Крыму и крымским делам в середине 70-х годов XV века начало проявлять Московское государство. Известно, что в марте 1474 г. Иван III направил посольство к Менгли-Гирею с целью заключить союз с крымским ханом против главного врага Москвы — Золотой Орды, от которой Крымское ханство отделилось еще в конце 20-х годов XV века²².

Одновременно завязались оживленные сношения Москвы с мангупским князем Исааком (Исайкой). Велись переговоры о женитьбе сына Ивана III на дочери князя²³.

Пребывание русских „гостей“ (купцов) в генуэзских колониях, в частности в Кафе, прослеживается вплоть до захвата Крыма турками. Однако в смутной обстановке того времени жизнь и имущество „гостей“ подвергались большой опасности.

В наставлении послу боярину Беклемишеву, отправлявшемуся из Москвы в Крым в марте 1474 г., указывается, чтобы он вступился за русских купцов „Гридку Жука да Степанка Васильева“, товары которых стоимостью в 2000 рублей конфисковали кафинские власти в качестве репрессии за нападение казаков на генуэзских купцов. Великий князь московский снимает с себя ответственность за действия казаков и предлагает „консолосу кафинскому“ вернуть русским купцам захваченное генуэзцами имущество. „Коли же... так не учините, нашим людям их товару не отдадите, ино то уж не мы путь затворяем, вы путь купцов затворяете“, — сказано в наставлении²⁴.

Спустя год, в марте 1475 г., московский посол боярин Старков, поехавший в Крым, получил инструкцию поднять вопрос об ограблении в Кафе „посла Прокофья“ и убийстве большого числа русских купцов: „... В Кафе моего... посла Прокофья пограбили, да колко гостей моих перебили в Кафе и животов на многое тысяч рублей взяли“²⁵. Великий князь московский требует возврата награбленного имущества и предлагает послу вести об этом переговоры как с ханом Менгли-Гиреем, так и с кафинской администрацией²⁶.

Внутреннее положение в генуэзских колониях в 60-х и начале 70-х годов XV в. характеризовалось крайним обострением классовых и национальных противоречий.

С особой силой разгорелась борьба между эксплуатато-

рами и эксплуатируемыми, имущими и неимущими слоями населения Кафы, Солдаи и других городов Крыма. В донесениях консулов протекторам банка св. Георгия сообщается о частых волнениях среди населения колоний²⁷. Народные выступления имели место в Кафе в 1454, 1456, 1463, 1471, 1472 и 1475 гг.²⁸

Наиболее крупным из них было восстание 1454 года, которое проходило под лозунгом „Да здравствует народ, смерть знатым!“ Основную массу восставших составили городские низы, „маленькие люди без имени“. К ним присоединились солдаты и матросы с генуэзского корабля, прибывшего в Кафу. Восстание носило стихийный, неорганизованный характер и было подавлено.

Протекторы банка св. Георгия отдали распоряжение тщательно расследовать дело о восстании²⁹. В инструкциях протекторов генуэзским властям в Крыму неоднократно говорится о необходимости изымать „крикунов и сеятелей раздоров“ и принимать самые суровые меры против „опасных людей“³⁰.

О народном восстании в Солдае, происшедшем, повидимому, в конце 1470 г., мы узнаем из инструкции протекторов банка консулу и массариям Кафы от 21 января 1471 г., в которой говорится: „...Мы одобряем, что вы подавили... беспорядки в Солдае. Желаем, чтобы вы сохраняли там спокойствие и старались впредь, поскольку это зависит от вас, не допускать возникновения подобного рода беспорядков“³¹. К сожалению, никаких других материалов, проливающих свет на это выступление в Солдае, в нашем распоряжении нет.

Резко обострились противоречия между генуэзскими „гражданами“ и „местными жителями“. Местные жители (русские, греки, армяне и другие) пытались расширить свои крайне ограниченные права, но этому решительно воспротивились генуэзцы и отобрали назад даже незначительные уступки, ранее сделанные местному населению.

Классовая и национальная борьба в генуэзских колониях нередко облекалась в религиозные формы. В этот период очень напряженный характер приняла борьба католиков с православным населением колоний. Католическая церковь стремилась распространить на Крым действие флорентийской унии (1439 г.), по которой православная церковь лишалась своей самостоятельности и ставилась под власть римского папы. До нас дошло распоряжение папы Сикста IV о назначении некоего Николая епископом „над греками Кафы и Солдаи“³².

Католические епископы вели себя так вызывающе, что даже генуэзские консулы и протекторы банка св. Георгия вынуждены были время от времени одергивать зарвавшихся

церковников, опасаясь вспышек возмущения среди православной части жителей⁸³.

В последние годы существования генуэзских колоний неимоверно увеличились злоупотребления и насилия со стороны генуэзских чиновников. Жажда денег, которые добывались самыми грубыми и беззастенчивыми способами, вызывала острую борьбу среди генуэзских администраторов. Доносами, взаимными обвинениями во взяточничестве заполнены письма консула и других должностных лиц Кафы к протекторам банка св. Георгия⁸⁴.

В 70-х годах XV в. с новой силой вспыхнула борьба между генуэзцами и татарами. Часть татарских феодалов подняла мятеж против хана Менгли-Гирея, находившегося в дружественных отношениях с генуэзцами. Хан вынужден был искать убежища в Кафе⁸⁵.

Мятежные татарские феодалы обратились за помощью к турецкому султану. Еще в апреле 1474 г. турки заключили перемирие с Венецией. Это дало им возможность высвободить свои силы для нанесения решающего удара по генуэзским колониям в Черноморье.

31 мая 1475 г. к крымским берегам подошла турецкая эскадра. Недалеко от Кафы турки высадили крупный десант. Турок поддержали татары. На следующий день началась осада Кафы, а 6 июня гарнизон крепости уже капитулировал. Турки, хотя и обещали сохранить всем жителям Кафы жизнь и имущество, действовали как разбойники. Сначала они захватили и ограбили всех иностранных, в том числе русских, купцов и часть из них убили⁸⁶. „Того же лета, — говорится в русской летописи, — туркове взяша Кафу, гостей московских много побиша“⁸⁷. Затем турки отобрали имущество у генуэзских граждан, погрузили их на корабли и отправили в рабство в Константинополь.

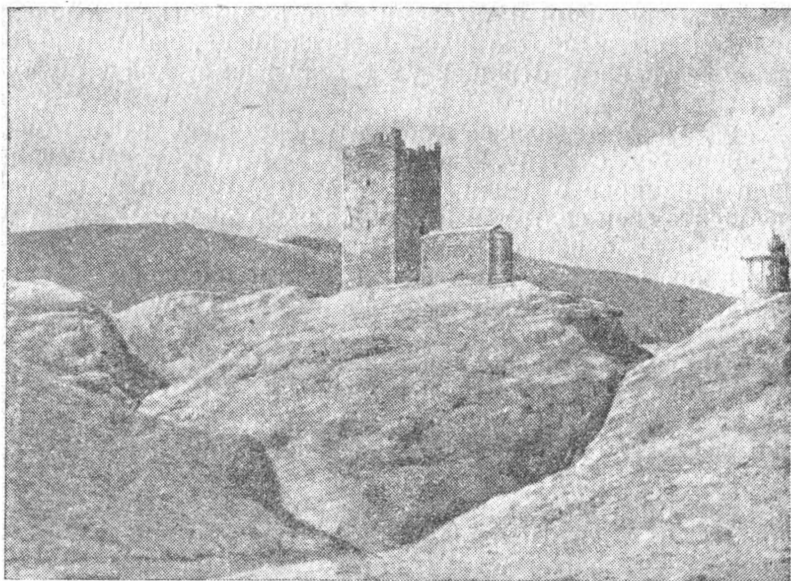
Вслед за Кафой пали и другие владения генуэзцев в Крыму.

О судьбе Сурожа-Солдайи нам известно только из описания Мартина Броневского, посетившего Солдайю более чем через 100 лет спустя после захвата ее турками. „От митрополита греческого, мужа почтенного и честного, который с греческих островов прибыл для осмотра церквей, я узнал, — пишет Броневский, — что когда турки осаждали этот город с моря многочисленным войском, генуэзцы храбро и сильно защищали его“⁸⁸. В конце концов турки ворвались в крепость и перебили ее защитников. К сожалению, нет никаких данных, по которым можно было бы судить, насколько достоверен этот рассказ Броневского.

Храбро и упорно сопротивлялось турецким захватчикам население маленького княжества Феодоро. В защите столицы Феодоро — Мангула принимал участие отряд, посланный гос-

подаром (владельцем) Молдавии Стефаном III, женатым на дочери мангупского князя Исайки Марии³⁹. Турки взяли Мангуп только в декабре 1475 г., после длительной осады и пяти приступов.

Турки превратили побережье Крымского полуострова и часть горного Крыма в непосредственное владение султана. Здесь были оставлены турецкие гарнизоны. Кафа стала резиденцией турецкого паши, назначаемого из Стамбула. Крымское ханство попало в вассальную зависимость от турецкого султана⁴⁰.

Судакская крепость. Башня Астагвера (портовая).

Под властью турок Сурож пришел в окончательный упадок. В конце XVI в. значительная часть города лежала уже в развалинах⁴¹.

Турецко-татарское владычество надолго задержало развитие производительных сил Крыма. Поддерживаемое Турцией Крымское ханство сделалось еще более опасным разбойничьим гнездом на юго-востоке Европы, из которого совершались кровавые грабительские набеги на русские и украинские земли.

Только победы русского оружия над турками во второй половине XVIII в. и включение Крыма в состав России в 1783 г. покончили с этим хищническим; паразитическим, крайне отсталым государственным образованием и открыли перед Крымом путь экономического и культурного прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории Сурожа с IX по XV в. позволяет сделать следующие выводы. Сурож как город возник и вырос еще в эпоху раннего средневековья. Уже в IX в. он был значительным, хорошо укрепленным торговым центром. Столь раннее развитие Сурожа и ряда других крымских городов объясняется особенностями исторического процесса в Крыму. Таврический полуостров в течение многих столетий соприкасался с крупными культурными центрами античности и средневековья. Через Крым шли важные торговые пути, связывавшие Средиземноморье с южнорусскими степями, Средней Азией, Индией и Китаем; богатая природа Крыма давала разнообразные продукты, часть которых шла на экспорт.

История Сурожа опровергает распространенное в буржуазной исторической науке мнение о том, что история средневековых городов Крыма может быть сведена к истории византийских и генуэзских колоний. Нет сколько-нибудь достаточных оснований для того, чтобы говорить о длительном византийском владычестве в Суроже как в первой, так и во второй половине средневековья. Под властью же генуэзцев Сурож находился сто десять лет, и это был как раз период экономического упадка города.

До татаро-монгольского нашествия Сурож был фактически самостоятельным городом, находившимся в союзных отношениях с русскими и половцами.

История Сурожа показывает, что местное население Крыма упорно сопротивлялось татарским захватчикам. После утверждения татар на Крымском полуострове Сурож еще долго сохранял свою автономию: чеканил собственную монету, имел своих должностных лиц и т. д.

Как и многие другие города средневекового Крыма, Сурож уже в ранний период своей истории был тесно свя-

зан с Русью, и русские играли большую роль в экономической жизни города на протяжении всей истории.

Факты начисто отменяют имеющую хождение в зарубежной буржуазной исторической науке (Братиану) легенду о том, что генуэзцы не стремились в Черноморье к крупным территориальным захватам, а якобы ограничились лишь приобретением торговых пунктов на побережье. В действительности генуэзцы в Крыму сделали территориальные захваты и подчинили своей власти большие сельские районы.

Генуэзцы, наряду с новыми методами эксплуатации, применяли по отношению к местному населению и те способы эксплуатации, которые существовали здесь до их появления. Генуэзцы в Крыму выступали в роли не только купцов, но и феодалов. В XV в. роль феодальных элементов здесь усилилась.

Сделав Кафу главным центром своей торговли, генуэзцы душили и давили другие города Крыма и в конце концов привели Сурож к упадку, превратив его лишь в центр сельского округа. Генуэзская колонизация носила хищнический, паразитический характер и сыграла отрицательную роль в развитии Крыма.

История Сурожа является ярким свидетельством того, что захват Крыма турками нанес новый чрезвычайно тяжелый удар экономике Крыма, и без того подорванной татарами, и еще на три века задержал развитие производительных сил Тавриды.

Сурож, утративший при генуэзцах свою былую славу крупного центра международной торговли, пришел под турецким владычеством в полный упадок. Только включение Крыма в состав России сделало возможным экономический и культурный подъем полуострова и Сурожа (Судака) в частности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСАНИЕ РАЗВАЛИН СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕПОСТИ В СУДАКЕ *

Среди вещественных источников по истории Сурожа первое место, без сомнения, занимают остатки крепостных сооружений. По мнению академика Ю. В. Готье, судакская крепость является „...одним из самых замечательных памятников Крымского прошлого“¹. Она сохранилась лучше и полнее других средневековых крепостей Крыма.

Первое описание судакской крепости дал писатель XVI века М. Броневский. „Он (город с крепостью. — С. С.), — пишет Броневский, — построен греками или генуэзцами на высокой горе, утесистой и широкой, возвышающейся скалой недалеко от моря; имеет три крепости, или замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окружен стеной и башнями. В нем множество греческих церквей, несколько часовен, еще уцелевших, но по большей частью лежащих обломками среди развалин... В нижней крепости видны три большие католические церкви, дома, стены, ворота, красивые башни, украшенные узорами и гербами генуэзскими². Следовательно, судя по описанию Броневского, уже в конце XVI в. город находился в состоянии запустения.

После включения Крыма в состав России была сделана попытка восстановить прежнее военное значение Судака. В пределах крепости были построены казармы и размещен гарнизон. Но вскоре крепость была оставлена.

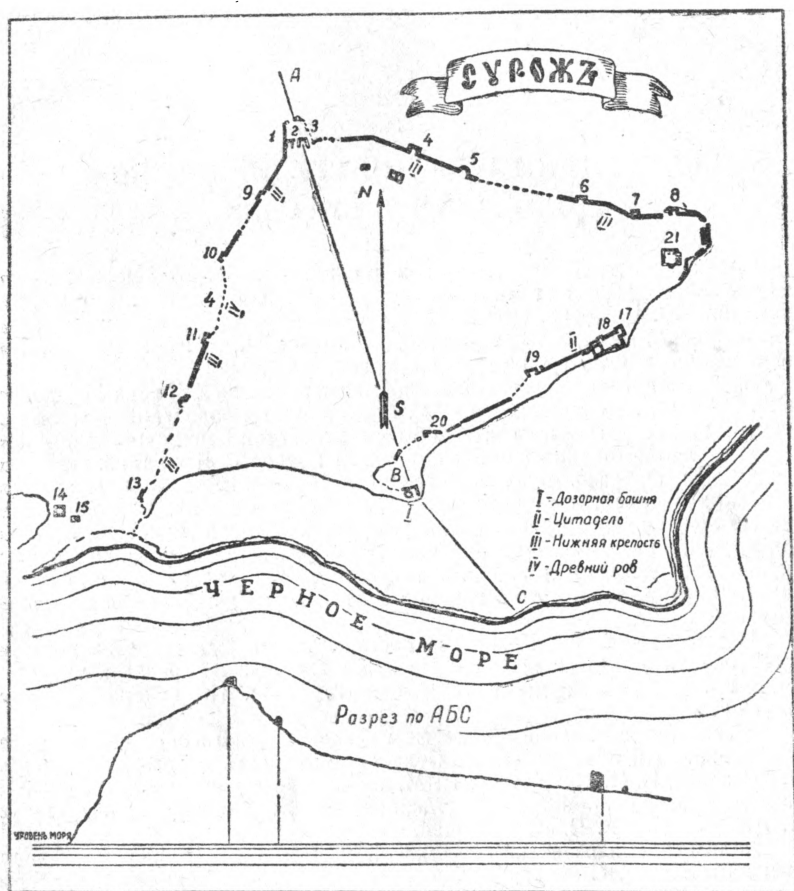
Развалины судакской крепости привлекали внимание многих путешественников и исследователей. Судакскую крепость описывали академик П. С. Паллас, П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол, акад. П. И. Кеппен, Дюбуа де Монпере, Е. Марков, В. Х. Кондараки, Н. Лапин, Н. Д. Протасов, Е. Ч. Скржинская.

Долгое время развалины судакской крепости оставались безнадзорным памятником. С начала XIX в. стены и другие сооружения крепости систематически разрушались поселившимися здесь немецкими колонистами. В 1865 г. управление государственными имуществами назначило участок земли с развалинами крепости в продажу в частные руки. Только энергичное вмешательство Одесского общества истории и древностей предотвратило это нелепое решение невежественных царских администраторов. В 1868 г. участок земли с развалинами крепости был передан в ведение Общества³. Общество приняло меры для охраны руин крепости.

В 1880 г. вновь возникла угроза продажи территории крепости в частные руки. Одесскому обществу истории и древностей стоило большого

* При описании крепости использованы литературные источники и материалы Государственного Исторического музея (Москва) и Крымского областного отдела по делам архитектуры, а также собственные измерения и наблюдения автора.

труда помешать этому; но оно вынуждено было разрешить использовать землю, входящую в район крепости, под виноградники и пастбища. Отсутствие средств не позволяло Обществу развернуть в Судак даже самые неотложные ремонтные работы. Только в 90-х гг. XIX в., благодаря пожертвованию А. Л. Бертье-Делагардом свыше тысячи рублей, можно было произвести в районе крепости некоторые ремонтные работы.

ПЛАН СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

- I — Дозорная башня. II — Цитадель. III — Нижняя крепость. IV — Древний ров.
 1. Башня Якобо Торселло. 2. Главные ворота. 3. Башня Бернабо ди Франки ди Пагано. 4. Башня Джудиче. 5. Круглая башня. 6. Башня Коррадо Чикало. 7. Башня Лукини де Флиско Лавани. 8. Безымянная башня. 9. Разрушенная башня. 10. Башня Джованни Марлоне. 11. Башня Гварко Румбальдо. 12. Разрушенная башня. 13. Угловая—разрушенная башня. 14. Башня Фредерико Астагвера (портовая башня). 15. Церковь двенадцати апостолов. 16. Угловая башня. 17. Консульская башня. 18. Георгиевская башня. 19. Верхняя разрушенная башня. 20. Древний храм. 21. Храм с аркадой.

В 1898 г. в Судак была командирована специальная комиссия Общества, которая составила подробное описание развалин крепости. Комиссии пришлось вступить в резкий конфликт с местным помещиком Капоном,

который незаконно захватил значительный участок земли, принадлежавший Обществу⁴.

После установления в Крыму советской власти крепость была объявлена ценным историческим памятником и взята под охрану. В 1925 г. для обследования судакской крепости был командирован из Москвы А. А. Фомин, и уже в конце того же года были отпущены средства для ремонта наиболее важных объектов крепости⁵.

В 1926 г. А. А. Фомин по заданию Государственного Исторического музея и Главнауки приступил к археологическому обследованию района судакской крепости⁶. В 1927 г. Фомин продолжил свою работу. О результатах своих исследований он сделал доклад на второй конференции археологов СССР в Херсонесе. В том же году в Судаке начала работать группа московских и ленинградских ученых во главе с академиком Ю. В. Готье⁷. Это были первые планомерные археологические обследования Судака.

Экспедиция произвела расчистку так называемой Георгиевской башни, замыкающей комплекс строений, известный под названием консульского замка. При выбрасывании земли были найдены древняя иконка, монеты, многочисленные обломки расписной керамики, мелкие куски костяных поделок, куски стекла и бронзовых изделий, железные гвозди, кинжал и остатки мелких неопределенных предметов⁸. По словам Ю. В. Готье, материал этот может пролить некоторый свет на прошлое башни, а следовательно, и на судьбы всей крепости⁹.

Участники экспедиции обследовали многочисленные археологические памятники вокруг судакской крепости — в Судакской долине и смежных местностях. Некоторые из них (развалины храма на южном склоне горы Перчем) были обнаружены впервые¹⁰. О результатах археологической разведки в Судак в 1927 г. Ю. В. Готье доложил второй конференции археологов в Херсонесе. Докладчик указал, что разведка имела целью показать, чего можно ждать от раскопок в Судак, какую богатую археологическую жатву они обещают¹¹. Археологическая конференция постановила организовать производство систематических разведок и раскопок в Судак и принять меры к охране обнаруженных здесь памятников старины¹².

В 1928 г. были произведены раскопки внутри цистерны у консульской башни и начались раскопки церкви. В том же году на склоне горы Болван при расчистке места для постройки дома был обнаружен некрополь, который был затем раскопан А. А. Фоминим¹³.

Археологические работы в Судак имели место и в 1929 г.: была заложена большая разведочная траншея внутри города, начались пробные раскопки у башни Астагвера, расположенной по дороге к древнему порту, и раскопки в районе порта. Внутри крепости было открыто одно коллективное погребение.

В 1930 г. археологические работы в Судак производил профессор Н. Д. Протасов. Раскопкам был подвергнут новый участок на территории древнего порта, причем были обнаружены остатки гончарной мастерской.

В следующем году раскопки вел Е. В. Веймарн. Они производились в районе предполагаемой ремесленной слободы и имели целью частично выяснить топографию города.

Часть материалов, добытых при археологических исследованиях, была направлена в Государственную Академию истории материальной культуры, часть в Государственный Исторический музей, некоторые материалы были сданы на хранение в Областной краеведческий музей Крыма, и, наконец, кое-что осталось в Судак. Материалы, оставленные в Судак, были расхищены и уничтожены фашистскими оккупантами.

В 1935 г. Военно-Инженерная Академия имени Куйбышева совместно с Государственной Академией истории материальной культуры организовала небольшую экспедицию в Крым с целью специального обследования военно-инженерных памятников области. Руководил экспедицией проф. В. В. Данилевский. В числе объектов обследования были и развалины судакской крепости¹⁴.

В 1936 г. судакские древности изучались экспедицией Института антропологии Академии наук СССР. В частности, была обследована башня XIV—XV вв., расположенная между деревней Ускут (ныне Приветное) и Судак (т. н. Пастушья башня). Кроме того, в Судак несколько раз производились детальные архитектурные обмеры археологических памятников.

В 1952—1954 гг. В. П. Бабенчиков и А. Л. Якобсон вели в районе Чобан-кулэ (Пастушья башня) раскопки гончарных печей, датируемых VIII—IX вв.

К сожалению, все перечисленные выше раскопки и обследования носили эпизодический разведывательный характер. А для того чтобы выяснить ряд важнейших проблем истории Сурожа, а значит и всего средневекового Крыма, необходимо организовать большие, из года в год продолжающиеся археологические раскопки. Отсутствие строений новейшего времени внутри крепости и на территории возле нее делает Судак особенно благоприятным объектом для тщательного археологического изучения.

Следует отметить, что даже тот небольшой материал, который был добыт в Судак археологами в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, остался неизвестен широкому кругу историков. За исключением докладов на второй конференции археологов в Херсонесе (точнее говоря, кратких тезисов докладов) и нескольких журнальных статей, никаких публикаций итогов археологических раскопок в Судак не производилось.

* * *

Судакская крепость расположена на высокой конусообразной горе, резко обрывающейся в море и полого спускающейся лишь с северной стороны. Общая площадь крепости—29,5 гектара. Крепость имеет два яруса: 1) нижний, ограниченный наружными стенами с боевыми башнями, и 2) цитадель с дозорной башней на вершине скалы.

НИЖНИЙ ЯРУС

Крепость опоясана стенами с боевыми башнями. Стены сравнительно хорошо сохранились с северной стороны; здесь целы отдельные участки. Южная стена, которая тянется по направлению к дозорной башне, представлена самыми незначительными остатками, по которым даже трудно определить ее направление. С западной стороны крепостная стена почти полностью разрушена. Здесь сохранилась только часть фундамента.

Стены крепости и почти все башни сложены из местного строительного материала—серого известняка. Камни в крепостных стенах далеко не всегда отесаны и нередко неправильной формы. Чаще всего это неуклюжие большие плиты, лежащие вперемежку с необработанными камнями. Они положены на очень толстом слое раствора с битым кирпичом и посудными черепками, раствор плохо промешан и не заполняет всех пустот.

Высота крепостных стен достигает шести, а местами и восьми метров, толщина—1,5—2 м. Впереди стен имеются остатки рва.

Крепость имеет единственные ворота, ориентированные на север. Ширина воротного проема 3,7 м. Хорошо сохранились пазы, по которым поднималась, повидимому, деревянная, но обитая железом решетка. Над воротами находится небольшая малозаметная плита с высеченной на ней надписью (все надписи на крепостных сооружениях сделаны на латинском языке). Она читается в настоящее время очень плохо, так как сильно выветрилась. В. Юргевич в прошлом столетии читал ее так:

„1389 г., девятого дня июля, во время управления отличного и могущественного мужа, господина Батиста ди Зоали, прежде Андола, достопочтенного консула Солдайи. Богу благодарение“¹⁵.

Перед воротами расположено предмостное укрепление, состоящее из полукруглой оградной стены, которая опирается своими крыльями с запада на башню, а с востока на разрушенную ныне стену. В первоначальном виде сохранилась лишь северная часть укрепления; восточная разрушена до фундамента; западная стена реставрирована. В северной части частично сохранились выходные створчатые ворота. Толщина стены около них 1,6 м. Назначение предмостного укрепления состояло в том, чтобы усилить защиту ворот.

Главные ворота крепости прикрываются двумя полубашнями. Западная полубашня, носящая имя Якобо Торселло, имеет в плане вид неправильного четырехугольника, построена в три этажа и состоит из трех стен (внутри крепости она открыта). Длина стен внутри: на севере—5 м; на западе—10,4 м; на востоке—4,8 м. Низ укреплен каменным пологим откосом. Непосредственно к башне примыкает помещение с камином. У заднего основания башни видны остатки более древнего фундамента. На внешней стороне башни находятся два, расположенных одно над другим, окна. Надпись на плите, вставленной в северную стену башни, возвещает:

....в первый день августа, во время управления отличного и могущественного мужа, господина Якобо Торселло, достопочтенного консула и коменданта Солдайи¹⁶.

Правая часть плиты жестоко пострадала от времени, и год возведения башни не сохранился. Но путешественники XVIII и XIX вв. еще имели возможность читать эту надпись. Одерико и Ваксель указывали на 1380 г. или 1382 г., Юргевич—на 1385 г. Е. Ч. Скржинская полагает, что Одерико и Ваксель, вероятно, приняли V за II¹⁷. Башня сохранилась сравнительно хорошо.

Восточная полубашня, называемая башней Бернабо ди Франки ди Пагано, имеет в плане вид неправильного развернутого внутрь крепости четырехугольника. Полубашня состоит из трех стен и с внутренней стороны открыта. Длина стен внутри: на севере—4,2 м; на востоке—5 м; на западе—7,1 м. Внизу башни—бойница, заваленная позднейшими осыпями. Вверху—четыре окна. Сохранились прямоугольные консоли башни. На стене, обращенной внутрь ворот, имеется несколько камней с высеченными на них крестами. Камни расположены без всякой системы. Западная стена башни ди Пагано образует в сочетании с восточной стеной башни Торселло коридор, имевший деревянные перекрытия. Общая сохранность башни удовлетворительная. Под бойницей видно гнездо для плиты. Плита с надписью была в свое время вывезена в Одесский музей. Чтение надписи вызвало среди исследователей большие разногласия, Юргевич читал ее следующим образом:

„1414 года, в четвертый день июня, постройка настоящей крепости вся окончена во время управления именитого и могущественного мужа, господина Бернабо ди Франки ди Пагано, достопочтенного консула, главного казначея, коменданта и военачальника Солдайи“¹⁸.

Следовательно, надпись понималась Юргевичем как свидетельство окончания постройки крепости в 1414 году.

Однако Е. Ч. Скржинская расшифровывает надпись иначе:

„В 1414 году, в четвертый день июня, во время правления именитого и могущественного мужа господина Бернабо ди Франки ди Пагано, достопочтенного консула, главного казначея и военачальника Солдайи, было полностью закончено сооружение моста крепости Святого Креста“¹⁹. Е. Ч. Скржинская обосновывает свое чтение ссылкой на Устав 1449 г. и на письма протекторов банка св. Георгия. Она приходит к заключению что „замок св. Креста“ и крепость Солдайя—понятия совпадающие²⁰ и что надпись сообщает о сооружении моста через ров, а вовсе не об окончании постройки всей крепости²¹.

Обе находящиеся при воротах башни поставлены своими передними стенами под углом друг к другу, чтобы обеспечивать ведение перекрестного обстрела на всем внутреннем пространстве предмостного укрепления.

Вторая башня от главных ворот по направлению стены, идущей в юго-западном направлении, разрушена.

Дальше в этом же направлении находится башня, носящая имя Джiovанни Марионе. Она имеет три этажа и открыта изнутри. Длина стен внутри: на севере—5,4 м; на юге—4,5 м; на западе—3,55 м. В первом и во втором этажах имеются бойницы, в третьем—четырёхугольные окна. Надпись на плите, вделанной в западную стену, гласит:

„1388 год. Во время управления благородного мужа господина Джiovанни Марионе, почтенного консула и коменданта Солдайи“²².

Четвертой от ворот является полубашня Гварко Румбальдо, тоже трехэтажная и изнутри открытая. Сохранились только две стены. Длина западной стены внутри—4,95 м; восточной (без примыкающей к ней стены)—3,55 м; длина со стеной крепости—5,85 м. Во втором этаже—бойницы, в третьем—окна. Вверху были зубцы. В северной стене вделана плита с надписью, которую Юргевич читал так:

„Настоящая высокая башня основана и украшена консулом Гварко Румбальдо, из рода мужей, и единственная из башен во всем городе построена удивительной громадности с великими трудами. 1394 года, первого дня июля“²³.

Е. Ч. Скржинская читает эту надпись иначе:

„Настоящая высокая башня была основана и украшена консулом Бальдо из мужественного рода Гварко, и по сооружении этой единственной (башни) прекращается всякая работа по возведению башен во всем городе. 1394 год, первый день июля“²⁴. Повидимому, этой башней закончился какой-то этап в строительстве солдайской крепости.

Пятая башня в настоящее время почти разрушена. Уцелела только одна северная стена. От остальных стен сохранились фундаменты. Башня имела в плане квадрат. Судя по северной стене, башня была трехэтажная, открытая. Когда и кем построена—неизвестно.

Крайняя башня находится в южном углу юго-западной стены. В настоящее время совершенно разрушена. От нее шла стена к так называемой „портовой башне“.

Полубашня на восток от главных ворот (вторая, если считать первой башню ди Пагано) носит имя Пасквале Джудиче. Это трехстенное, открытое на юг (внутрь крепости) трехэтажное сооружение.

Длина северной стены внутри башни—4,5 м; восточной—4,55 м. Расстояние между концами стен с южной стороны—4,6 м. В первом этаже—3 бойницы. В третьем этаже—3 прямоугольных окна. На западной стене, под окном третьего этажа, находится плита. Надпись на плите гласит:

„1392 года, в первый день августа, эта постройка сделана во время управления отличного и могущественного мужа, господина Пасквале Джудиче, почтенного консула Солдайи“²⁵.

Дальше на восток от главных ворот высится открытая на юг двухэтажная башня неправильной овальной формы, называемая Круглой. Верхнего этажа не сохранилось. Глубина от центра между двумя выступами башни—7,3 м; ширина между окончаниями стен—5,6 м.

Под основанием башни замечается вскрытая раскопками более древняя стена, идущая в направлении с запада на восток. Оборонительная стена, примыкающая к башне, делает около нее выступ.

Это единственная круглая башня во всей крепости. Никаких надписей на ней нет. Повидимому, ее возведение относится к догенуэзскому периоду истории Сурожа.

Четвертая к востоку от главных ворот—башня Корrado Чикало. Она трехстенная, открытая на юг, трехэтажная. Сохранились только северная стена и половина западной. Длина северной стены внутри—6,1 м; западной—5,25 м. Нижний этаж башни глухой, без окон и бойниц. Во втором этаже в каждой стене по бойнице, в третьем этаже в северной стене—прямоугольное окно. В западной стене рама от выпавшей плиты. В XIX в. в Судакe была найдена плита, которая использовалась местным поме-

щиком в качестве виноградного пресса. Судя по размерам рамы в башенной стене, эта плита относится к данной башне. Содержание надписи на плите таково:

„Эта постройка сделана во время управления благородного и могущественного мужа господина Коррадо Чикало, достопочтенного консула и коменданта Солдайи. В 1404 г., в десятый день мая“²⁶.

Пятая башня к востоку от ворот носит имя Лукини де Флиско Лавани. Это трехэтажная, четырехстенная, со всех сторон закрытая боевая башня. В плане имеет квадрат. Длина стороны—5,85 м. Первый этаж был глухой. Во втором этаже имелись бойницы на четыре стороны. В западной стене башни вставлена плита с надписью:

„1409 года, в первый день августа; эта постройка сделана во время управления благородного и могущественного мужа, господина Лукини де Флиско Лавани, графа и достопочтенного консула Солдайи и Бартоломео де Иллиони (неясное слово) и капитана“²⁷.

Самая крайняя к востоку от главных ворот—Безымянная башня. Она имеет два этажа, открыта внутрь крепости, ориентирована на север. Сохранились только две стены, причем одна только частично. Длина северной стены—7,2 м; восточной (неполной, укрепленной при ремонте контрфорсом)—2,55 м. На верху башни сохранилось 5 зубцов.

Таким образом, все башни, кроме одной (Лавани), были трехстенными, открытыми изнутри полубашнями. Они имели некоторые преимущества по сравнению с закрытыми башнями: из цитадели можно было видеть ход сражения в каждой полубашне и в случае необходимости оказывать защитникам башни помощь людьми и военными материалами. Полубашни были теснее связаны со всей системой обороны города, чем замкнутые четырехстенные башни. Полубашни как бы предназначались для защиты их самим населением города. Однако крупным недостатком полубашен было то, что в случае проникновения неприятеля внутрь крепости они теряли всякое оборонительное значение. Защитники полубашни или погибали или сдавались в плен.

Из ряда памятников, находящихся в пределах первого яруса судакской крепости, обращают на себя внимание следующие сооружения:

а) „Цистерна“ № 1—помещение подвального типа с цилиндрическим сводом, ныне не сохранившимся. Стены сложены, как и все сооружения в крепости, из серого плитняка. Длина—13,1 м; ширина—6,9 м. Глубина неизвестна. В настоящее время помещение засыпано землей и заросло кустарниками.

б) „Цистерна“ № 2—также подвальное помещение. Глубина—5,4 м; высота над поверхностью земли—2,35 м. Имеет двойное цилиндрическое перекрытие, которое покоится на простенке с двумя высокими килевидными арками. Длина—12,4 м; ширина—10,1 м. Крыши и стены реставрированы. В северной стене есть дверь. Помещение, судя по отверстиям для балок, имело три этажа. На отдельных камнях видны метки каменотесов.

Назначение обоих помещений точно не определено. Одни исследователи считают их цистернами, другие складочными помещениями. Но второе мнение не объясняет, зачем в складочном помещении шла водосточная труба. Кроме того, при очистке цистерн от земли не было обнаружено ничего такого, что подтверждало бы существование в этих помещениях складов продуктового или иного назначения. Остатки водосточных труб, тянувшихся вдоль развалин крепостных стен второго яруса, свидетельствуют, что жители города использовали и дождевую воду, которая текла по специально сооруженным трубам в водохранилище крепости.

в) Церковь с аркадой („мечеть“) находится в восточной части крепости. Здание имеет в плане квадрат. Стены по углам посредством гофрированных парусов переходят в сферический купол без барабана. К „мечети“ примыкает внутренний притвор, отделенный стрельчатыми арками

на столбах квадратного сечения. У северо-восточного угла притвора имеется ход в бывший здесь минарет. С восточной стороны расположена открытая галерея из трех арок. Вокруг ниши михраба — сталактитовый наличник. Наличники двери и окна украшены „плетенкой“. В здании прослеживаются четыре разновременные кладки. Длина здания внутри с юга на север 12,45 м; с юга до колонн — 8,9 м; ширина — 8,75 м; колонны арок имеют квадратную форму; длина стороны — 0,6 м; толщина стен — 1 м. Над михрабом надпись следующего содержания:

„Во имя Христа аминь. В 1423 г. четвертый день января; эту постройку велел сделать... консул Талано Кристиано Мондиано“²⁸. Надпись была покрыта слоем штукатурки, но буквы позолочены и четко выделяются на белом фоне.

Здание несколько раз перестраивалось в течение всей своей многовековой истории и под христианскую церковь и мусульманскую мечеть.

г) Древний храм. Он находится в верхней части первого яруса и представляет собой небольшую двухабсидную церковь, ориентированную на восток. Хорошо сохранились северная и часть западной стены. Северная и южная стены — разной кладки. Южная стена значительно более ранняя. Размеры церкви: длина — 5,85 м; ширина — 3,4 м. В северной стене имеется небольшое окно размером 0,3×0,3 м. Толщина стен — 0,8 м. При раскопках Н. Д. Протасова найдены фрагменты поливной, поздневизантийской посуды и стеклянные изделия XIII—XIV вв.

ВТОРОЙ ЯРУС

Консульский замок. Внутри крепости расположена цитадель, известная под именем консульского замка. Она состоит из следующих частей:

1) четырехугольного внутреннего двора, к которому с северо-запада примыкает пристроенный позже портик;

2) консульской башни;

3) башни, примыкающей к углу двора с северо-запада.

Внутренний двор обнесен толстыми стенами в два этажа. В стенах прорезаны бойницы. Длина двора — 15,5 м; ширина — 8,6 м. В восточной части двора имеется выступ, откуда был выход на узкую тропинку.

Консульская башня находится в юго-западной части двора, состоит из двух этажей. Вход в нее с юга возможен был только через перекидной мостик, который вел прямо на второй этаж. Второй перекидной мостик выходил к противоположной (южной) стене башни. Здесь видна заложенная ныне дверь. Сохранилось отверстие для подъема мостика. Таким образом, консульская башня могла быть полностью изолирована от внешнего мира. Под первым этажом башни было два подвальных помещения с перекрытием из гладко притесанных камней. В первом этаже сохранились камин и ниша со следами фресок, вероятно, это была капелла. Во втором этаже имеются также остатки камина и два широких окна, выходящих на юг и на восток. Зал второго этажа, если судить по остаткам пилястров, имел сводчатое перекрытие. Угол восточной стены обвалился.

Угловая башня представляет собою четырехугольную, открытую боевую башню. Длина западной стены внутри — 2,9 м; северо-восточной — 3,7 м; юго-западной — 4,25 м; южной — 4,2 м. Стены в юго-восточном углу не замыкаются. В примыкающей к башне с востока стене видны остатки лестницы. На месте заделанного окна раньше, видимо, была дверь, которая выводила на еле заметную тропинку, спускающуюся до половины откоса скалы.

На юго-запад от консульского замка стоит башня, называемая **Георгиевской**. Она соединяется с консульским замком стенами. Башня построена в два этажа. В нижнем этаже находилась капелла с абсидой, на стене которой сохранилась роспись, изображающая парящую фигуру в длинном одеянии. Размеры капеллы—5,10×4,25 м. В обоих этажах башни с трех сторон по бойнице. С северной стороны башни пристроен прямоугольный тамбур. Снаружи стена башни имеет в северо-восточном углу выступ. Наружные размеры башни: южная стена (до входа)—2,75 м; восточная—3,5 м; северная (до выступа)—1,25 м; выступ—1,4 м; северная стена за выступом—6,3 м.

Выше Георгиевской башни находятся незначительные остатки открытой, трехстенной полубашни. Сохранился только первый этаж. Полубашня имела в плане развернутый к югу прямоугольник с неровными сторонами, длина внутри по северной стороне—2,95 м; западной—3,1 м; восточной—2,5 м; ширина восточного проема (с этой стороны башня открыта)—3,65 м.

С Георгиевской башней открытая башня соединялась стеной, остатки которой можно проследить еще и теперь.

Дозорная башня. На самой вершине горы стоит одинокая башня. К ней ведет крутая тропинка со следами выбитых в скале ступенек. Длина западной стены башни—6,4 м; северной—5,85 м. Башня имеет в плане неправильный четырехугольник. Три стены сохранились, четвертая же, южная, обрушилась в море. Внутри башни ведет узкий коридор, перекрытый цилиндрическим сводом, у входа в коридор видны следы навеса дверей. Длина коридора—5 м; ширина—1,45 м. Дверь имеет очень высокий порог. Между южной стеной коридора и западной стеной башни находится замкнутое, без всяких следов выхода и без отверстий для света, небольшое помещение, имеющее в плане усеченный треугольник неправильной формы со следами фрески, которая изображала мадонну. Длина помещения—4,6 м; наибольшая ширина—2,95 м. Первый этаж башни имел сводчатое перекрытие, от которого сохранились пиластры. Во втором и первом этажах сохранились каминь. С башни открывается обширнейшая панорама. В ясную погоду отсюда можно видеть силуэты Медведь-горы, Ай-Петри, Ай-Тодора. Эта башня обычно называется всеми путеводителями и экскурсоводами **Кыз-кулэ**, т. е. Девичьей башней. С Кыз-кулэ связывались легенды из прошлого Сугдеи.

В одной из этих легенд рассказывается, что царицу Сугдеи Феодору полюбил ее полководец Гиркас. Но Феодора дала обет безбрачия и отвергала все домогательства Гиркаса. Когда на Сугдею напали генуэзцы, Гиркас предал Феодору, показав генуэзцам дорогу в крепость. Генуэзцы взяли Сугдею. Феодора, прокляв Гиркаса, бросилась с верхней башни в море и разбилась о камни. В этой легенде нашел отражение факт завоевания Сурожа генуэзцами²⁰.

Мы полагаем, что здесь произошла своеобразная переделка слова **Кез-кулэ** (глаз-башня) в **Кыз-кулэ** (Девичья башня). Такое истолкование названия башни хорошо соответствует ее расположению. Она действительно являлась дозорной башней, откуда защитники крепости могли обозревать окрестности города и море.

Возвышавшаяся над городом сильно укрепленная цитадель должна была служить генуэзцам укрытием не только от внешнего, врага, если бы он ворвался внутрь крепости, но и от местного населения в случае его восстания.

За пределами крепости, на холме, к юго-западу от нижней крепостной стены находится башня **Астагвера**. В плане башня квадратна. Со всех сторон она замкнута, не имеет в первом этаже хода и с внешним миром сообщалась через второй этаж, со стены, которая связывает башню с главными крепостными стенами. Размеры снаружи: восточная стена—7,3 м; южная—7,4 м; западная—7,4 м; северная—7,35 м. Наружные стены, кроме северной, оштукатурены. Во втором этаже были три бойницы, в третьем—по квадратному окну на каждой стороне. В стены башни вде-

лано 27 плит с изображением крестов. Наверху сохранилось по 4 зубца с каждой стороны. Надпись гласит: „В 1386 г. в восемнадцатый день мая; это строение воздвигнуто во время управления отличного мужа Фредерико Астагвера, достопочтенного консула и коменданта Солдаин³⁰. Башня прикрывала дорогу в порт.

Рядом с башней Астагвера стоит хорошо сохранившийся храм небольших размеров, известный под именем „храма двенадцати апостолов“.

У пляжа д. Уютной, на восточном склоне горы Болван имеются остатки небольших строений, сложенных из бутового камня. Эти помещения, вероятно, служили жилищами для матросов, тавернами и т. д. Они относятся к XIV—XV вв. Здесь же обнаружена гончарная мастерская.

Таковы важнейшие архитектурно-археологические памятники, находящиеся в пределах судакской крепости и возле нее.

ДЕЛО БРАТЬЕВ ГУАСКО

Перевод с латинского С. А. МИЛИЦЫНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документы архива банка св. Георгия, относящиеся к делу братьев Гуаско, были опубликованы в сборнике: „Atti della Società Ligure di storia patria“ (v. VII, pr. II, pp. 292—324), изданном в 1879 г. в Генуе.

Полный перевод их на русский язык сделан впервые.

Многолетний сотрудник Таврической ученой архивной комиссии Л. Колли в своей статье: „Христофоро ди Негро, последний консул Солдайи“, опубликованной в 1905 году в „Известиях“ названной комиссии (ИТУАК, № 38, стр. 1—28), сделал краткий пересказ содержания этих архивных документов, перемежающийся с переводом некоторых мест и несколькими латинскими цитатами из них. Но сделал это он настолько неудовлетворительно, с такими искажениями отдельных положений, до полной их смысловой противоположности, что возникает даже сомнение, имел ли вообще Колли перед собой оригиналы или следовал в своем труде лишь рецензиям итальянского аббата Амедео Винья.

Было бы утомительно, да и нет надобности приводить здесь все эти искажения. Мы позволим себе ограничиться одним только примером.

На стр. 26 Колли излагает содержание документа № 19. Оговорившись, что не может передать письма Христофоро ди Негро подробно, он кратко указывает, что Христофоро оспаривает в нем все обвинения против бывшего консула Батиста Джустиниани (в сноске: оклеветанного братьями Гуаско), и вкладывает в уста Христофоро следующие слова, взяв их в кавычки: „Этот последний (Джустиниани—С. М.), несмотря на свою блестящую и честную деятельность, был, как и я, оклеветан, осмеян и предан суду. Но будьте предусмотрительными! Ждите, умоляю вас, моего возвращения на родину, по истечении срока моих полномочий, в будущем марте непременно, когда я сам предстану пред вами, intendens verificare quescumque continentur in dictis accusationibus et ultra“.

Ознакомившись с документом № 19, читатель увидит, что из всего написанного Колли тексту письма Христофоро ди Негро соответствует лишь приведенная выше латинская цитата, означающая: „имея намерение доказать вам справедливость всего того, что указано в тех жалобах, и сделать добавления к ним...“ Это случилось, видимо, потому, что цитата не подверглась ни пересказу, ни переводу. Все остальное — полное извращение того, о чем писал солдайский консул. В результате ди Негро.

превратился из страстного обвинителя в ярого защитника консула Джустиниани, а братья Гуаско — из друзей последнего в его обличителей.

Подобными искажениями полны и прочие страницы статьи Л. Колли. Перевод документов на русский язык был связан с определенными трудностями. Как известно, средневековые схоласты разработали систему приемов украшения речи. Одним из них являлось синонимическое повторение слов, на которых надо было сосредоточить внимание читателя или слушателя. Талантливые писатели и ораторы достигали этим приемом некоторого своеобразного эффекта, рядовые же писцы, нотариусы, судьи только усложняли и затемняли им свою речь.

Все сказанное относительно слов сохраняло силу и относительно предложений. Главные мысли излагались дважды, трижды, хотя бы теми же словами, но в других синтаксических построениях. Это стилистическое требование, особенно когда автором был человек, затруднявшийся свести концы с концами в своих конструкциях, очень затемняло текст.

Как раз с текстами такого рода нам и пришлось частично встретиться при переводе указанных выше архивных документов, принадлежащих в разных частях разным авторам. Поскольку мы поставили себе задачей следовать возможно ближе тексту, стиль переводов будет неровным, отражающим особенности авторов оригиналов.

К нашему переводу мы сочли необходимым сделать ряд примечаний. В некоторых из них встречаются ссылки на Устав генуэзских колоний 1449 г., по переводу, опубликованному В. Юргевичем в „Записках Одесского общества истории и древностей“, т. V. Латинские цитаты сделаны с сохранением орфографии оригиналов. Заголовки, поставленные в скобках под номерами документов, сделаны нами.

I

(Приказ консула Солдайи Христофоро ди Негро)

Во имя Христа. 1474 года 27 августа, утром в доме консульства. По приказу достопочтенного господина Христофоро ди Негро, достойного консула Солдайи, идите вы, Микаеле ди Сазели, кавалерий нашего города, и вы: Константино ди Франгисса, Мавродио, Якобо, Кароци, Сколари, Иорихо, Даниели, аргузии¹ нашего города, ступайте все до единого и направляйтесь в деревню Скути.

Повалите, порубите, сожгите и бесследно уничтожьте виселицы и позорные столбы, которые велели поставить в том месте Андреоло, Теодоро, Деметрио, братья ди Гуаско.

А если Теодоро ди Гуаско или кто-либо из братьев его станут мешать вам исполнить этот приказ, вступать в пререкания с вами или силой сопротивляться вам, то именем достопочтенного господина консула объявите ему о наложении на него штрафа в размере тысячи сонмов в пользу совета св. Георгия² в случае, если он не допустит полного осуществления указанной экзекуции.

О всем, что вами будет сделано во исполнение настоящего приказа, вы должны будете подробно доложить для записи в акты курии³ достопочтенного господина консула.

Сказанное повелел сделать достопочтенный господин консул по долгу службы своей и ради пользы и чести светлейшего совета св. Георгия, ибо те Андреоло, Теодоро и Деметрио посягнули и продолжают посягать на права, которые им не принадлежат, нарушая честь и выгоды светлейшего совета св. Георгия и общины Генуэзской.

¹ Осн. ч. кн., гл. III.

² Осн. ч. кн., гл. IV.

³ Совет консула; а также канцелярия его.

II

(Протокольная запись Солдайской курии по докладу кавалерия)

Того же дня после вечернего звона¹. Вышеупомянутые Микаеле кавалерий, Константино, Мавродио, Якобо, Кароци, Сколари, Иорихо Даниели—семь аргузиев доложили все вместе и каждый отдельно в присутствии достопочтенного господина консула и меня, нижеподписавшегося нотариуса, и указанных ниже свидетелей, следующее:

Они все по приказу достопочтенного господина консула отправились в деревню Скути с решительным намерением выполнить все приказанное им достопочтенным господином консулом и достигли горы, возвышающейся над селением Тасили, против деревни Скути, дорога в которую проходит здесь по горе. На дороге этой они увидели Теодоро ди Гуаско, а с ним примерно сорок человек, с оружием и длинными палками в руках. Когда кавалерий и аргузии сошлись с ними на той дороге, Теодоро спросил кавалерия и аргузиев, куда они идут. Они же ответили, что идут по приказу господина консула в деревню Скути для сожжения и разрушения виселиц и позорных столбов, находящихся в том месте. В ответ на это Теодоро сказал, что он не желал бы, чтобы они разрушили и сожгли те виселицы и столбы, что деревней Скути они (Гуаско) владеют по мандату светлейшего господина консула Кафы, с которым и будут говорить по этому делу, а не с консулом Солдайи, и если светлейший консул Кафы прикажет сломать и уничтожить виселицы и столбы, то они сами это сделают. По приказу же господина консула Солдайи, даже если бы он явился лично, они не позволят никому разрушать и жечь их. В ответ на это Микаеле именем господина консула Солдайи приказал Теодоро под страхом штрафа в пользу совета св. Георгия в тысячу сонмов допустить его и аргузиев к разрушению и сожжению виселиц согласно указанию господина консула. Но Теодоро со своими людьми оказал кавалерию Микаеле и аргузиям сопротивление и не дал им привести в исполнение приказ достопочтенного консула. Поэтому они вернулись, не выполнив приказа.

Свидетели: Антонио Спинула
Томасио ди Кастильоне
Филиппо ди Марко

III

(Постановление консула Христофоро ди Негро о помещике Теодоро ди Гуаско)

27 августа. 1474 г. По приказу господина Христофоро ди Негро, достойного консула Солдайи, указывается Теодоро ди Гуаско следующее:

Сего числа, в окрестностях селения Тасили, на горе, по которой идет дорога в деревню Скути, Теодоро ди Гуаско, которого сопровождало примерно сорок человек, имевших при себе оружие и палки, преградил путь кавалерию господина консула и его курии, Микаеле ди Сазели, следовавшему с семью консульскими аргузиями: Константино, Мавродио, Якобо, Кароци, Сколари, Иорихо, Даниеле, в деревню Скути для

¹ К молитве ангелюс, летом в 9 час. вечера. Устав, ЗООИД, т. V, стр. 711.

сожжения и уничтожения по приказу господина консула виселиц и позорных столбов, воздвигнутых в том месте, в нарушение законов и статуты высокой общины Генуэзской и светлейшего совета св. Георгия, братьями ди Гуаско: Андреоло, Теодоро, Деметрио.

Задержанный таким образом на дороге Микаеле, не допущенный людьми Теодоро к дальнейшему следованию с аргузиями в Скути для исполнения полученного приказа, объявил тому Теодоро именем консула, что на него, Теодоро, будет наложен штраф в тысячу сонмов, если он не допустит того кавалерия и аргузиев к сожжению и уничтожению тех виселиц и позорных столбов. В ответ на это Теодоро заявил кавалерию и аргузиям, что он не допустил бы и самого консула Солдайи, если бы господин консул пожаловал лично сюда для сожжения и уничтожения виселиц и позорных столбов. Далее он заявил, что он, Теодоро, и братья его не подсудны господину консулу Солдайи, а отвечают только перед светлейшим господином консулом Кафы.

Все это подробно запротоколировано в актовой книге Солдайской курии по докладу кавалерия и аргузиев.

А поэтому предлагается тому Теодоро в течение трех дней, считая от сегодняшнего числа, предъявить, представить и объяснить в присутствии достопочтенного господина консула все грамоты, соглашения и договоры, которые он, по его словам, получил от высокой общины Генуэзской в Генуе или в Кафе, или от светлейшего консула Кафы, по которым он освобождается от подсудности достопочтенному господину консулу Солдайи и от обязанности подчиняться его приказам, так как сам консул считает себя обязанным уважать его привилегии, данные ему высокой общиной Генуэзской или вышестоящими властями, поскольку он обязан действовать по закону и только по закону.

Если же тот Теодоро не выполнит этого, то, по истечении указанного срока, он будет присужден достопочтенным господином консулом к уплате штрафа в тысячу сонмов, под который он подпал по донесению кавалерия Микаеле и аргузиев, о чем записано в актах курии.

Так повелел достопочтенный господин консул по должности своей, поскольку указанный Теодоро совершил преступление и оскорбил магистратскую власть, подняв оружие и палки против светлейшего совета св. Георгия, который здесь представляет господин консул, избранный и утвержденный светлейшим советом с предоставлением ему права суда в отношении лиц, подвластных городу Солдаёе.

IV

(Запись в книге солдайской курии о вручении Теодоро Гуаско постановления консула)

31 августа 1474 г. Аргузий Даниели, он же Стефани, доложил, что он сего 31 дня лично передал в селении Тасили Теодоро постановление консула и объявил ему все, что содержится в нем.

V

(Письмо консула Кафы Антониото ди Кабела консулу Солдайи Христофоро ди Негро)

1 сентября 1474 г. Антониото ди Кабела, консул Кафы и проч., провизоры, масарии¹ и совет старейшин указанного города.

¹ Масариями назывались два высших советника курии, см. Устав, ЗООИД, стр. 653. Термин „провизор“ употреблен в тексте как синоним „масария“, в Уставе его нет, ср. ЗООИД, т. V, стр. 674.

Достопочтенный господин! Дорогой наш! Явился к нам благородный господин Андреоло с жалобой, говоря, что вы посылали аргузиев в деревни Скути и Тасили с приказом брату его, Теодоро ди Гуаско, исполнить под угрозой штрафа все предписанное ему вами. По этому делу он искал защиты у нас, указывая на свои соглашения с светлейшим советом св. Георгия, согласно которым, как он утверждает, он не подчинен суду солдайского консульства. Вследствие скопления неотложных дел мы не имеем возможности рассмотреть сейчас эти соглашения и изучить права ди Гуаско, поэтому приказываем вам и строго предписываем повременить и воздержаться от исполнения этого дела, а приказ ваш в отношении Теодоро, а равно и прочие ваши распоряжения против него, приостановить, пока нами не будут тщательно изучены права ди Гуаско и соглашения их со светлейшим советом св. Георгия.

По рассмотрении их мы уведомим вас о том, что вы должны будете делать, ибо так постановили мы единогласно в нашем совете.

VI

(Ответ консула Солдаи Христофоро ди Негро консулу Кафы Антониото ди Кабела)

2 сентября 1474 г. Светлейший и вельможный господин, достойные господа (провизоры и масарии), почтенные господа (старейшины)!

Вчера получили мы ваше письмо и узнали из него, что Андреоло ди Гуаско жаловался вам на то, что мы посылали аргузиев наших в селения Тасили и Скути и прочее, как подробнее указано в вашем письме. Мы же в Тасили никого не посылали, хотя и считаем, что имеем на то право, пока не увидим противоположного в законах. В Скути же, соблюдая выгоды и достоинство светлейшего совета св. Георгия, а также наше личное достоинство, мы, правда, посылали кавалерия и аргузиев наших для уничтожения виселиц и позорных столбов, воздвигнутых в том месте Андреоло ди Гуаско и его братьями, вопреки законам и статутам высокой общины Генуэзской и светлейшего совета св. Георгия. Теодоро ди Гуаско, имея при себе до сорока вооруженных оружием и палками человек, нагло и дерзновенно не допустил того кавалерия и аргузиев привести в исполнение наш приказ, хотя они, по нашему указанию, именем нашим, под угрозой штрафа в тысячу сонмов требовали этого. Но Теодоро все-таки не позволил им этого сделать. При этом он произнес в присутствии кавалерия и аргузиев следующие слова: „Если бы даже ваш консул явился лично, я бы и его не допустил бы произвести эту экзекуцию“. Этим он подвел себя под штраф в тысячу сонмов. Мы считаем себя обязанными законом, следовать которому мы стремимся во всем, присудить его к этому наказанию, тем более, что тот Теодоро, по очевиднейшему праву подчиненный нам и нашему суду, поднял оружие против светлейшего совета св. Георгия, а также потому, что я состою консулом того светлейшего совета в этом городе и подвластных тому городу местах, законно избранным и утвержденным в правах и обязанностях, подробно указанных в грамотах светлейшего совета, на наше имя составленных.

Но поскольку вы отдали нам приказ повременить с этим делом, пока вы не рассмотрите и не изучите особые права тех ди Гуаско, мы, уважая ваш приказ, откладываем это дело на десять дней, пока вы не рассмотрите их прав. Но просим вас, когда вы закончите рассмотрение их прав, прислать нам, если то будет угодно вам, копию тех грамот, дабы мы могли уразуметь, чем руководствоваться нам, ибо и наше стремление заключается в полнейшем уважении всех соглашений, договоров, грамот светлейшего совета св. Георгия, заключенных и дарованных им как тем Гуаско, так и любым другим. Кроме того, просим вас при рассмотрении

прав тех ди Гуаско не пренебрегать достоинством и выгодами светлейшего совета св. Георгия, а также и нашим достоинством. По нашему представлению вы усмотрите, что у тех ди Гуаско не достаёт благоприятных свидетельств. Не угодно ли будет вам при этом учесть все то, что ясно сказано в уставе о невмешательстве в отправлении правосудия¹. Я уверен, что вы поступите именно так, дабы устав был соблюден и правосудие заняло подобающее место, чтобы братья ди Гуаско, считающие по чрезмерному богатству своему, что над ними нет нигде власти, что они одни владыки, поняли бы, что над ними есть вышестоявшие лица, что господами над ними являются консулы.

Из Солдайи 11 сентября 1474 г.
Гандольфо².

VII

(Письмо консула Солдайи Христофоро ди Негро консулу Кафы Антониото ди Кабела)

Светлейшему и вельможному господину Антониото ди Кабела, консулу Кафы.

Светлейший, вельможный господин! Вчера было получено мною письмо от лица вашего, достойных господ масариев и господ старейшин, доставленное аргузием Калуты. С тем же аргузием я немедленно отправил вам свой ответ на него. С аргузием, направляемым с настоящим письмом, прошу вас убедительно прислать письменное подтверждение в получении нашего письма, отправленного с тем Калуты.

Кроме того, просим вас, если ди Гуаско представляют вам и указанным выше господам соглашения, которые они имеют, как они то утверждают, со светлейшим советом св. Георгия, прислать нам, если то будет вам угодно, копии с этих документов, дабы мы могли уразуметь, чем руководствоваться в отношении тех ди Гуаско, ибо мы вообще стремимся точно соблюдать все соглашения, договоры и обязательства светлейшего совета св. Георгия. Полагаем, что соглашение с ними могло быть, пожалуй, заключено только о селении Тасили, но отнюдь не о деревне Скути, о которой идет речь, и не в ущерб правам светлейшего совета. Знаем достоверно, что не имеют они никакого соглашения относительно деревни Скути и не могут владеть ею на основаниях, приводящих к ущербу интересов общины и направленных против обычая, установившегося со времени татар, когда та деревня была подведомственна суду нашего города и наши консулы творили там суд, как это явствует и из устава и из актов солдайской курии, в которой записаны различные судебные решения, касающиеся жителей той деревни, сделанные нашими предшественниками по должности. Эти документы ясно доказывают все это. Просим вас вместе с вышеназванными господами не допустить при разборе дела тех ди Гуаско оскорбления прав общины и светлейшего совета, и ущемления нашей судебной власти. Мы надеемся и убеждены, что вы обратите на эту сторону дела ваше должное внимание. Более ничего. Готов к исполнению ваших приказов. Будьте здоровы во Христе.

Из Солдайи 6 сентября 1474 г.
Христофоро ди Негро, консул Солдайи, с почтением.

¹ Устав, ЗООИД, т. V, стр. 748.

² Ди Портуфино, нотариус. Ср. док. XVIII.

VIII

(Ответ курии Кафы консулу Солдаи Христофоро ди Негро)

Антониото ди Кабела, консул Кафы и проч., провизоры и масарии того же города.

Достопочтенный господин! Дорогой наш! Мы писали уже вам в других наших письмах от имени своего и старейшин наших, чтобы вы не возобновляли дел относительно деревень Тасили и Скути, пока мы не дадим вам иных указаний.

Говорим об этом потому, что в письмах ваших, просмотренных нами, вы просите ³ присылке вам соглашений и иных грамот, имеющихся у ди Гуаско на эти деревни. В совете нашем мы рассматривали особые права и соглашения их, но не вынесли пока никакого решения по ним, поэтому ничего вам и не писали. Снова предлагаем вам, если вы цените наше расположение, не возобновлять дел о тех деревнях до получения наших указаний. Иные важнейшие заботы ¹ отвлекают нас так, что мы не можем заняться обсуждением дела ди Гуаско.

Написано в Кафе 9 сентября 1474.

Антонио².

IX

(Письмо консула Кафы Антониото ди Кабела к консулу Солдаи Христофоро ди Негро)

Достопочтенный господин! Дорогой наш! Узнали мы о вашем намерении привлечь жителей Карагая к некоторым повинностям и податям. Они же, упорствуя и настаивая на своей свободе от тех повинностей, искали защиты у нас. Постановили мы и приказываем вам повременить с этим делом до тех пор, пока к вам туда не прибудет достопочтенный господин Оберто ³, второй провизор и масарий наш, для выплаты жалованья. Ему поручили мы подробно изучить это дело и сообщить нам свое мнение, подлежат ли те люди требуемому вами обложению или нет. По его докладу мы вынесем наше постановление и решим дело по справедливости и праву. Пока же, если цените наше расположение, повремените с этим делом, согласно нашему желанию и высказанным соображениям нашим. Обо всем, что сделает Оберто, мы уведомим вас.

С божьей помощью начинаем мы новое строительство, просим вас прислать нам шесть хороших мастеров по каменному делу, которых сможете разыскать в вашем городе, не трогая работающих в замке Тасили⁴, так как мы понимаем, как нужны они там ввиду надвигающихся событий. Сделайте так, чтобы те мастера были у нас в понедельник утром.

Написано в Кафе 17 сентября 1474 г.

Антонио.

¹ Оборонные мероприятия против турок.

² Ди Базоло — нач. канцелярии консула Кафы. Ср. док. XVIII.

³ Скварчнафико.

⁴ Принадлежал Гуаско, но входил в систему общей обороны.

**(Письмо консула Солдайи Христофоро ди Негро консулу
Кафы Антониото ди Кабела)**

Светлейшему и вельможному господину Антониото ди Кабела, консулу Кафы и проч.

Светлейший, вельможный господин! Отвечаю на полученное вчера ваше письмо. Вы извещаете, что у вас искали защиты жители Карагая, жаловавшиеся на то, что мы принуждаем их к несению повинностей и податей, которые они не обязаны нести. По этому делу я уже вызывался к господину Батиста Джустиниани, прежнему консулу, который пытался в ущерб интересам высокой общины Генуэзской, закону вопреки, по дружбе и из уважения к ди Гуаско, поддерживать домогательства карагайцев. Но после опроса всех граждан и горожан¹ было установлено, что карагайцы безусловно обязаны платить подати и нести повинности высокой общине и светлейшему совету св. Георгия. Все те карагайцы, хотя они сеют и работают в Карагае и живут там часть года, имеют, кроме того, дома в Солдае, проживают другую часть года в Солдае и родом из Солдайи. Из этого следует, что они состоят в подданстве высокой общины, являются ее людьми, пользуются ее благами, а поэтому обязаны нести городскую караульную повинность и платить подати общине.

Узнали мы, что те люди сеют на земле ди Гуаско, являются их должниками, как это хорошо известно старикам и вообще всем здешним жителям. Помимо карагайцев есть и такие люди, происходящие из Солдайи и имеющие в ней свои дома, которые живут и работают в Ортолаге, Атае, Сартане и других деревнях и селениях Татари и платят там десятину, в нашем же городе, когда они пребывают в нем, несут караульную повинность и платят подушную подать. Этот порядок соблюдается спокойно и терпеливо как в Ортолаге, так и во всех окрестных деревнях. Карагайцы сопротивляются потому, что подстрекаются ди Гуаско, обратившими повинности и подати, следуемые светлейшему совету, незаметно и постепенно в свою пользу. Так скрыто ущемляются права и доходы светлейшего совета.

Дабы вы, светлейший господин консул, и коллега ваш, достопочтенный господин Оберто, разобрались в этом деле возможно яснее, мы устроили по этому случаю в камере господина Оберто однажды прения с участием Андреоло ди Гуаско и так разбили Андреоло, что он признал свою неправоту, согласился с нашими протестами, отказался поддерживать жалобу карагайцев и обещал послушаться нас в этом деле.

Поскольку вам дороги права общины и светлейшего совета св. Георгия, а также достоинство и честь наша во всем относящемся к нашей консульской должности, приказали мы собрать нам всех карагайцев, чтобы узнать, кто из них являлся к вам жаловаться. Никто из них не сказался жалобщиком; все они заявили, что охотно несли бы караульную повинность и платили бы подати, если бы не подстрекали их ди Гуаско. Те же, которые явились к вам, были, может быть, вовсе не из Карагая, а, верно, иные люди, явившиеся по повелению ди Гуаско, козней которых следовало бы опасаться.

Ничего не имею добавить к сказанному мною вашим господам официалам² о бесчинстве, допущенном с оружием в руках Теодоро ди Гуаско против должностных лиц светлейшего совета, о бесчинстве, которое повело его под штраф в тысячу сонмов, к которому мы намерены все же его присудить, ибо истекли те десять дней, в течение которых мы, из

¹ Т. е. граждан Генуи и прочих ее подданных, свободных жителей города. Устав, ЗООИД, т. V, стр 651 сл.

² Общее наименование должностных лиц.

уважения к вам и другим указанным господам, воздерживались от этого. Бремя этого незавершенного дела лежит только на наших плечах, но мы не желаем томиться под этой тяжестью. Поэтому просим вас не чинить нам препятствий в доведении дела до конца. Но, может быть, вы это бремя пожелаете переложить на себя вместе с ответственностью перед светлейшим советом св. Георгия. В таком случае, как принужденный, я воздержусь от осуждения Теодоро, приняв с должной осторожностью то, что будет вами написано. В противном случае поступим в этом деле так, как считаем должным.

Вы приказывали прислать вам восемь каменщиков. Если бы вы, ваша светлость, были бы здесь, вы бы ясно поняли, какой опасности подвергается большая баня вследствие износа фундамента, и оставили бы здесь каменщиков до тех пор, пока не будет восстановлен фундамент. Все мастера-каменщики нашего города заняты на этой работе, чтобы скорее восстановить фундамент во избежание несчастья, чего не дай бог. В настоящее время никоим образом нельзя послать вам кого-либо из каменщиков, которых мы силой оторвали от сбора винограда. По окончании же этой работы каменщики будут посланы в таком числе, в каком укажете. Есть еще каменщики в Тасили, которых вы приказали не трогать. Считайте несомненным, чем сильнее будет укреплен замок в Тасили, тем больше пользы будет для государства нашего, тем надежнее будет обеспечена его оборона от турок и других врагов, помышляющих о нашем разорении.

О, если бы ко благу государства этого никогда не случилось. А если что и будет учинено врагами, рушилось бы. Верьте мне, что хотел бы оказаться ложным предсказателем. От всей души готов исполнять ваши приказания. Будьте здоровы, пребывайте с богом.

Из Солдайи 20 сентября 1474 г.

Гандольфо.

XI

(Письмо консула Солдайи Христофоро/ди Негро консулу Кафы Антониото ди Кабела)

Светлейший и вельможный господин (консул), достопочтенные господа (провизоры и масарии), уважаемые господа (старейшины).

Во время пребывания здесь достопочтенного господина Оберто и двух благородных господ официалов казначейства предстали пред этим достопочтенным Оберто, нами и официалами два карагайца, проживающие здесь. Один из них — священник, свободный от каких-либо городских повинностей, приглашенный нами ради установления справедливости. Они жаловались в другом месте на то, что неправильно и несправедливо обременять их городской податью и повинностями сверх работ и платежей в пользу ди Гуаско. Они настаивали поэтому на освобождении их от городских повинностей и податей, ибо они платят тем ди Гуаско и несут разные повинности в пользу их, как повелось с давних пор. Но пусть будет вам известно, что этот порядок, ставший по давности привычным, установился и существовал во вред и ущерб общине, о чем я неоднократно доносил и давал пояснения вам, сановные господа. Этот вред и ущерб общине не может быть более терпимым, тем более, что против обложения карагайцев теми ди Гуаско в свою пользу нами в прошлом уже было вынесено судебное постановление. Оно было обжаловано теми ди Гуаско перед прежним консулом, господином Батиста Джустиниани. Но этот консул, несмотря на все свое к ди Гуаско великое благоволение, вынужден был, однако, оставить их жалобу без какого-либо решения по ней, ибо решить это дело в ущерб общине и законно обосновать это решение он

не смог. А поэтому, поскольку жалоба ди Гуаско осталась в этой инстанции без решения, наше судебное постановление должно считаться правильным и сохранившим силу, и мы будем следовать ему, и вы, господа, не можете препятствовать нам в этом, так как дело должно почитаться решенным окончательно¹.

Известно, что достопочтенный господин Оберто и господа официалы казначейства единодушно согласились со мной.

Ради пользы общины доношу вам, господа, еще о Жеронимо ди Дерниго. Он получает и получал жалование за то, чтобы пребывать в нашем городе и исполнять обязанности капитана аргузиев. В течение десяти месяцев он имел здесь постоянное пребывание. Но теперь по закону он должен лишиться жалования в силу точного смысла статьи Устава Солдаи, говорящей о том, что воины или наемники Солдаи не должны пребывать вне города более пяти дней²; он же, обращаю на это ваше внимание, постоянно теперь живет вне города и удалился из него без нашего позволения.

Написано в Солдае 13 октября 1474 г.

Гандольфс.

XII

(Письмо консула Солдаи Христофоро ди Негро консулу Кафы Антониото ди Кабела)

Светлейшему и вельможному господину Антониото ди Кабела, консулу Кафы, достопочтенным господам провизорам и уважаемому совету старейшин.

Светлейший и вельможный господин, достопочтенные господа, уважаемые господа!

О грубой выходке против общины и нас, допущенной Теодоро ди Гуаско с оружием в руках, мы уже писали в другом письме. За это бесчинство намерены мы наказать Теодоро штрафом, под который он подпал. Но вы, господа, приказали нам повременить, пока вы не рассмотрите бумаг Теодоро и братьев его. Из уважения к распоряжениям вашим мы выжидали до сих пор. Полагаем, однако, что вы уже рассматривали их соглашения и особые права, поэтому мы охотно узнали бы о высылке нам копий этих документов, чтобы, изучив их, мы тем успешнее могли бы судить его, что мы намерены сделать непременно, разве только ваша светлость прикажет не творить нам по этому делу суда над ним, о чем просим вас мотивированно нам написать. Иначе у светлейшего совета св. Георгия может сложиться представление, что правосудие задерживается нами и с нашей стороны, а не наоборот, вашими распоряжениями, сановные господа. Просим уведомить нас письменно о ваших решениях, чтобы мы могли понять, что надлежит делать дальше по этому делу. Более ничего. Готов к исполнению ваших распоряжений.

Из Солдаи, 13 октября 1474 г.

XIII

(Письмо консула Кафы Антониото ди Кабела консулу Солдаи Христофоро ди Негро)

Антониото ди Кабела, консул Кафы и прочее. Уважаемый господин! Дорогой наш! Получили мы на этих днях ваше письмо и узнали ваше

¹ Ди Негро пытается доказать, что непринятие в срок решения по апелляции равносильно отказу.

² Устав, ЗООИД, т. V, стр. 767.

мнение по делу о повинностях жителей деревни Карагая, принадлежащей Андреоло ди Гуаско и братьям его, владельцам той деревни. Изучили мы также и то, что было решено по этому делу во время консульства достопочтенного господина Батиста Джустиниани. И так как указанный господин Батиста на основании благоприятных сведений, собранных им от стариков и прежних консулов Солдайи, установил, что те люди свободны и изъятые от несения указанных повинностей, как это явствует из писем и записей, сделанных во время господина Батиста, предшественника нашего, желаем мы, чтобы то решение нашего консульского предшественника оставалось в силе и соблюдалось и чтобы вы оставили производство этого дела и не покушались на обременение тех людей какими-либо обязанностями.

Написано в Кафе 29 октября 1474 г.
Доменико¹.

XIV

(Письмо консула Кафы Антониото ди Кабела консулу Солдайи Христофоро ди Негро)

Антониото ди Кабела, консул Кафы и прочее. Оберто Скварциафико² и Франческо ди Фиско, провизоры и масарии. Совет старейшин.

Уважаемый господин! Дорогой наш! Из вашего письма, написанного в Солдае 14 октября и доставленного нам 20 октября, усмотрели мы, что вы требуете наших разъяснений и решения по делу, возбужденному вами против Андреоло и других братьев ди Гуаско. Немедленно по получении того письма приказали мы призвать к нам Андреоло и Теодоро и объявили им содержание его. В качестве возражения братьями было сделано указание на то, что деревни Тасили и Скути вам не подсудны, в подтверждение чего они предъявили соглашение и постановление, которые имеют от светлейшего совета св. Георгия. Сослались они также на правила, установленные для восемнадцати деревень³, которые мы тоже приказали зачитать в нашем присутствии. После зрелого обсуждения всего этого пришли мы, наконец, к решению, которое вы узнаете по записи нашего обнародованного постановления. Копия с него будет сделана для вас попечением ди Гуаско, чтобы стало вам известно, что произошло из разума нашего. По рассмотрении их соглашений и особых прав, представленных ими о тех деревнях, объявлено было нами, что вы не имеете никакой судебной власти в тех местах ни над крестьянами, ни над господами их, что право суда над ними остается за консулом Кафы, что мы и указали в нашем постановлении от сего числа.

Приказываем вам поэтому впредь не беспокоить ни тех братьев, ни их людей, а, наоборот, допустить тех господ к свободному, без всякого притеснения, пользованию владениями, как этого требует справедливость. А если с вашей стороны будет сделано какое-либо покушение на права тех ди Гуаско, если вы посчитаете что-либо из нашего постановления ничтожным, не имеющим силы, если вы поступите вопреки ему, если вы будете притеснять их, вы дадите нам основание привлечь вас к суду. Более ничего.

Писано в Кафе, 4 ноября 1474 г.
Антонио.

¹ Ди Альзаро—нотариус курии Кафы. Ср. док. XVIII.

² Ср. док. IX. Оберто стал первым масарием, т. к. приорат в совете принадлежал обоим масариям по очереди. См. Устав, ЗООИД, т. V, стр. 653.

³ См. осн. ч. кн., гл. III.

**(Письмо консула Солдайи Христофоро ди Негро
консулу Кафы Антониото ди Кабела)**

Светлейший и вельможный господин!

Получили мы вчера ваше письмо, написанное в Кафе 29 октября, и узнали из него все, что вы сказали и приказали относительно жителей Карагая, деревни тех ди Гуаско. Узнали и о постановлении прежнего консула Батиста Джустиниани об освобождении тех людей от городских повинностей и о всем остальном, подробно указанном в том письме. На основании всего этого вы строжайше приказали нам не привлекать впредь жителей Карагая к повинностям, ибо вы желаете оставить все в том порядке, как было определено господином Батиста, вашим консульским предшественником. Удивляет нас, однако, что Батиста, открытый соучастник тех ди Гуаско в делах правых и неправых, защитник их, не взирающий на выгоды светлейшего совета св. Георгия, не оставил по этому делу никакого письменного документа, как то следовало бы. Призывали мы солдайских синдиков¹ и спрашивали их, не имеется ли у них каких-либо сведений о каких-либо решениях Батиста по делу общины, которую мы защищали, ибо если таковое решение последовало в законной форме, противиться ему не полагается. Они же ответили, что никогда не получали никакого сведения о том. Мы же и не ищем ничего с тех людей как с жителей Карагая, мы ищем с них как с жителей Солдайи, проживающих в ней с давних пор и пользующихся ее благами. Они же, прикрываясь вымышленным предлогом, выдают себя за карагайцев, чтобы избежать городских податей и караульной повинности, чтобы нести повинности и платить подати только тем ди Гуаско. Так пытаются ди Гуаско оскорблять права общины, вопреки закону и справедливости.

Получив это сведение и выслушав показания многих городских стариков, привлекли мы тех людей к податям и караульной повинности, как это следует по праву и справедливости. Следовать же тому, о чем писал и чего требовал от нас господин Батиста, мы ни в коем случае не согласны, ибо он не требовал с нас вещей дозволенных и честных, в чем мы должны были бы покориться ему. Тех же городских жителей, которые вымышленно выдают себя за карагайцев, мы приказали немедленно обложить податями и привлечь к караульной повинности, ибо они, знайте истину, не являются карагайскими крестьянами, но есть горожане, пользующиеся благами нашей общины.

Приказали мы также немедленно записать свидетельские показания стариков, чтобы вы ясно поняли, что я действую законно, ради достоинства и выгод светлейшего совета св. Георгия, а не руководствуюсь каким-либо иным побуждением. Поэтому просим вас соблаговолить зрело обсудить все это, ибо мы считаем достоверным, что вы дорожите выгодами и печетесь о чести светлейшего совета не менее нашего. Рассмотрев показания стариков и познав истинное положение вещей, вы, без сомнения, разделите наш взгляд и поймете, что я действовал и действую справедливо. Готов к исполнению ваших приказов. Будьте здоровы.

Из Солдайи, 12 ноября 1474 г.

Гандольфо.

¹ Судьи и контролеры.

(Нотариальная копия протокола опроса свидетелей)

По приказу достопочтенного господина Христофоро ди Negro, достойного консула Солдайи, мною, нижеподписавшимся нотариусом, были приняты в солдайской курии свидетели, пожелавшие дать показания относительно лиц, подлежащих поименному перечислению ниже, которых ди Гуаско пытаются обратить в своих людей, в то время как они в действительности являются людьми общины Генуэзской, и заверить, что эти люди имеют свои дома в Солдае, живут в Солдае по пятнадцати лет и более, имея при себе свое имущество и свои семейства, пользуясь и наслаждаясь всеми благами общины наравне с прочими жителями и обитателями Солдайи, как те пользуются и наслаждаются ими, вследствие чего и обязаны по закону нести караульную повинность и платить подати наравне с прочими жителями Солдайи, как те несут и платят их. Более или менее так показали свидетели и прочее¹. Не отказываясь и прочее¹. Имена же лиц, подлежащих поименному перечислению, следующие: Олмат, сын Дерниго, Джа(ко)бо из Карагая, Теодоро Каланота, Косма, сын Корпоаны, Георгий Караха, Константин Арабажи, Сотира, аргузий, Кахос Дзамгли, Костанда Арабажи, Олобея сын, священник Сакуна, Фока Орокопос Эгиха, Христодул Караха, Теодорих Ельзана, Константин, сын Павзания.

1474 г. 17 ноября, перед судейским столом: Анастасий, сын Иоакима, сотник греков, Ионаша, сын Клемента, Георгий Самоха, Ордаха, священник из гавани, Сарيوخи, мастеровой из гавани, Саваха, сын Котия, Ованес, ремесленник армянский, Дорозоди из Манисы, Никола, сын Иорика, Солтанха из Апохи, Даниил из Амира, Константин, сын Коя, Калоян, сын Кояра.

Все поименованные выше старики-греки², принятые по приказу достопочтенного господина консула мною, нижеподписавшимся нотариусом, как свидетели по указанному выше делу, после предупреждения, присяги, опроса по титулу, после прочтения и перевода³ того титула, после прочтения всем и каждому из них имен и прозвищ, написанных выше Олмата сына Дерниго и товарищей, все те свидетели, тщательно испытанные как вместе, так и по одному, поклялись богом, касаясь руками иконы коронования девы Марии⁴, сказали, свидетельствуя, что верно все то, что указано в том титуле. Спрошенные о причине осведомленности, ответили как порознь, так и все вместе, что знают все ими засвидетельствованное доподлинно, ибо все те свидетели и каждый из них родились в этом городе и всегда жили и живут в нем, что они видели всех указанных выше, Олмата и товарищей, живущими в этом городе со своими семействами, начиная от указанного в титуле времени, а некоторых и более того, что они видели и видят до сегодняшнего дня, что те имели дома свои в этом городе и пользуются и наслаждаются благами общины этого города и что поэтому поименованные выше Олмат и товарищи обязаны по закону нести караульную повинность и платить подати этому городу наравне с прочими жителями и обитателями Солдайи, как те несут и платят.

Опрошенные по общим вопросам, они дали во всем верные ответы и сказали, что не имеют пристрастия ни к одной из сторон.

1474 г. 11 декабря.

¹ В формулах концовок писались только начальные слова.

² Т. е. греческого вероисповедания.

³ Перевод с латыни назывался „вулгаризацией“.

⁴ Праздник коронования девы Марии установлен папами. Православие его не знает, хотя и допускает эпитет: царица небесная. Присяга греков на иконе католического письма может говорить о проникновении униатского влияния.

¶ По приказу достопочтенного господина Христофоро ди Negro, консула Солдайи для его нужд и потребностей извлечено мною, нижеподписавшимся нотариусом, из актов Солдайской курии.

XVI

(Нотариальная копия протокола опроса свидетелей)

По приказу господина Христофоро ди Negro, достойного консула города Солдайи, мною, нижеподписавшимся нотариусом, были приняты в Солдайской курии свидетели, пожелавшие удостоверить своими показаниями, вкратце и в основном, что в Карагае, деревне ди Гуаско, в настоящее время находятся только пять домов, из которых в трех устроены стойла для волов и в них загоняются волы, а два других являются настоящими домами для приюта людей, в которых останавливаются и живут люди, когда приходят туда для сенокоса и посева, что те пять домов построены там недавно, не более года тому назад, как про то место было сказано теми, которые пребывали там и приходили туда для указанных выше целей.

Более или менее так показали свидетели и прочее, не отказываясь и прочее.

— 1474 года 8 декабря, в суде.

Лучиано, каштелян казначейства, принятый свидетелем по приказу достопочтенного господина консула для нужд того господина консула, после предупреждения, приведения к присяге, испытания по вышенаписанному титулу, прочтения ему того титула, свидетельствуя, клятвенно показал: в недавнее время он ходил вместе с господином консулом и другими горожанами из латинян¹ в ту деревню Карагай и видел там только пять построенных домов, из которых три он видел пустыми, без каких-либо жильцов, а два других занимали две женщины, имевшие при себе немного утвари, несколько овец и очень немного муки. Это все, что он знает по титулу. Спрошенный о причинах осведомленности, он сослался на то, что выше говорил и свидетельствовал. На общие вопросы отвечал верно, к сторонам не пристрастен, отроду имеет более 50 лет, состояние его оценивается в 300 сонмов.

— В тот же день, в том же месте и часу.

Батиста ди Габиано, принятый свидетелем по приказу достопочтенного господина консула, после предупреждения, приведения к присяге, опроса по титулу, прочтения ему титула, свидетельствуя клятвенно, показал: по титулу он знает только то, что видел в той деревне Карагай, когда туда ходил вместе с достопочтенным господином консулом, каштеляном казначейства Лучиано, Христофоро Джустиниани, Варнавой ди Симусо и другими, всего пять домов, из которых три являются помещением для содержания волов и скотины, а в двух живут две женщины, имеющие при себе немного утвари и несколько овец; при чем одна из женщин сказала, что те дома построены там не более года тому назад; это все, что он знает по титулу.

Спрошенный о причине своей осведомленности сослался на то, что говорил и свидетельствовал выше. На общие вопросы отвечал верно, отроду ему около 63-х лет, владеет состоянием в 300 с лишним сонмов. К сторонам не пристрастен.

— В тот же день, в том же месте и часу.

Христофоро Джустиниани, принятый свидетелем по приказу достопочтенного господина консула, после предупреждения, приведения к при-

¹ Т. е. католиков,

сяге, опроса по титулу, прочтения ему того титула, свидетельствуя, клятвенно показал: он ходил вместе с господином консулом, каштеляном казначейства Лучиано, Батиста ди Габриано и многими другими людьми, из латинян и греков, в ту деревню Карагай и видел там только пять домов, три из которых построены недавно для скотины, а два других заселены двумя женщинами, имеющими при себе немного утвари и немного овец; все эти пять домов построены недавно, а когда точно, он не знает; в том же месте он видел еще какое-то древнее разрушенное строение, про которое он полагает, что это была когда-то церковь; это все, что он знает по титулу.

Спрошенный о причине своей осведомленности, он сослался на то, что говорил и свидетельствовал выше. На общие вопросы отвечал верно, к позвавшему его в суд не пристрастен. Отроду ему свыше 60-ти лет, имущества имеет на 200 с лишним сонмов.

+ 23 декабря в суде.

Косма, сын Корпаны, и Константин Арабажи, греческого закона земледельцы, принятые свидетелями по приказу достопочтенного господина консула, клятвенно засвидетельствовали как порознь, так и вместе следующее: пять домов, которые построены в Карагае, в деревне тех ди Гуаско, стоят не более года; три из них назначены для содержания скота, а два для жилья людей, в которых и теснятся карагайцы, когда приходят туда для работ и посева.

Спрошенные о причине осведомленности, они ответили, что сами они из тех людей, которые там сеют и работают, и что указанные два дома заняты ими, Космой и Константином, что они живут в них, когда ходят туда работать, даже зимой, когда есть работа, но что сами они уже свыше сорока лет являются жителями Солдайи, имеют свои дома в Солдае, в Карагай же приходят, чтобы там работать. Это все, что они знают по заданным вопросам и по титулу. На общие вопросы отвечали во всем верно, к позвавшему их в суд не пристрастны, отроду им: одному—50, другому—60 лет; Константин имеет имущества на сумму свыше 20 тысяч аспров, а Косма—свыше 10 тысяч; считаются они людьми ди Гуаско.

+ 1475 года 4 января.

Извлечено из актов курии Солдайи, нижеподписавшимся нотариусом и писцом той курии по приказу достопочтенного господина консула для его, господина консула, потребности.

XVIII

(Надпись нотариуса на копиях)

+ 1475 года 10 января.

Копия или список с приказа достопочтенного господина Христофоро ди Негро, достойного консула города Солдайи, данного на имя Микаеле ди Сазели и семи аргузиев, в том приказе поименованных, с донесением их.

Копия другого приказа, врученного Теодоро ди Гуаско, с донесением гонца.

Копия писем светлейшего господина Антониото ди Кабела, консула Кафы и его официалов, присланных достопочтенному господину Христофоро ди Негро, консулу.

Копия писем господина Христофоро ди Негро, пересланных светлейшему господину консулу Кафы и его официалам.

Копия свидетельских показаний, собранных в курии Солдайи для потребности достопочтенного господина Христофоро, консула. Все это мы поручили переписать и скопировать ради потребности достопочтенного

господина Христофоро, консула, с оригиналов писем светлейшего господина консула и его официалов, подписанных рукой Антонио ди Базоло, канцелярия города Кафы, и господина Доминико ди Альзарио-писца и т. д., а также с оригиналов актов, составленных в курии Солдайи мною, нижеподписавшимся нотариусом. Все это мы сличили тщательно с указанными оригиналами и согласовали с ними, а, сверх того, в удостоверение точности скрепили собственноручной подписью.

Гандольфо ди Портуфино, нотариус
и писец курии Солдайи, собственноручно и прочее.

XIX

(Письмо консула Солдайи Христофоро ди Негро протекторам банка св. Георгия)

Во имя Христа. 1474 г., октября 21 дня, в Солдае.

Светлейшему и превосходительному совету святого Георгия высокой общины Генуи.

Светлейшие господа! В прошлом я не писал вам о здешних трудностях в надежде на то, что консулы, масарии и официалы Кафы проявят достаточную заботу об ограждении нашего достоинства и чести, а также власти нашей, светлейшие господа. Но, наконец, я понял, что трудно ити против них, и решил настоящим письмом в кратких, по возможности, словах поставить вас в известность о некоторых пунктах спора с сыновьями известного Антонио ди Гуаско, которые правдой и неправдой, всеми способами и путями ежедневно узурпируют власть и покушаются на выгоды ваши, светлейшие господа, в этой стране, имея к тому покровителей в лице должностных лиц Кафы, прельщенных большими денежными одолжениями и другими дарами, которые ди Гуаско постоянно делают в Кафе и дают в такой мере, что вертят по-своему правосудием и должностными лицами, которые, считая себя их друзьями и слугами, уступают их желаниям. Благодаря дарам, розданным недавно приверженцами Грегоро де Пино, тестя его¹, в такой мере, что оказалась подкупленной почти вся курия Кафы, консулы Солдайи были лишены ее постановлением права творить суд против тех ди Гуаско, хотя они подчинены их судебной власти. Во всей Кафе не находится никого, кто пожелал бы им возражать, все подкуплены. Зная, что консулы Солдайи ежечасно могут быть осведомлены о злодеяниях в деревнях Тасили и Скути, ди Гуаско стремятся утверждать, что имеют от вас, светлейшие господа, особую грамоту о том, что они не подчинены суду и власти консула Солдайи, но подвластны только консулу Кафы, который находится слишком далеко, чтобы видеть ежедневно дела их. Купив себе подарками безнаказанность, они по своему произволу обращаются с бедняками, творят над ними беззакония.

Какой проистекает отсюда вред и унижение для светлейшего совета, вы, светлейшие господа, сами можете хорошо понять, ибо вы ничего иного не желаете и ни о чем ином не помышляете, как о том, чтобы пасомые вами овцы, ваши подданные, имели бы справедливое управление и не терпели бы притеснений. Поэтому я обращаюсь к вам, светлейшие господа, с просьбой вынести по этим делам соответствующее постановление, так как в противном случае возникнут такие осложнения, известия о которых сильно огорчат вас. Если же вы примете под каким-либо удобным предлогом необходимые меры, вы заслужите хвалу ваших подданных.

¹ Антонио ди Гуаско.

Ради чести и выгод вашего светлейшего совета я выдвинул несколько обвинений против господина Батиста Джустиниани при окончании срока его консульства по делам, относящимся к компетенции нашей должности, как это явствует из их содержания. Я мог бы обвинить того господина Батиста еще во многих других злодеяниях, но, принимая во внимание, что они не касаются дел, подведомственных нашей должности, я не счел нужным вмешиваться в это. А благодаря богатству того Грегоро и ди Гуаско, державших сторону господина Батиста и Николо ди Турилья, в Кафе оказались подкупленными все синдики¹, которые скрыли все злодеяния господина Батиста и оставили их без наказания. Больше всего заботились они о том, чтобы не выдвигалось обвинений, и это те, которые были наделены в силу их избрания большими полномочиями, как это явствует из Устава Кафы, дабы они прилежно разузнавали о всех злодеяниях, всеми путями, какие только изберут². Чтобы показать правоту господина Батиста, они не только не пожелали осудить его, но даже не захотели расследовать его злодеяния, хотя они бросались в глаза. Охотно же они осудили тех, кто выдвинул против того Батиста обвинения ради пользы общественной.

Они представили дела в таком виде, чтобы тот Батиста получил доверие ваше, светлейшие господа, и генуэзских граждан по делам Грегоро ди Пино и ди Гуаско и армянского епископа³. Я прошу, я умоляю вас, светлейшие господа, отложить разбор этих жалоб до моего возвращения, которое, бог даст, будет вскоре, когда окончу срок своего консульства, что будет в марте, ибо я намерен доказать вам справедливость всего того, что указано в тех жалобах, и сделать добавления к ним.

Более ничего на этот раз.

Всегда готов для всех ваших поручений. Будьте здоровы, пребывайте с богом.

Ниже я указываю для сведения вашего, светлейшие господа, некоторые необходимые пункты⁴, которые я, когда возвращусь, поясню вам по порядку и по частям, как должно. Посылаю с настоящим письмом копию заключения, сделанного светлейшим господином консулом Кафы, для ознакомления с его содержанием.

Ваш Христофоро ди Негро,
консул Солдайи,
с почтением.

XX

(Список обвинений против братьев ди Гуаско)

Ниже описаны злодеяния сыновей Антонио ди Гуаско, совершенные в подвластной Солдае области.

В Солдае находятся двенадцать домов, в которых проживают двенадцать семейств, вышедшие из лежащей поблизости деревушки Карагай, в настоящее время не имеющей жителей. Ди Гуаско утверждают, что та деревня их, другие же говорят, что она принадлежит солдайской общине. В силу влияния и богатства Антонио ди Гуаско те жители не платили солдайской общине положенных податей и не несли установленных.

¹ Консульские синдики, см. Устав, ЗООИД, т. V, стр. 679 сл.

² Устав поощрял доносы и допускал пытку. См. ЗООИД, т. V, стр. 681 сл.

³ Имеется в виду борьба двух претендентов на кафедру: Тер Карапета, которого поддерживал Батиста Джустиниани, и Тер Ованеса Пангиягера.

⁴ См. док. XX.

повинностей. Как велико и как значительно было здесь богатство того Антонио, может быть засвидетельствовано вам, светлейшие господа, моими предшественниками по должности. Недавно те ди Гуаско, узнав, что я наложил на тех жителей, проживающих в нашем городе, некоторое бремя повинностей, пожаловались на это и продолжают жаловаться и спорить здесь и в Кафе, утверждая наперекор мне, что я не имею права облагать тех жителей. Это очень оскорбительно для прочих жителей города. Считаю, что справедливость требует, чтобы я относился к тем жителям наравне с прочими живущими здесь, и что честь и выгоды светлейшего совета вашего не позволяют, чтобы власть в этом городе принадлежала кому-либо помимо лиц, избранных вами, светлейшие господа, я приказывал до сих пор и буду приказывать впредь, до конца моего консульства, обращаться с теми жителями на общих основаниях с другими. Ведь подобным же образом, благодаря влиятельности того Антонио, освобожденными от повинностей оказалось еще более пятидесяти других дворов. Возможно, мне запретят это делать правители Кафы, прикрываясь которыми не перестают ди Гуаско. Их прихлебатели подвергают меня сильнейшим преследованиям за то, что я не желаю молчать, как молчали другие.

Скажу о подкупах. В Кафе они установили порядок отличать солдайских стипендиариев¹ и аргузиев в зависимости от их услужливости себе и послушания им и делают это в такой форме, что страдает авторитет консулов.

Подкупам и большими подарками, сделанными в Кафе некоторым лицам, соглашающимся быть заодно с главарами, Андреоло ди Гуаско и Николо ди Турилья, они установили способ отменять в Кафе, во вред светлейшему совету и в унижение его официалов, приговоры, вынесенные в Солдайе.

Подкупам лиц, не брезгующих средствами в добывании денег, они стараются унижить солдайских консулов, которые не следуют их злой воле.

Чтобы дать понять жителям Солдаи, что они могут добиться в Кафе всего, чего бы ни пожелали, они, не имея уважения к чести светлейшего совета и консулов, посылаемых в Солдайю, устроили так, что меня три раза вызывали в суд господ синдигов², где я должен был тягаться с ними, давать устные и письменные объяснения по делу о том, что по моему приказанию был наказан несколькими ударами кнута один из их рабов, который сперва ударил палкой служителя нашей курии, не пускавшего его ко мне, а затем обезобразил бороду и порвал платье и рубашку нашему кавалерию, который хотел по нашему приказу отвести его в тюрьму, чему тот противился. Они требовали моего осуждения по этому делу. Посредством подкупов и раздачи взятки они достигли того, что синдики проявили свою готовность к этому. Я расскажу весь ход этого дела, когда, даст бог, буду у вас.

Отец их, заботясь о приращении к своему богатству, захватил обширные участки земли вокруг Солдаи, так что жители Солдаи лишились возможности сеять хлеб, косить сено, заготавливать дрова. Солдайцы, вынужденные делать это не иначе, как на захваченной ди Гуаско земле, сделались зависимыми от них, по их воле ходят к ним на работы. Ди Гуаско заставляют тех людей платить им сверх норм, установленных обычаями татар, нанося величайший вред и убыток жителям Солдаи. Часть этих земель, как говорят, принадлежит Солдайе.

По имению и замку Тасили они объявили свою независимость от власти консулов Солдаи. Всего менее они желают слушаться меня. Все это происходит потому, что консулы Солдаи могут иметь ежедневно сведения о всех их злодеяниях в этом месте. Такой же порядок намерены они установить и для деревни Скути, недавно полученной от татар. Обе

¹ Наемные солдаты.

² Генеральные синдики. Устав, ЗООИД, т. V, стр. 656.

эти деревни входят в число восемнадцати деревень, подвластных суду солдайского консульства, и штрафы, взыскиваемые там, поступают в пользу (солдайской) общины. Если вы, светлейшие господа, не примете надлежащих постановлений, постепенно все указанные выше деревни отойдут к ним и судебная власть солдайского консульства будет распространяться только на половину населения.

В деревне Скути они самолично творят суд. Судебные их решения имеют следующее начало: „Достопочтенный господин Андреоло ди Гуаско, заседая в трибунале и прочее...“, заканчиваются же указанием, что штрафы за неисполнение их решений обращаются на содержание замка Тасили, что является величайшим унижением и ущербом для светлейшего совета. Они установили четыре новых вида налогов, необычных, приносящих величайший ущерб подданным вашей светлости, противоречащих Уставу Кафы.

Не удовлетворившись указанным, зло умножая злом, они установили виселицы в деревне Скути и позорные столбы в Тасили от имени своего в величайшее оскорбление консульства Солдаий.

Они привыкли, что консулы и должностные лица Кафы, раболепствующие перед ними из-за даров, не пресекают немедленно их злодеяний, о которых я, консул Христофоро, делал письменные и устные доклады, а постоянно их оправдывают и дают незаконные поблажки им, как это будет в свое время и в надлежащем месте показано вам после моего возвращения.

Рассчитывая на безнаказанность, они недавно обошлись непозволительным образом с моим кавалерием и аргузиями и воспрепятствовали с помощью вооруженных людей сломать виселицы и позорные столбы, причем Теодоро осмелился сказать, что он не дал бы их сломать, даже если бы сам консул явился лично.

Не довольствуясь вышеописанным, видя, что их постоянно поддерживают в Кафе официалы, о чем я уже говорил, они недавно осмелились приказать сжечь несколько овчарен владельца Лусты¹, чем причинили тому большой вред и унизили господ из Готии², о чем те слезно жаловались в Кафе, а также господину Оберто Скварчафико и официалам казначейства при недавнем проезде их из Чембало, требуя удовлетворения и надлежащих мер для пресечения на будущее время подобных бесчинств, указывая, что в противном случае они сами позаботятся о защите своей от убытков и поругания чести. Это дает повод опасаться возникновения неурядиц, что может вовлечь нас в войну с господами из Готии.

Надо постановить, чтобы замок Тасили охранялся некоторым числом стипендиариев-латинян и не оставлялся бы без стражи, как делают ди Гуаско. Предполагая, что им никто не угрожает, они держат в том замке лишь рабов, которые днем уходят на работы. Из-за этого возникает большая опасность захвата этого укрепленного замка турками или господами из Готии, чего не дай бог, ибо это привело бы к разорению здешних мест.

Тот же Христофоро
с почтением.

XXI

(Письмо консула Солдаий Христофоро ди Негро протекторам банка св. Георгия)

Ноября³ 17 дня. Путем подкупов получили ди Гуаско возможность

¹ Алушта.

² Князя Феодоро. Осн. ч. кн., гл. IV.

³ В оригинале непонятное слово „superius“, что считаем опиской. Упущено и указание года—полагаем 1474 г.

добиться постановления светлейшего господина консула, господ масариев и старейшин Кафы о том, что консулы Солдайи не должны препятствовать им в их делах по деревням Скути и Тасили. Сегодня я получил предписание прекратить всякое вмешательство в дела тех деревень. а также прекратить дело о бесчинстве, совершенном ими против нашего кавалерия и аргузиев, о чем сказано было выше.

Это постановление было мотивировано наличием у ди Гуаско особых соглашений о Тасили с светлейшим советом вашим, или с вашими предшественниками, а о Скути с властями Кафы. При этом было указано, что эти соглашения были достаточно тщательно изучены светлейшим господином консулом Кафы, масариями и старейшинами и что они желают во всем следовать им. Мне же они не захотели прислать копий тех соглашений. Со своей стороны я указал им на известную статью устава о запрете вмешательств в отправление правосудия¹. Кроме того, я поставил их в известность о том, что в указанных восемнадцати деревнях предшественники наши всегда творили суд, как это повелось со времен татар, как и вы можете это установить опросом тех, которые были консулами здесь в Солдае и в настоящее время находятся в Генуе. Я мог бы переслать вам в подтверждение этого много тяжёбных дел, которые возбуждали жители тех деревень один против другого, например, о границах виноградников, имеющих в тех местах. Но я не посылаю этих материалов, считая это лишним; учитывая же достоверные сведения, которые вы сможете собрать у себя на месте, а также учитывая то, что вы располагаете Уставом Солдайи, в котором имеется статья, говорящая о том, что если понадобится вызвать в суд кого-нибудь из тех деревень, то не должно требовать от них более одной явки. Эта статья² ясно говорит о том, что указанные деревни подчинены судебной власти Солдайи. Известно, что недавно ди Гуаско добился от хана, который был в Кафе, грамоты на деревню Скути, говорящей о том, что они должны пользоваться в ней всей полнотой власти, вплоть до наказания мечом, т. е. той же властью, какую имел сам хан, хотя он никогда не вмешивался в отправление суда над людьми тех деревень. Ясно, что консулы Солдайи (могут лишиться) власти и в других деревнях, хотя жители их считают себя такими же подданными общины, как и жители Солдайи, обязанными к повиновению приказам консулов. Посылаю вам копию письма, написанного нам светлейшим господином консулом Кафы и прочими официальными, а равно и копии ответов наших по этому делу. Также посылаю копию письма, присланного нам светлейшим господином Антониото ди Кабела, консулом, по делу тех людей, которые считаются карагайцами, а равно и копию ответа нашего, дабы вы могли лучше все понять, проверить и распорядиться. Не посылаю вам писем господина Батиста Джустиниани, прежнего консула, говорящие в противоположность письму светлейшего господина Антониото, консула, больше о частностях, а кроме того и потому, что вы сможете увидеть все это, когда я вернусь к вам, и понять многое другое из того, что я сейчас опускаю, боясь слишком надоест вам, светлейшие господа. Я надеюсь, что вы, узнав о том, сколько вреда причинили они мне в нарушение закона и благопристойности за то, что я не захотел подчиниться им и способствовать делам, совершенно недозволенным и направленным против достоинства и выгод светлейшего совета вашего, получив о том ясное и полное представление, примете по всем этим делам нужные решения. О всем зле, причиненном мне их развращённостью, неуважением к долгу и справедливости, я расскажу вам, когда, даст бог, прибуду к вам.

Посылаю еще с настоящим свидетельские показания о тех людях, которые считаются принадлежащими к деревне Карагай, но живут в Сол-

¹ Устав, ЗООИД, т. V, стр. 748.

² Там же, стр. 780.

даже, которые пользовались вместе с ди Гуаско¹ благами этого города и щедротами светлейшего совета. Жители того места столь уstraшены и запуганы, что не дерзают говорить, а тем более являться с жалобами в Кафу. Их положение может стать еще более тяжелым, если по этому поводу вами, светлейшие господа, не будет дано распоряжений.

Недавно, дней пятнадцать тому назад, в Кафу являлись к светлейшему господину консулу жители деревни Скути с жалобой на обременения и злодеяния, совершаемые против этих бедняков теми ди Гуаско. Какое решение светлейшего господина консула последовало по той жалобе, мне неизвестно.

XXII

(Жалоба Христофоро ди Негро на Андреоло ди Гуаско консулу Кафы Антониото ди Кабела при вступлении последнего в должность)

Известно всем, сколь велико было во время консульства Батиста Джустиниани благорасположение консула к Андреоло ди Гуаско, благодаря богатству его. Консул был не только его другом, но и заинтересованным сообщником его. Неудивительно, что многие, под давлением господина Батиста, не дерзали открыть рта. Сила того Андреоло, покоившаяся на купленном покровительстве высоких защитников и приверженцев, была такова, что когда достопочтенный господин Христофоро ди Негро, консул Солдайи, захотел по должности своей и ради прославления и укрепления положения и господства светлейшего совета святого Георгия выдвинуть обвинения против того Андреоло, он не мог найти ни одного адвоката, который согласился бы лишь сформулировать и продиктовать жалобу². Однако время того господина Батиста, когда никто не дерзал, боясь пристрастных покровителей, сказать что-либо против того Андреоло, и указать на недовольные дела его, истекло. Поэтому указанный выше господин Христофоро является перед вашим лицом, светлейший и вельможный господин, Антониото ди Кабела, консул Кафы, указывает на того Андреоло и обвиняет его, как узурпатора власти светлейшего совета святого Георгия, в том, что он, Андреоло, по своей хитрости и коварству, надеясь на купленное покровительство, возомнил объявить себя властителем в местах, подвластных светлейшему совету, сделав это не только на словах, но и в письменной форме. Это явствует из его, Андреоло, судебных решений, писанных рукою Гандольфо ди Портуфино, нотариуса и писца солдайской курии, восьмого декабря истекшего года, вынесенных им, Андреоло, по двум тяжбам: по тяжбе между священником Котулбея, с одной стороны, и Катонем греком и Анастасием сыном Полихи³, с другой стороны, и по другой тяжбе между Константином Ицерафино, состоящим как бы в супружестве⁴ с Василихой, женой своей, с одной стороны, и Параскевой из Катокастро, с другой стороны, которые он, Андреоло, разбирал судебным порядком.

Во вступительной части этих решений, как вы сможете сами в том убедиться, сказано следующее: „Достопочтенный господин Андреоло ди Гуаско, первородный сын господина Антониото ди Гуаско, владеющий совместно с братьями своими Теодоро и Деметрио селениями Тасили и

¹ Гуаско, видимо, имели дома в Солдае, фамилия их встречается в более ранних записях Солдайи.

² По Уставу большей услуги адвокат и не мог оказать. См. Устав, ЗООИД, т. V, стр. 752.

³ Pollicha, Vasilicha—видимо, русские женщины.

⁴ То есть в сожительстве.

Скути, заседаая в трибунале у врат церкви святой Анастасии в Скути и т. д.¹.

Сказано так, как если бы он имел доверенность и полномочия от светлейшего совета святого Георгия на управление и на производство суда. По одному из этих решений он назначил штраф в две тысячи аспров с виновной стороны в пользу замка Тасили. А что еще хуже, он воздвигнул в селении Скути виселицы для вящего доказательства, что он властитель и имеет свою особую власть над теми селениями. Равным образом установил он особый сбор, который повелел собирать с проходящих жителей Солдайи и иных людей, идущих в селения Карагай, Скути и другие места, которые считаются принадлежащими ему, Андреоло, и братьям его, что не соответствовало и не соответствует воле светлейшего совета св. Георгия и Уставу Кафы, особенно его статье о запрещении захвата земель¹, и другим статьям. Властителем же он объявил себя без всякого полномочия светлейшего совета и против положения светлейшего совета, включенного в устав, имеющийся в нашей курии. Этими поступками, а также другими, о которых можно было сказать и будет в свое время и в своем месте сказано, он пытался возвеличить себя, чтобы впоследствии узурпировать власть в самой Солдайе. Его злодеяние заключается в том, что он проявил наглость, пользуясь поддержкой, которая была оказана ему во время консульства господина Батиста. Как и с какого времени произошло его превозношение, известно всем. То, что Андреоло и братья его получают хозяйственный доход с указанных деревень, еще не является основанием к тому, чтобы им было дозволено творить там суд, ибо все восемнадцать деревень подвластны суду Кафы и Солдайи, как это явствует из Устава Солдайи. Светлейший совет уполномочивает своих консулов творить в тех местах суд и не терпит, чтобы были иные господа, которые вводили бы налоги или творили суд. На это указывает упомянутая уже статья устава: „О запрете захвата земель“.

Поскольку же господин Христофоро не имеет того Андреоло под своей властью в Солдайе, чтобы судить его, и поскольку тот Андреоло находится в Кафе под вашей властью и подлежит вашему суду, светлейший господин консул, то господин Христофоро указывает вам на того Андреоло и доносит на него вам, консулу Кафы и консулу-наместнику светлейшего совета св. Георгия по всему Черному морю и Хазари, которому надлежит принимать меры против преступлений подобного рода, которые совершены и могут совершаться и множиться к оскорблению светлейшего совета, обвиняет его в том, что он узурпировал или пытается узурпировать судебную власть светлейшего совета, за что вы должны того Андреоло осудить и наказать по закону и согласно уставу, тем более, что составом его преступления является оскорбление верховной власти, и по этому составу преступления за оскорбление верховной власти вы и должны его осудить.

Доношу вам, светлейшему господину консулу, все это для того, чтобы вы произвели должное расследование и не могли бы никогда, ни в какое время, сослаться на свою неосведомленность.

Настоящая записка была доложена 23 августа текущего года светлейшему господину Антониото ди Кабела, консулу Кафы, по всем указанным в ней статьям.

¹ Устав, ЗООИД, т. V, стр. 742.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

(По главам)

В в е д е н и е

1. Нарушевич Адам, Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен, Киев, 1788.
2. Сестренцевич-Богущ Станислав, История царства Херсонеса Таврического, т. I и II, СПб, 1806.
3. Павел Левашев, Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков, СПб, 1792.
4. П. И. Кеппен, Крымский сборник — О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических, СПб, 1837.
5. Ф. Брун, Черноморье, Сборник исследований по истории торговли Южной России, т. II, Одесса, 1880.
6. Frédéric Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase... et en Crimée, v. V, Paris, 1843.
7. Elie de la Primaudale, Études sur le commerce du moyen âge, Paris, 1848.
8. M. Canale, Della Crimea, del suo commercio..., Genova, 1855.
9. W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen âge, v. v. I — II, Leipzig, 1886.
10. G. Brătianu, Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII siècle, Paris, 1929.
11. Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., Исторические записки, № 7, 1940.
12. М. К. Старокадомская, Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII—первой половины XV в. (автореферат кандидатской диссертации), М., 1950.
13. И. А. Гольдшмидт, Кафа—генуэзская колония в Крыму в конце XIII—первой половине XV в., М., 1952.
14. А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.), Материалы и исследования по археологии СССР, № 17, М.—Л., 1950.
15. Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные к греческому синаксарю, Записки Одесского общества истории и древностей (в дальнейшем — ЗООИД), т. V, 1863 (греческий текст и русский перевод).
16. Акты древние Константинопольского Патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю, ЗООИД, т. VI, 1867 (перевод с греческого).
17. Житие Стефана Сурожского, труды В. Г. Васильевского, т. III, Петроград, 1915 (в дальнейшем — В. Г. Васильевский, т. III).
18. В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб, 1884 (в дальнейшем В. Г. Тизенгаузен).

19. Ибн-ал-Биби, Рассказ о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (в пересказе А. Ю. Якубовского), Византийский Временник, т. XXV, Л., 1928.
20. Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны (1253—1255), перевод А. И. Малеина, СПб, 1911.
21. *Oficii Gasarie, Monumenta Historiae patriae, II, Leges municipales*, Turin, 1838.
22. Устав генуэзских колоний на Черном море 1449 г., ЗООИД, т. V, 1863.
23. *Atti della Società Ligure di storia patria*, v. v. VI, VII, f. 1, v. VII, f. 2 (в дальнейшем—Atti...).
24. *Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIII siècle*, Boucares, 1927; Morozzo della Rocca, A. *Lomberdo, Documenti del commercio veneziano nei secoli XI—XIII*, Torino, 1940, II.
25. Л. Ваксель, Изображение разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской Империи, снятые с памятников 1797 г. СПб, 1801; Юргевич, Генуэзские надписи, в Судаке, ЗООИД, т. V; Н. Лапин, Судак, М., 1928.
26. E. Skrzinska, *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée*, 1928.
27. А. Л. Якобсон, Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму, Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 54, 1954.
28. О. Бадер, Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма, Труды института краеведческой и музейной работы НКП РСФСР, 1940, т. I.

Г л а в а I

1. П. Н. Заболоцкий, Очерки доисторического прошлого Крыма, Феодосия, 1931, стр. 71—72.
2. П. Н. Шульц, О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма, Крымиздат, 1952, стр. 8.
3. В. В. Латышев, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 224—225.
4. Там же, стр. 283.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 61, стр. 389.
6. ЗООИД, т. V, стр. 605, заметка № 61.
7. Там же, заметка № 62.
8. Там же, заметка № 63.
9. Ф. Брун, указ. соч., ч. II, стр. 122.
10. В. Г. Васильевский, т. III, стр. CLVIII.
11. Там же, стр. CLVI—CLIX.
12. *Ravennatis Anonymi Cosmographia*, edd. Pinder et Parthey, Berolini, 1860, p. 175; В. Г. Васильевский, т. III, CLXIII.
13. В. Г. Васильевский, т. III, стр. 96.
14. Там же, стр. 95. Орфография упрощена.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же, стр. 96.
18. Там же.
19. Б. А. Рыбаков, Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма, 1952, стр. 13—14; Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржеleckий, К вопросу о славянах в Крыму, Вопросы истории, № 4, 1952, стр. 98; А. П. Смирнов, К вопросу о славянах в Крыму, Вестник древней истории, № 3, 1953, стр. 45.
20. В. В. Кропотин, Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья, (автореферат кандидатской диссертации), 1953, стр. 13—14.

21. Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, указ. соч., стр. 98.
22. А. П. Смирнов, указ. соч., стр. 33.
23. Там же, стр. 34—40.
24. Там же, стр. 40—44.
25. Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 440.
26. В. Г. Васильевский, т. III, стр. 64—65.
27. Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв., ч. I (IX—XIII вв.), М., 1953, стр. 74.
28. Там же, стр. 80—81.
29. Там же, стр. 84.
30. Там же, стр. 84—85.
31. Там же.
32. А. Н. Насонов, Тмутаракань в истории Восточной Европы, Исторические записки, № 6, стр. 90—91.
33. Очерки истории СССР, стр. 84.
34. Там же, стр. 401.
35. Б. Д. Греков, Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь, ИТОИАЭ, т. III, 1929 (Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии).
36. Житие Константина-Кирилла, Чтения в обществе истории и древностей при Московском университете, 1863, кн. 2, отд. III, стр. 12; А. Л. Якобсон, ук. соч., стр. 35.
37. А. Л. Якобсон, ук. соч., стр. 35.
38. Слово о полку Игореве, М., 1954, стр. 6.
39. ЗООИД, т. V, стр. 620, заметка № 170.
40. Н. С. Барсамов, Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—1931 гг., Феодосия, 1932; В. П. Бабенчиков, О результатах археологических раскопок в Коктебеле, „Крымская правда“ от 7 июня 1952.
41. Б. А. Рыбаков, Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма, 1952, стр. 5—6.
42. Там же, стр. 5.
43. В. Г. Васильевский, т. III, стр. 95.
44. А. Л. Якобсон, Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму, Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, вып. 54, 1954, стр. 171.
45. А. Л. Бертье-Делагард, Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, приложение—список Д, Сугдейская епархия, Известия Таврической ученой архивной комиссии, т. 57, стр. 133.
46. В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен, СПб, 1896, стр. 16—17.
47. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 26.
48. Там же, стр. 502.
49. В. Рубрук, указ. соч., стр. 68.
50. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 26.
51. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе турок на Судак, половцев и русских, Византийский временник, т. XXV (пересказ А. Ю. Якубовского).
52. Там же, стр. 54.
53. Там же.
54. Там же, стр. 66.
55. Там же, стр. 57.
56. Там же, стр. 55. Динар—золотая монета.
57. Там же, стр. 57.
58. Там же, стр. 56.

Глава II

1. К. Маркс, К критике политической экономии, 1952, стр. 210.
2. ЗООИД, т. V, стр. 601, заметка № 33.
3. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 26.

4. Там же, стр. 28.
5. Там же.
6. ЗООИД, т. V, стр. 597, заметка № 10.
7. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси, вып. I, Киев, 1890, стр. 14.
8. Мартин Броневский, Описание Татарии, ЗООИД, т. VI, стр. 356.
9. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси, вып. I, стр. 8.
10. А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII в., М.—Л., 1948, стр. 418.
11. ЗООИД, т. V, стр. 611, заметка № 104.
12. Рубрук, указ. соч., стр. 67.
13. Bratiani, указ. соч., стр. 303—304.
14. Actes des notaires..., стр. 280, 284.
15. Heyd, указ. соч., II, стр. 129.
16. Рубрук, указ. соч., стр. 66.
17. Там же, стр. 67.
18. А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.), Материалы и исследования по археологии СССР, № 17, стр. 26.
19. Марко Поло, Путешествие, Л., 1940 (перевод Минаева), стр. 261.
20. ПСРЛ, т. II, стр. 220.
21. Bratiani, указ. соч., стр. 239.
22. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 63.
23. Mогоzzo..., указ. соч., стр. 18—19.
24. Марко Поло, указ. соч., стр. 4.
25. Там же, стр. 265.
26. Там же, стр. 5.
27. Ф. Успенский, История Византийской империи, т. III, стр. 614—615.
28. Там же, стр. 617—618.
29. Bratiani, указ. соч., р. 307—309.
30. Там же, стр. 303—307.
31. Ф. Успенский, указ. соч., т. III, стр. 627—628.
32. Canale, Della Crimea..., р. 441.
33. Actes des notaires génois...
34. М. В. Старокадомская, Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII—первой половины XV в. (автореферат кандидатской диссертации), М., 1950, стр. 3—4.
35. Monumenta Historiae patriae..., р. 380.
36. Там же, стр. 382.
37. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 198, 290.
38. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 542, 544.
39. ЗООИД, т. V, стр. 602, заметка № 44.
40. ЗООИД, т. V, стр. 611, заметка № 104, В. Г. Васильевский, т. III, стр. XXVII.
41. ЗООИД, т. V, стр. 607—608, заметка № 82.
42. Там же, стр. 606, заметка № 68.
43. Там же, стр. 609, заметка № 88.
44. В. Г. Васильевский, т. III, XXXVIII.
45. ЗООИД, т. V, стр. 596, заметка № 5.
46. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 195.
47. ЗООИД, т. V, стр. 621, заметка № 181.
48. Там же, стр. 600, заметка № 30.
49. Raynaldi, Annales ecclesiastici, v. XXIV, 1887, р. р. 202—203.
50. ЗООИД, т. V, стр. 611, заметка № 103, стр. 597, заметка № 11.
51. Южнорусские былины, Богатыри-сурожцы, Сб. отд. русского языка и словесности Академии наук, т. XXVII.
52. В. Г. Тизенгаузен, т. I, стр. 303.
53. ПСРЛ, т. X, 228.
54. В. Е. Сыроечковский, Гости-сурожане, Известия Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), вып. 127, стр. 17.

55. ПСРЛ, т. VI, стр. 99, т. VIII, стр. 43, т. XI, стр. 73, 77.
56. Бархатная книга, гл. XXXVI.
57. И. Медведева, Русская Таврида, Симферополь, 1946, стр. 24.
58. ПСРЛ, т. XI, стр. 54.

Глава III

1. Заметки на полях рукописи евангелия, Записки Русского Археологического общества, т. I, новая серия, СПб, 1886, стр. 180.
2. ЗООИД, т. VI, стр. 347.
3. А. Л. Бертъе-Делагард, Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, ИТУАК № 57, стр. 22.
4. А. Л. Бертъе-Делагард, указ. соч., стр. 23—32.
5. Bratiani, указ. соч., 197.
6. Silvestre de Sacy, Pièces tirées des archives de Gênes, Notices et extraits des manuscrits etc., v. XI, 52—58.
7. А. Л. Бертъе-Делагард, указ. соч., стр. 19.
8. Atti, V, 254—255.
9. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 81.
10. М. К. Старокадомская, Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII—первой половины XV в. (автореферат кандидатской диссертации), М., 1950.
11. Там же, стр. 5.
12. К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 343—344.
13. Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв., Исторические записки, № 3, стр. 91—94.
14. Н. А. Гольдшмидт, Кафа—генуэзская колония в Крыму в конце XIII—первой половине XV в. (автореферат кандидатской диссертации), М., 1952.
15. Monumenta Historiae patriae, II, Leges municipales, p. 407.
16. Atti, VII, 2, 323.
17. Там же, VII, 2, 248.
18. Там же, VII, I, 548.
19. И. А. Гольдшмидт, указ. соч., стр. 10—11.
20. Там же.
21. Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Из истории социальных отношений в генуэзских колониях..., Исторические записки, № 7, стр. 10.
22. Atti, VII, 2, 301.
23. Там же, стр. 307.
24. Там же, стр. 313.
25. Там же, стр. 302.
26. ЗООИД, т. V, стр. 767.
27. Там же, стр. 780.
28. Там же, стр. 773.
29. Atti, VII, 2, 292—324.
30. Там же, стр. 318.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же, стр. 301.
35. Там же, стр. 319.
36. И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, М., стр. 41.
37. Atti, VII, 2, стр. 318.
38. Там же, стр. 323.
39. Там же.
40. Там же, стр. 319.
41. Там же, стр. 323.
42. В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 15, стр. 66.

43. Atti, VII, 2, стр. 319.
44. Там же, стр. 318.
45. Там же, стр. 292.
46. Там же.
47. Там же, стр. 293—294.
48. Там же, стр. 295.
49. Там же.
50. Там же, стр. 296.
51. Там же, стр. 296.
52. Там же, стр. 305.
53. Там же, стр. 307.
54. Там же, стр. 314—316.
55. Там же, стр. 315.
56. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 200.
57. Устав 1449 г., ЗООИД, т. V, 1863, стр. 643.
58. М. М. Ковалевский, Юридический быт гетуэзских колоний на Черном море во второй половине XV века, Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904. стр. 196.
59. ЗООИД, т. V, стр. 779.
60. Там же, стр. 766.
61. Там же, стр. 768.
62. Там же, стр. 771.
63. Там же, стр. 772.
64. Там же, стр. 769.
65. Там же.
66. Там же, стр. 708, 777.
67. Там же, стр. 777—778.
68. Там же, стр. 781.
69. Там же, стр. 776.
70. Там же, стр. 779.
71. Там же, стр. 780, 776.
72. Там же, стр. 780.
73. Там же, стр. 773.
74. Там же, стр. 775.
75. Там же.
76. Там же, стр. 677.
77. Atti, VI, 383.
78. Там же, стр. 38.
79. ЗООИД, стр. 736.
80. Там же, стр. 780.
81. Там же, стр. 779—780.
82. Там же, стр. 677.
83. Там же, стр. 761—762.
84. Там же, стр. 743—744.
85. Там же, стр. 766—767, 774.
86. Там же, стр. 654—667.
87. Atti, VI, стр. 278.
88. Там же, стр. 315.
89. ЗООИД, т. V, стр. 746.
90. Там же.
91. Там же, стр. 747.
92. Там же, стр. 769—773.
93. Там же, стр. 773—774.
94. Там же, стр. 776.
95. Там же, стр. 770.
96. Там же, стр. 770—771, 767.
97. Там же, стр. 776.
98. Там же, стр. 777.
99. Там же, стр. 740.

Глава IV

1. Atti, VI, 32 и след. стр.
2. Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Из истории социальных отношений в генуэзских колониях..., Исторические записки, № 7, 1940, стр. 16—17.
3. Atti, VI, стр. 304.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же, стр. 102—112.
7. Там же, стр. 919.
8. Malowist Marian, Kaffa—kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475, Warszawa, 1947, XVI.
9. Там же.
10. Atti, VI, стр. 303.
11. Там же, стр. 315.
12. Atti, VII, 2, стр. 303.
13. Там же.
14. Malowist, указ. соч., XIII.
15. Там же, XXII—XXIII.
16. М. А. Тиханова, Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма, Материалы и исследования по археологии СССР, № 34, стр. 331—332.
17. Atti, VII, 2, стр. 319.
18. Malowist, указ. соч., XXIV—XXV.
19. Atti, VII, I, стр. 796—801.
20. Там же, VII, 2, стр. 26.
21. Malowist, указ. соч., XVII.
22. Сборник Русского исторического общества, т. 41, СПб, 1884, стр. 1—9.
23. Там же, стр. 12—13.
24. Там же, стр. 8—9.
25. Там же, стр. 12.
26. Там же.
27. Atti, VII, 1, стр. 250, 871.
28. Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв., ч. II, М., 1953, стр. 449.
29. Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, указ. соч., стр. 20—22.
30. Там же, стр. 22—23.
31. Atti, VII, 1, стр. 735.
32. Там же, VII, 2, 880.
33. Malowist, указ. соч., XXVII.
34. Там же.
35. Очерки истории СССР, период феодализма, ч. II, стр. 451—452.
36. Malowist, указ. соч., XXIX—XXX.
37. ПСРЛ, т. VIII, стр. 181.
38. М. Броневский, Описание Татарии, ЗООИД, т. VI, стр. 347.
39. М. А. Тиханова, указ. соч., стр. 332.
40. Очерки истории СССР... стр. 452—453.
41. ЗООИД, т. VI, стр. 347.

Приложение № 1

1. Ю. В. Готье, Археологические работы в Судак, Новый Восток, № 20—21, стр. 501.
2. М. Броневский, Описание Татарии, ЗООИД, т. VI, стр. 346—347.
3. В. Юргевич, Краткий очерк деятельности Одесского Общества истории и древностей, ЗООИД, т. XIV, стр. 55.
4. Протокол заседания Общества от 29/IV—1898 г., ЗООИД, т. XXI.
5. Крым, № 2, стр. 187—188.
6. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за десять лет, ИТОИАЭ, т. IV.

7. Ю. В. Готье, Археологические работы в Судакe, Новый Восток № 20—21, стр. 501.
 8. Вторая конференция археологов в Херсонесе в 1927 г., стр. 491.
 9. Новый Восток, № 20—21, стр. 501.
 10. Там же, стр. 502.
 11. Вторая конференция археологов в Херсонесе в 1927 г., стр. 49.
 12. Там же, в 1927 г., стр. 49.
 13. Ю. В. Готье, Материалы для плана археологического исследования древностей Судака; рукопись хранится в Государственном Историческом музее (Москва).
 14. Советская археология, № 2, стр. 226.
 15. ЗООИД, т. V, стр. 171¹.
 16. Там же, стр. 169—170.
 17. Е. Skrzinska, указ. соч., р. 108.
 18. ЗООИД, т. V, стр. 173—174.
 19. Е. Skrzinska, указ. соч., р. 119².
 20. Там же, стр. 120.
 21. Там же, стр. 120.
 22. ЗООИД, т. V, стр. 170—171.
 23. Там же, стр. 172.
 24. Е. Skrzinska, указ. соч., р. 115.
 25. ЗООИД, т. V, стр. 172.
 26. Там же.
 27. Там же, стр. 173.
 28. Там же, стр. 174.
 29. С. А. Качиони, В дебрях Крыма, М., 1902.
 30. ЗООИД, т. V, стр. 170.
-

¹ Переводы надписей даны в основном по В. Юргевичу с учетом поправок, внесенных другими исследователями.

² Русский перевод надписей из книги Е. Скржинской сделан мною. — С. С.

Оглавление

	Стр.
Введение	3
Глава I. Сурож и Русь	9
Глава II. Борьба Сурожа с татарами	19
Глава III. Сурож под властью генуэзцев	31
Глава IV. Сурож в последний период существования генуэзских колоний в Крыму	50
Заключение	59
Приложения	61
1. Описание развалин средневековой крепости в Судакe	63
2. Дело братьев Гуаско	73
Литература и примечания	95

Секиринский Сергей Анатольевич.
„Очерки истории Сурожа IX—XV вв.“.

Редактор *М. Олинский.*
Оформление художника *Р. Голяховского.*
Фотоснимки *Ю. Панютина.*
Художественный редактор *И. Рыбченко.*
Технический редактор *А. Фисенко.*
Корректор *Д. Заславская.*

БЯ 00121. Объем: 6,50 п. л., 6,82 уч.-изд. л., 6,70 авт. л. В одном печатном листе 41969 знаков. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Тираж 5000 экз. Сдано в производство 7/XII-1954 г. Подписано к печати 19/I-1955 г. Типолитография Крымиздата, г. Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ № 4882. Цена 3 руб.

Цена 3 руб.

КРЫМИЗДАТ
1955